

**Хамид
Алимджан**

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА
ТАШКЕНТ — 1971**

Подготовила к изданию

ЗУЛЬФИЯ

СЛОВО О ХАМИДЕ АЛИМДЖАНЕ

Творчество Хамида Алимджана — большая, захватывающая страница в истории узбекской советской литературы. Мне хочется в своем слове о Хамиде Алимджане вызвать у слушателей реальное ощущение роста поэта, его духовного обогащения по мере вступления в жизнь. Мне хочется, разворачивая свиток его удивительной жизни, дать ощущение масштабности незабываемых лет первых революционных преобразований, его участия в событиях времени, в созидательной деятельности народа, вскрыть подлинный смысл его исканий, нравственную основу его творческих достижений.

Родился Хамид Алимджан в бедной дехканской семье в городе Джизаке 12 декабря 1909 года. В 1923 году он окончил начальную школу имени Нариманова и в этом же году поступает в Самаркандское педагогическое училище.

Детские годы остались позади. Остались позади первые незабываемые светлые впечатления от устно-поэтического творчества узбекского и таджикского народа, с которым знакомила Хамида Алимджана мать. Очарование дастанов и сказок пробудило способность видеть и чувствовать красоту обыденной жизни в волшебном преображенном виде. Это было рождением поэта. Впоследствии он писал:

Меня пленял своей игрой
Чудесных сказок светлый рой.
Я слушал, затаив дыханье,
Волшебное повествованье.

Осенью 1923 года на самаркандских улицах можно было часто видеть стройного подростка с открытым лицом, с красивыми, по-детски наивными, но уже пытливыми глазами.

Народы Средней Азии погасили пламя гражданской войны, успешно гасили костры басмаческого движения, приступили к восстановлению народного хозяйства, к мирному строительству новой жизни. Узбекский народ тянулся к справедливости, к добру, мечты его воплощались в жизнь, и подросток страстно разделял их. Безоглядные юные порывы овладевали душой, звали к дерзаниям. Постигая тысячелетнюю поэзию Востока, полюбив в творчестве Алишера Навои, Низами, Джамии и в устно-поэтическом творчестве народа то вечно живое, близкое, бессмертно нужное и дорогое человечеству, что выражало народные мечты и что теперь воплощалось в жизнь, подросток утраплялся в мысли, что человеческие возможности безграничны.

Детское увлечение народными сказаниями и поэмами постепенно переходило в любовь к литературе, в желание писать стихи. Ощувив на бумаге первое трепетание созвучий и рифм, Хамид Алимджан уже не выпускает свое перо из рук в течение всей своей жизни. В 1926 году, учась в педагогическом училище, он выступает со своими стихами в областной газете «Зеравшан». Классовым чутьем чувствуя могучую силу и правоту ленинских идей во всех областях жизни, молодой поэт поступает в 1927 году на работу в комсомольский отдел газеты «Зеравшан» и горячо отдается журналистике, начинает писать очерки и рассказы, стремясь включить и свои силы в борьбу за новую жизнь.

Перед глазами его был замечательный пример революционного творчества поэта Хамзы, творчества исключительного по своему боевому накалу. Влияние Хамзы на молодого поэта было сильным. Хамид Алимджан не только хорошо знал его творчество, но и встречался с Хамзой. В поэзию Хамзы уже вошла новая общественная проблематика, новое политическое содержание, тесня традиционную поэтику. Под влиянием страстного революционного пафоса Хамзы поэзия Хаида Алимджана отчетливо отражала революционные, патриотические настроения народа. Хаида Алимджан становится не только учеником Хамзы, но и соратником пламенного борца, принявшим эстафету его воинствующей революционности, его стремления к интернационализму, к братству с русским народом и другими народами.

Поступив в 1928 году в Узбекскую педагогическую академию, Хамид Алимджан неожиданно открывает для себя новый величественный материк классической и советской русской литературы — литературы больших социальных вопросов. Глубокий гуманизм, реалистическая мощь, идейность и задушевность русской литературы, ее беззаветное служение народу открыли поэту широкую до-

рогу к познанию жизни, к познанию русского народа. Лучшие, заповедные страницы из произведений Пушкина, Тургенева, Некрасова, Гоголя, Льва Толстого, Чехова, Горького будили пылкое воображение поэта, рождая серьезные замыслы и желания.

В кругу друзей поэт часто говорил, что встреча с русской литературой наполнила его праздничным ощущением неиссякаемости духовных сокровищ. Понимая, что знакомство с ней обогатит родную литературу, он стал горячим ее пропагандистом.

Новый сложный мир жизни и борьбы трудовых масс за лучшую долю, новые стороны действительности, новые мысли о жизни, о человеке открылись перед ним, рождая большие благородные чувства и мысли. Его изумляла неистребимая сила народных стремлений к свободе, мечты о счастье, и он начал яснее осознавать историческую роль народных масс, политику Коммунистической партии, созданной Лениным.

В очерке «Воспоминания о Горьком» молодой поэт пишет: «Это было в 1929 году... Я прочитал книгу «Мои университеты» Горького. Это чтение, во-первых, разбило вдребезги мое примитивное представление о рассказах и романах. Во-вторых, оно произвело в моих мыслях и мечтах такой переворот, что я и сейчас бессилён хорошо выразить это... Мне казалось, что прочитанная мною книга — самая большая книга мира, и это убеждение снова потянуло меня к произведениям Горького. Я начал читать его роман «Мать». Этот роман в моем сознании возвышался теперь перед «Моими университетами», точно великая гора перед слонем».

Постижение правды больших народных характеров, созданных Горьким, открыли Хамида Алимджана. С 1929 года по 1940 год выходят сборники поэта «Весна», «Утренний ветерок», «Огненные волосы», «Смерть врагам», «Состязание», «Ночь на реке», «На берегах Чирчика», «Родина», «Счастье», поэмы «Сказки двух девушек», «Ойгуль и Бахтиёр», «Зейнаб и Аман», «Симург». Обаяние этих книг состоит в том, что в них бьется горячее сердце нашего современника. Книги эти хорошо передают красоту многих свойств поэта, многих черт его творчества, приобретенных в борьбе за преобразование жизни. Очень целостно и очень убедительно воссоздают они историю закалки и возвышения поэтического творчества Хамида Алимджана в условиях труднейших исторических лет.

Когда перечитываешь эти книги поэта сейчас, с удивлением отмечаешь, как глубоко было постижение им революционного духа времени. Они дышат искренней любовью в трудовому народу. В них звучит чувство гордости за те преобразования, которые совершил узбекский народ под руководством Коммунистической партии.

Узбекский народ, получив в Октябре 1917 года свободу, воспринял для новой жизни и проявил необычайную энергию и трудолюбие. Строки многих, очень многих произведений Хамида Алимджана, воспевающих новую жизнь народа, полны поэзии и красоты. Поэтскому так пронзительно, так горестно-щемящи строки его стихотворения «Самарканд 22 января 1924 года» о скорби узбекских трудящихся, потерявших любимого вождя и гениального учителя Владимира Ильича Ленина.

В поэзии, равно как и в других жанрах литературы, нельзя притвориться взволнованным, если ты не взволнован, влюбленным, если ты не влюблен, гневным, если ты не испытываешь гнева.

В произведении обязательно скажется автор как человек. Если он равнодушен, скажется равнодушие, если он честен в отношениях с женщиной и друзьями, проявится и это. Если он груб, обязательно проявится грубость. Произведения Хамида Алимджана этих лет свидетельствуют о цельности душевного склада поэта, о большом, благородном сердце поэта, об одухотворенности высокой идейностью, о возвышенном чувстве любви к людям и родине. Озабоченный делами и нуждами своего народа, поэт умеет видеть историческое значение усилий народа. Можно привести немало стихотворений Хамида Алимджана, привлекающих симпатии читателей умением поэта обласкать гражданскую тему в форму глубоко лирического высказывания.

В стихотворении «Восток» поэт пишет:

Став свободным навсегда,
Человек в борьбе суровой
Мудрой силою труда
Мир творит большой и новый.

Ныне блещут в небесах
Ночью зори золотые,
В электрических лучах
Горы, рощи молодые.

Ветры вольные поют:
«Будь в одном ряду с бойцами,
Славь упорство, смелость, труд,
Зажигай сердца стихами».

Эта попытка превратить в поэтическую действительность социалистическое мировосприятие ее характерна воплощением поэтической правды времени, осознанностью стремлений.

В 1929 году Хамид Алиджан встретился с Маяковским. Эта встреча произошла в Крыму. Если раньше Хамид Алиджан считал своим наставником в поэзии самого сильного, самого волевого, самого революционного узбекского поэта Хамзу Хаким-заде Ниязи, то со дня встречи с Маяковским он становится последователем и Маяковского. Маяковский так же, как и Хамза, привлекал его своим нетерпеливым стремлением всегда быть зачинателем многих усилий и дерзких начинаний Советской власти в области строительства новой социалистической культуры.

Хамид Алиджан изучает художественные средства Маяковского, старается постичь, как поэтически решает он свои задачи и, ничего не заимствуя, стремится и свои творческие задачи решать по-новому. Это помогало ему подойти наиболее плодотворно к собственным задачам, к их решению новыми средствами.

Сила поэтического притяжения была такова, что поэт, со свойственной ему чуткостью ко всякой новизне, очень быстро понял новаторскую роль Маяковского в обновлении русской поэзии и сам начинает расширять горизонты родной поэтической речи. К этому времени его уже тяготили застывшие каноны поэзии Востока.

Маяковский еще более обострил в нем понимание современности как исторического процесса. Вводя в свои стихи новую общественную проблематику, новое поэтическое содержание, Хамид Алиджан учится преодолевать огромный разрыв между революционным содержанием своих стихов и старыми формами, создавая новые средства художественной выразительности, новые жанры, новые поэтические приемы, расширяя и развивая традиции национальной литературы.

Старые формы сдерживали, ограничивали возможности поэтов в выражении новых идей. Это понимали Айбек, Гафур Гулям, Уйгун и другие поэты республики. И они или пытались соединить старую поэтику с новым мироощущением, или разрывали сковывающие их узы, создавая новые формы. Процесс этот был исключительно плодотворным, поэзия развивалась и год от году обогащалась, наполнялась новым содержанием.

Стремление к новаторству питалось не только поэтикой Маяковского, не только стремлением поэта воспеть социальные преобразования в стране, но и обращением к жанру публицистики и очерка. Хамид Алиджан уже в начале 30-х годов все чаще выступает в печати и перед общественностью республики, проявляя себя, как

инициативный и настойчивый борец за исторические перемены, за преобразования в республике.

В своих художественных очерках, посвященных актуальным темам современности, Хамид Алимджан не только обнаруживает глубокое понимание социальных преобразований, но и страстно желает содействовать своим пером поступательному движению народа и партии во всех областях нашей жизни, содействовать рождению и утверждению новых социалистических отношений между людьми. Таковы его очерки «Истинная слава», «Вахш», «Файзулла-ата Юнусов», «Зейнаб», его публицистические статьи «Река жизни», «Жизнь» и другие.

Наблюдая новые стороны действительности, придавая явлениям и фактам жизни поэтическое звучание, Хамид Алимджан, сам того не замечая, прокладывает широкий мост между действительностью и собственным поэтическим творчеством. Обогащалась палитра изобразительных средств, в поэтическое творчество входили новые темы, новые образы.

Написав с большим темпераментом очерк «Зейнаб» об узбекской девушке Зейнаб, получившей в 1935 году орден Ленина за самоотверженный труд по выращиванию высоких урожаев хлопка. Хамид Алимджан ощутил необходимость поэтического осмысления фактов ее жизни и он создает замечательные образы девушки Зейнаб и юноши Амана, с большой психологической правдой и художественной выразительностью рисуя героев нашего времени.

Очарование этой поэмы в остроте чувства поэтичности новой жизни, в красоте новых отношений в семье, в морально-этической высоте изображения любви и верности героев поэмы. Тонко чувствуя реальность жизни, поэт сумел в поэме этой отразить особенности социалистической действительности.

Активно участвуя в буюном строительстве революционной культуры республики, Хамид Алимджан удачно сочетает литературное творчество с научной работой, пишет исследования и статьи по самым насущнейшим вопросам узбекской советской литературы. В тридцатые годы, в ряде публицистических и научно-критических статей, он разоблачает реакционную сущность националистической литературы, горячо пропагандирует принципы марксистско-ленинской эстетики, опыт русской классической и советской литературы, борется за упрочение принципов партийности и социалистического реализма в узбекской литературе.

Его статьи «О трудностях учебы и обучения» (1932), «Меньшевизм под маской марксизма» (1932), «В период крутого подъема нашей литературы» (1934), «О литературном творчестве Фитрата»

(1936), а также написанные в соавторстве с Уйгуном научно-критические статьи «На пути овладения социалистическим реализмом» (1933), «Не разоблачение, а маскировка» (1934), «К вопросу о классовой сущности джадидской литературы» (1935), «Первый период узбекской советской литературы» (1935), «Узбекская буржуазная поэзия периода военного коммунизма» (1935) оказали сильное влияние на художественную интеллигенцию республики, воодушевляя ее своей глубокой убежденностью, искренностью и верой в ленинские идеи, на борьбу за развитие литературы социалистического реализма.

Эти статьи были школой политического воспитания для литераторов республики, особенно для молодежи, ибо отчетливо вскрывали классовый характер буржуазно-националистической идеологии, разоблачали стремление джадидов оторвать узбекских писателей от народа, от русской литературы, свернуть его на неправильный путь, чтобы использовать литературу в антинародных целях. Поэтому противники поэта — буржуазные националисты — всячески стремились очернить Хамида Алимджана, подорвать его растущий среди писательской общественности авторитет. Но сделать это они не могли. Хамид Алимджан, исходя из ленинского учения о партийности и народности пролетарской литературы, убедительно доказывал несостоятельность призывов буржуазно-националистической группы писателей к воспеванию националистической обособленности, идеализации феодального прошлого.

В своей деятельности Хамид Алимджан руководствовался мыслями В. И. Ленина о том, что художественная литература должна стать неотделимой частью общепролетарского дела, что партийность, служение делу коммунизма должны стать основной чертой новой социалистической культуры.

С искренним бескорытием пропагандировал Хамид Алимджан произведения классической и современной литературы русского и других братских народов. Его ищущая мысль останавливалась на многих писателях прошлого и современности. Он писал статьи о Пушкине («Привет, Пушкин»), о Лье Толстом («Толстой и узбекский народ»), о М. Горьком («Знакомство с Горьким», «Великий художник», «Он беспощаден к врагам»), о В. Маяковском («О В. В. Маяковском», «Создатель нового русского стиха»), о Серафимовиче («Творческий путь Серафимовича»), о Тарасе Шевченко («Тарас Шевченко»), о Джамбуле («Джамбул и народ»).

Человек необычайной энергии и трудоспособности, он пропагандирует их творчество не только в статьях, но и переводит произведения этих писателей на узбекский язык, давая возможность узбекско-

му читателю знакомиться с их произведениями. Он перевел «Русалку», «Кавказского пленника» А. С. Пушкина, стихи Т. Шевченко, «Бэлу» Лермонтова, «Челкаша» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Платона Кречета» А. Корнейчука.

Хамид Алимджан познакомился со многими произведениями мировой литературы. С увлечением читал Шекспира, Байрона. Кстати следует сказать, что у него была исключительная память на произведения, его взволновавшие. Меня и товарищей по перу он удивлял иногда тем, что наизусть декламировал огромные отрывки из произведений Навои, Саади, Фурката, Пушкина, Шекспира, Байрона.

Кровно заинтересованный в развитии родной культуры, Хамид Алимджан получает в 1938 году хорошую возможность послужить ей. Его назначают ученым секретарем только что созданного юбилейного комитета по подготовке и проведению 500-летия великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Увлеченно, деятельно участвуя в организации собрания и изучения литературного наследия Навои, Хамид Алимджан вдумчиво исследует его творчество.

К этому времени относится борьба Хамида Алимджана с буржуазными националистами за правильное понимание и толкование величайшего наследия узбекской классической литературы прошлого. Он отстаивает его от посягательств националистов.

С большим энтузиазмом стремился Хамид Алимджан ввести братские народы в новый для них мир узбекской классической литературы, пишет на узбекском и русском языках статьи «Мухаммед Амин Мукими», «Об Алишере Навои», «Навои — создатель узбекского литературного языка», «О Фархаде и Ширин», «Навои и народ», «Навои и современность», собирает и изучает устно-поэтическое народное творчество, подготавливает к изданию одно из достижений национального художественного гения — дастан «Алпамыш», пишет к нему предисловие. Он понимал значение устного народного творчества в развитии советской литературы, понимал по собственному опыту, что фольклор оплодотворяет литературу жизнеутверждающими традициями народной жизни, свежестью, полнокровием народного языка.

Его любовь к устному народному творчеству была настолько велика, что впоследствии он много энергии и сил отдавал на организацию в Союзе писателей республики творческих соревнований народных поэтов. В Союзе писателей устраивались вечера поэзии с участием прославленных узбекских бахши — народных певцов, скитателей, таких, как Фазыл Юлдаш-оғлы (1872—1955), Ислам-шири,

Назар-оглы (1874—1953), Эргаш Джуманбульбуль-оглы (1868—1937).

Хамид Алимджан пристально вглядывается в жизнь, неустанно изучает новую действительность. Но зная жизнь, надо эти знания превратить в правду искусства. Поэт постоянно стремился изучать своих героев, их мысли, их мечты, их труд. Его социальный оптимизм, его непреклонная воля к борьбе за новую жизнь выделяли его среди многих крупных писателей республики. Поэтому в 1939 году эти качества поэта и его страстное желание связать дело литературы с живой практикой коммунистической партии, с жизнью народных масс, его кипучая энергия, политический и организаторский опыт были оценены, и он становится руководителем Союза писателей Узбекистана.

Руководство писательской организации требовало огромного труда, подлинного самозабвения, постоянной творческой мобилизованности, и поэт, нравственно чрезвычайно сильный человек, находит в себе силы совмещать руководство с исключительно напряженной творческой работой. Его поэзия в эти годы и незадолго до них приобретает большой размах и внутреннюю цельность. Расширилось жизненное и художественное содержание его произведений. Поэт стремится к правдивому, исторически конкретному изображению действительности в ее революционном развитии. Произведения поэта все больше и больше приобретают национальную окраску.

Широко и вольно переливаются в стихах поэта и таких его балладах и поэмах, как «Шахмардан», «Два сказания», «Долина счастья», «Зейнаб и Аман», «Ойгуль и Бахтиёр», «Симург» героическое прошлое народа и его радостное настоящее, прочное человеческое содружество советских людей, неистовая влюбленность в жизнь, в нашу действительность, любовь, пронизывающая все бытие человека.

Шли годы. Великую Отечественную войну Хамид Алимджан встретил будучи уже зрелым мастером стиха, полпредом литературных сил, признанным новатором в поэзии, вполне сложившимся публицистом и ученым. Ему принадлежала ведущая роль в поэзии и литературоведении республики. Сказав это, мне хочется сказать и другое — мужание таланта и зрелость гражданина были обусловлены выбором поэтом прямого, бескомпромиссного пути. Можно смело сказать, что Хамида Алимджана взрастила, формировала и сделала своим поэтом и бойцом Октябрьская революция: это она продиктовала ему его стремления, его мечты, наполнила творчество суровой правдой времени. Пройдя период переломных социальных бурь, период строительства новой социалистической культуры, поэт

и в своем поэтическом и научном творчестве выпукло и зримо отразил исторический смысл классовой борьбы.

Первый день объявления войны поэт встретил в Москве. Его поэтическое развитие вступило в новую стадию еще более тесного срастания с жизнью, с тем новым, что вносила в жизнь страны грозная война. Вот образ Москвы тех тревожных дней.

О город мой! Забыта тишина.
Настороже. И ни на миг покоя...
В твоей душе к победе страсть одна.
В твоём быту один обычай — боя!

С исключительной силой зазвенели в стихах поэта струны советского патриотизма, уверенности в победе над коварным врагом. Хорошо понимая, что русскому народу, России придется в первую очередь принять на себя удары врага в этой труднейшей войне, что России принадлежит ведущая роль в отстаивании величайших завоеваний революции, поэт находит необыкновенно искренние, полные сердечной силы, пронзительные слова для выражения своей слитости с Россией.

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости,
И пролить свою кровь за тебя я готов.

Много зрелых свойств проявилось в творчестве поэта в годы Великой Отечественной войны. Характерно, что поэт, осваивая новый материал, прибегает не только к поэтической речи. Он берет на вооружение художественный очерк и публицистику. И в поэзии, и в его очерках, и публицистике военного времени встает вдохновенный образ борющегося народа. Запев в стихах 24 июня 1941 года в Москве «Песню победы», поэт день ото дня расширяет этот образ. Лучшие из лучших приемов ранней лирики и ранней публицистики, обогащенные годами неустанных поисков и труда,

близостью к жизни и **интересам** народа, раскрывали перед поэтом широкие возможности воздействия на читателя.

В 1943 году Хамид Алимджан в составе делегации узбекского народа побывал на Юго-Западном фронте. Фронт дал огромный запас жизненных впечатлений. С творческим воодушевлением создает он образы бойцов, гневно разоблачает фашизм. С блеском и темпераментом пишет статью «Единство», пронизанную чувством гордости за советских людей, жгучим презрением к врагу.

В очерке «У подножья горы Фархад» он создает незабываемые картины героического, самоотверженного труда народа в тылу.

В стихотворных сборниках, изданных в годы войны — «Мать и сын», «Возьми оружие в руки», «Вера», — поэт избегал риторических отписок от актуальных тем военного времени, широко распространенных в те годы в печати. С неподдельной искренностью и волнением говорил он в своих стихах и о чувствах матери, благословляющей сына на битву с жестоким врагом, и о любви к Родине, и о подвигах бойцов на фронтах войны, и о героическом труде в тылу.

Героические подвиги советских воинов в борьбе с озверелым фашизмом, нравственное превосходство наше над врагом окропили душу поэта уверенностью в победе нашей, душевной причастностью к судьбам мира. Ему стали бесконечно дороги те страницы истории народа, где народ отражал агрессию врага. Он искал исторические аналогии в далеком прошлом, сначала безотчетно, а затем вполне осознанно. Искал и нашел в истории восстания в Меввераннахре во второй половине VIII века, в восстании, которое возглавил Хашим ибн Хаким Муканна. Он создает историческую драму в стихах «Муканна». Драма эта, отразившая историческую правду, не потеряла своего политического значения и в наши дни, а в годы войны зрители находили в ней горячий отзвук своих патриотических чувств.

В другой стихотворной драме «Преступление», написанной за три месяца до трагической гибели поэта, мы видим острое выражение недавней социальной борьбы, продолжающейся и поныне, с пережитками прошлого в сознании советских людей. Показывая единоробство добра и зла в нашей жизни, в отношениях к женщине, поэт горячо ратует за нравственную чистоту, простоту и доверительность взаимоотношений между людьми.

Пристальное внимание широкого читателя привлекла баллада Хамида Алимджана «Слезы Роксаны». Баллада эта об эвакуированной в годы войны в узбекский кишлак Шахрихан молодой женщине Роксане, о потере ею сына, о глубоком сочувствии жителей кишлака ее горю, об огромной теплоте и заботе, которую проявили

жители кишлака к Роксане, написана лирическими строками высокого накала.

Приметы времени, подлинность пережитого людьми чувства дружбы и советского патриотизма придают этому произведению Хамида Алимджана особую человечность, которая обогатила нашу литературу военных лет. Хочется сказать, что усилившееся ныне внимание литераторов к внутреннему миру человека, к нравственным вопросам, к сфере морально-этической закладывалось Хамидом Алимджаном еще в годы войны.

Хочется сказать еще о том, что образ жизни Хамида Алимджана был неотделим от его творчества. Он был общительным, веселым товарищем, чудесным семьянином. Он часто говорил, что жизнь человеческая коротка и каждый из нас должен прожить ее достойно, с максимальной пользой для народа. Его отношения к семье, к детям, к жене, ныне прославленной поэтессе Зульфие, были поразительным образцом человечности. Основы творческого роста Зульфий, как поэтессы и общественной деятельницы, несомненно, закладывались в годы их совместной счастливой жизни.

Он был прост в общении с товарищами, легко сходилась с писателями разных поколений. Еще будучи студентом, он на мушoire узбекских поэтов, которая происходила на берегу Сияба, прочитал стихотворение «Сияб». На мушoire присутствовал Айни. Стихотворение так взволновало Айни, что он со слезами на глазах обнял молодого поэта и пожелал ему большой творческой жизни. С тех пор между Айни и Хамидом Алимджаном установились дружеские отношения. Слезы радостного удивления Айни многим надолго запомнились. Второй раз я увидел слезы на глазах Айни, но это были слезы величайшего горя: потрясенный до глубины души трагической гибелью поэта, Айни плакал, не скрывая своих слез.

В годы Великой Отечественной войны, когда к Москве подступал враг, многие московские писатели с семьями, а также писатели из Белоруссии и Украины были эвакуированы в Ташкент. Хамид Алимджан делал все возможное, чтобы создать им хорошие условия для работы и наладить творческое общение их с узбекскими писателями, хорошо понимая, что такие контакты приведут к взаимобогащению литератур, будут стимулировать дело переводов произведений с узбекского языка на русский и с русского на узбекский.

Я никогда не забуду того дня, когда мы с Хамидом Алимджаном пошли встречать Алексея Толстого. Хамид Алимджан проявил столько благожелательной готовности помочь большому советскому писателю облегчить тяготы военного времени, что между ними завя-

залась дружба. Прошло не так уж много времени — московские писатели возвратились в Москву. Война еще продолжалась, и мы снова встретились с Алексеем Толстым в его просторной московской квартире, где он принял нас с истинно русским радушием, с неподдельной простотой и заразительной сердечностью. Там была семья М. Горького, был Михоэлс, который осуществил постановку пьесы Хамида Алимджана «Муканна», была Зульфия, Айдын Сабирова, Хамид Алимджан, Халима Насырова и я. Незабываемое впечатление осталось от этой встречи.

Хамид Алимджан был в дружеских отношениях с А. Фадеевым, П. Павленко, Н. Тихоновым, Якубом Коласом и многими другими писателями. В годы эвакуации в Ташкенте собрался цвет русской творческой интеллигенции, и Хамида Алимджана ни на один день не покидала забота о том, чтобы приехавшие в Ташкент писатели чувствовали себя, как дома.

Тридцать три года было Хамиду Алимджану, когда он стал членом-корреспондентом Академии наук Узбекской республики. Это было признание его заслуг в области литературоведения, высокая оценка его борьбы за принципы материалистической эстетики, за партийность литературы, за торжество метода социалистического реализма.

Сегодня, говоря о поэте, нельзя не сказать главного о нем: Хамид Алимджан жил как подобает советскому поэту — всего себя отдавая высокому делу служения народу, партии, великим коммунистическим идеалам. В его творчестве настолько цельно и живописно отразилось наше время, настолько широко и полнокровно выражены народные чаяния, гордость создаваемым, что нельзя не признать величия его живой, горячей, яростной любви, влюбленности в нашу действительность.

Когда-то он сказал о М. Горьком — одном из своих учителей:

Голос Горького для нас не стих,
И свсточ, им зажженный, не угас.

Это мог сказать только человек, глубоко понимавший огромность того, что сделал Горький, и сам, как Данко — герой одного из произведений Горького, несший свое пылающее сердце во имя жизни, во имя счастья народа.

Голос Хамида Алимджана тоже никогда не затихнет, он звучит нежно, сильно, разнозвучно, страстно. Поэт завоевал прав-

на любовь, на благодарную память народа. Он был прав, утверждая:

Скажите всем: я буду жить всегда!
Я не умру, о други, никогда!

Хамид Алимджан ушел из жизни, едва достигнув тридцатичетырехлетнего возраста. Трагический случай 3 июля 1944 года вырвал его из наших рядов в разгар творческой работы, когда перед ним открывался широкий творческий простор. Много погубило вместе с ним, но и то, что сделано им, очень значительно и останется в нашей литературе навсегда.

КАМИЛЬ ЯШЕН

Стихотворения

УЗБЕКИСТАН

Когда брожу по стране родной,
Странное чувство владеет мной:
Землю ее цветущих садов —
Что ни миг — целовать я готов.
Расскажам людей внимать люблю —
Мысли и песни в душе коплю.
С песней вдоль рек родных прохожу,
С песнями я по долинам брожу.
Но краше всех легенд старины —
Нынешний облик моей страны.
Вот он вновь предо мной возник,
Край мой родной, мой пышный цветник.
Солнцем и синевою осиян,
Звонко названный — Узбекистан!
О родина-мать, как ты хороша!
Тобой через край полна душа.
Словно невеста, счастливая ты —
У ног твоих пестреют цветы.
Это долина, радуя взор,
Свой живой расстилает ковер,
Как мириады алых пиал,

Тюльпаны в горах красней, чем лал.
Чело твое венчает убор
Снежных серебряно-белых гор,
И полноводны, и широки,
Тебя омывают две реки.
Их живой водой побежден,
С глаз людских убегает сон.
Радостный тут закипает труд,
Без песни не работают тут.
Щедро за труд человеку воздав,
Хлопок растет, высок и курчав,
Яблони, цвет осыпав с ветвей,
Никнут под сладкой ношей своей,
Гнется колос под грузом зерна...
Богата моя родная страна!
В поле — работа. Войдешь в города —
И здесь не смолкает песня труда,
Люди на фабриках ткут, прядут,
Радостен в стране моей труд.
Нет, страной скорпионов и змей
Мой край теперь называть не смей!
Эта экзотика нам смешна:
Она не такая, наша страна!
Свободен и счастлив наш народ —
Тутовый червь нам шелк дает,
Пчелы рады нам мед дать,
Птицы не любят от нас улетать,
Солнце здесь светит целый день,
Чтобы, довольства и счастья полна,
Была прекрасна наша страна.
Верен по-прежнему розе своей,
Теперь не стонет над ней соловей,
Новой ее красотой восхищен,
Счастлив в моей стране и он.

Поэты газели поют, но стих
Теперь не отравлен слезами их.
Матери над колыбелью поют —
Судьбу своих детей не клянут.
Счастливая на все времена —
Вот такая моя страна!
Каких героев мой край воспитал!
Взгляни на Большой Ферганский канал!
Кем же тебе эта мощь дана,
Любимая, родная страна?
Кто тебе вырасти так помог,
В чем твоей громкой славы залог?
Это партия, это Москва —
Вечно святые для нас слова.

1939

МОЛОДАЯ СИЛА

Ты в стране своей высишься, точно скала,
Что создать на свободе природа могла.
Даже в самые темные ночи светла,
Ты в сердца угнетенные свет пролила.

Ты в борьбе родилась, и удел твой высок:
В бурном море ты путь свой нашла, и, полна
Вдохновенья и страсти, ты, верой сильна,
В героические расцвела времена...
На груди твоей алый пылает значок.

В красном зареве битв он с тобою стократ,
Пламенея, сквозь бури и грозы прошел.
И, как молнии, нет и не будет преград
Светлой силе, что в сердце взрастил комсомол!

1927

КОГДА ТОСКУЕШЬ ПО ВЕСНЕ...

Ветер... Зима на дутарах играет.
В танце кружится серебряный снег.
Сердце ж дыханье весны ощущает,—
Песней пробился в нем юный побег!

Смейся, весна, молодыми устами
Землю целуй, опьяняющий день,
Рощи, холмы разукрасив цветами,
Щедро природу в шелка разодень!

Ты закипи и прорвись сквозь бураны,
Чтобы прийти к нам неожиданной, желанной!
Радостью каждый росток напои,
Как напоила ты песни мои.

Я по горам, как пастух, как влюбленный,
Буду бродить, обнимая весну,
А ввечеру у ключа, утомленный,
Сном животворным усну...

1928

ОБНОВЛЕНЬЕ

На белорудых облаках заря
Развесила пурпурные тюльпаны,
И вот уж солнца луч, животворя,
Льет золото на вешние поляны.

Вот бабочка слетела на цветок,
Бесплотная, на венчик села зыбкий.
Встречая гостью, каждый лепесток
Весенней озаряется улыбкой.

Кусты от роз, как зарево, красны.
Красны... Опять в тени поют дутары.
Поют... В великолепии весны
Все чаще сердца звонкие удары.

Подходит звездный вечер. Горы спят,
Покровом мягким зелени укрыты.
Приволье здесь для тонкорунных стад —
Травы обилье и воды избыток.

Весна! Чуть рог пастуший приумолк,
Звенит на пашне песня утром ранним,

И сердца твоего цветистый шелк
От маков вновь становится багряным.

Вглядитесь,— травы дышат. Что ни час,
Жизнь обновляется на мирных этих склонах.
И я весной надеюсь каждый раз
Вновь молодость свою найти в бутонах.

1928

ДОЧЬ АЗЕРБАЙДЖАНА

Ветер ласковый с Каспия дул,
Возвещая рождение весны,
И услышал я радостный гул,
Тайный голос далекой страны.

Облака, и черны и грозны,
Крылья властно простерли в те дни;
Как поблекшие листья бледны,
Звезд небесных мерцали огни.

Лица девушек — спелый гранат —
Укрывала чадра с юных лет,
И лишь взоры, не зная преград,
Нарушали суровый запрет.

Сердце юное мертвый закон,
Словно пленную птицу, держал.
Грудь страданьем напитывал он,
Как отравленный ядом кинжал.

Ветер ласковый с Каспия дул,
Ветер светлой весенней поры,
И услышал я радостный гул,—
Это женщины сняли чадры!

Лица девушек — спелый гранат —
Мыслью смелою окрылены,
То глаза молодые горят —
В них свободы огни зажжены.

Над потоками нефти в ночи
Звезды светлой выходят толпой.
Нескончаем могучий прибой,
И ключи под землей горячи.

Дочерей своих Азербайджан
Посылает на стройку страны,
Новым счастьем сердца их полны, —
Жребий солнечный женщинам дан!

Мне их песни узнать довелось,
И, придя к ним на праздничный той,
Я им сноп наших пламенных роз
От узбечки принес молодой.

1928

ВОСТОК

В горе, дервишей бедней,
Дни брели, понутив очи;
С минаретов, с тополей,
Не спеша, стекали ночи.

Под покровом снеговым
Великаны горы спали,
И века к богам глухим
Тщетно смертные зывали.

Угнетала тишина
Улиц, жаждущих, как чуда,
Громкой речи, хоть спьяна,
И шагов беспечных люда.

Звук тамбура уплывал,
Словно стон, в немые дали,
Голос сердца обнимал
Целый мир волной печали.

На ходу твердя коран,
Четок нить перебирая,
Вереницы мусульман
Шли, тюрбанами качая.

Без конца песок, песок...
Раскаленный вихрь кружится...
Боль в глазах, а путь далек,—
Караван без сил ложится.

Встав с рассветною звездой,
В паранджах, походкой сонной
Выходили за водой
Молча девушки и жены.

Иногда, как боль, назрев,
Песнь из хижин доносилась,—
Да не радовал напев,
Где о боге лишь твердилось.

Так, отвержен, слеп от слез,
Влек Восток ярмо неволи,
А поэт средь вин и роз
Для тиранов музу холил.

Жизнь была как дикий лес,
Полный чудищ многоглавых,—
Всюду глаз их страшный блеск,
Всюду стук когтей кровавых

Радость кто тогда обрел?
Кто с бедою злой не знался?
Счастья бархатный подол
В руки бедным не давался.

Гнева огненным мечом
Труд рассек оковы плена,—
Октября весенний гром
Прогремел по всей вселенной.

И Востока тяжкий сон
Был развеян тем порывом,
Солнцем дружбы озарен,
День настал в краю счастливом.

Сердцу кажется милей
И луны, и звезд сиянье:
В глубине родных степей
Слышно трактора урчанье.

Став свободным навсегда,
Человек в борьбе суровой
Мудрой силою труда
Мир творит большой и новый.

Ныне блещут в небесах
Ночью зори золотые,
В электрических лучах
Горы, рощи молодые.

Ветры вольные поют:
«Будь в одном ряду с бойцами,
Славь упорство, смелость, труд,
Зажигай сердца стихами».

Счастья молодость не ждет
От аллаха иль пророка,
А сама его кует
На своей земле широкой.

А в соседстве, за чертой
Пограничной, и поныне
Стоит в рабстве люд простой —
Вечный каторжник пустыни.

Но восстаний алый стяг
Полыхает там все чаще,
И дворцы колеблет страх
Перед силой той бурлящей.

Нашей жизни яркий свет
Беднякам и всем бездельным,
Всем рабам — прямой ответ,
Как пробиться к высям вольным.

Этот день уже встает,
День всемирный, всемогущий,
И планету обоймет
Коммунизма сад цветущий.

1928

В ОГНЕ ВОЗМЕЗДИЯ

В стране труда свободный человек
В грядущий день прокладывает путь,
А за границей — край рабов, Восток.
Там пламенной мезтью дышит грудь,
Там лавы разливается поток.

Восток на угнетателей встает.
Небесный свод задымлен и багрян.
Куда ни глянь — восстания вулкан.
От спячки пробудился великан
И мстит врагам за вековечный гнет...

Вся грудь в крови... страдание в глазах...
Но в гневном сердце подыхает мезть —
То встал на бой истерзанный Китай.
Пока биенье в смелом сердце есть,
Далекий брат, надежды не теряй!

Москва в своих известьях говорит:
«Восток в огне возмездья, — говорит, —
Гудят костры на стонущей земле,
Престолы притеснителей горят —
На бой поднялся наш далекий брат».

Но снова коршун с Запада летит —
Над Индией холодный снег кружит,
Над знойной Индией — страданий снег,
И снова выстрелы... и кровь... и стон...
А в Лондоне — бутылок пьяный звон...

Вулканы заревом встают из мглы.
Ни коршуны, ни молнии — ничто
Не сдержит их. Из пепла и золы
Иная, вольная, возникнет жизнь —
Как солнце, будут дни ее светлы!

1928

ДЕТСТВО

Да, жизнь обычно такова:
Впивая жадно солнца свет,
Резвишься в цветниках сперва,
В песках, в лугах свой множишь след...
Поздней, влюбившийся в мечту,
Которой утоленья нет,
Пути к которой не сыскал,
Карабкаешься по хребту,
Штурмуешь перевал...

Детьми мы были... Сил запас
Накапливался что ни миг;
Был зорким и пытливым глаз,
А сердце чище, чем родник.
Была еще нежна душа
Той первой, раннею порой;
Мы жили, радостью дыша,
Пленяясь каждою игрой.
Кишлачных узких улиц стык,
Домишки по холмам вразброс,
Сады... В садах цветенье роз,
Журчащий день и ночь арык.
Тропинки вьются — далеки,
Горят светилен огоньки,

А мы шумливую гурьбой
Спешим к воде и ну — нырять,
Плещась друг дружке вперебой,
Рыбешкам вспугнутым под стать!..
Пройдут ли девушки, — вдогон
Летел, бывало, яблоч град;
Восход луны на небосклон
Служил сигналом для ребят:
Как воробьи, со всех сторон
Слетались мы, тот час избрав
Для прятков и других забав...
Как нам зато спалось потом
Ягнячьим безмятежным сном!

Давно те промелькнули дни,
И жизнь предстала нам иной:
Вперяя вдаль глаза-огни,
Помчал нас в город конь стальной.
Крутились по бокам сперва
Уступы гор...

Потом, гляди:
Все, все осталось позади.
Конь ржаньем оглашал простор.
Щемило сердце: в нем печаль
Вела с восторгом долгий спор;
Но путь был нов, манила даль,
И в споре победил восторг.

Немало отшумело зим,
Немало вёсен пронеслось
Полетом радостным своим,
И многое из снов сбылось...
Мужали души и умы,
И с маршем жизни городским

Сроднились мы.
Конечно, не всегда гладка
Дорога жизни... Вперерез
Порою бурная река
Рванется...

Кажется — исчез
И свет дневной. Но миг, другой —
Вновь блещет солнце над рекой,
Тебе и ей вернув покой.
Придет на память иногда
Минувшей юности пора
Иль детства... Кажется, вчера
Все это было... О, тогда,
Перебирая те года,
Их воскрешая, сам не свой
Я молча никну головой.
Но не властна над сердцем грусть:
Промчались, промелькнули... Пусть!
Как море — жизнь передо мной
Шумит и пенится волной,
Вновь увлекая и маня,
Помолодевшего меня
В ее вскипающий прибой...

1928

НА БЕРЕГУ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Морская ширь! О, как прекрасна ты!
Себя с волной в одно соединяя,
Хотел бы плыть я, ветер обгоняя,
С тобой сливая песни и мечты.

Как мать ребенка, ты мой легкий челн
Ласкаешь и укачиваешь нежно,
Поэта вдохновляя дух мятежный
Игрой своих неукротимых волн.

А в бурный час счастливей нет тебя:
Могучий ветер воды вверх взметает,
И вал то опадает, то взлетает,
Как жемчуг, брызги в воздухе дробя!

Объятье моря, как прекрасно ты!
Себя с волной в одно соединяя,
Хотел бы плыть я, ветер обгоняя,
С тобой сливая песни и мечты.

1928

СИЯБ

1

В полдень — с неба каскад
Золотистых огней.
Мощных гулов раскат
Рвет безмолвье ночей.
Задышали поля,
Молодеет земля,
Стаял дочиста снег,
Счастливы каждый побег
На ветру, на свету
Колыхнуться в цвету...
Жадно пьет человек
Бодрых дней красоту;
То хмельна и вольна,
Бархат трав
Разостлав,
Мир будя ото сна,
В путь рванулась весна!

2

Путь к Сиябу ведет,
Радость пенится в нас,
Что вокруг не мелькнет,
Все приметит наш глаз:

Вот в одной стороне
Овцы лугом трусят,
С ними сотни ягнят
В белоснежном руне,
К их веселой возне
Каждый тянется взгляд,
А в другой стороне —
Ни лугов, ни отар,
Там лишь в тягостном сне
Распростертый мазар...
Нелюдим, не храним,
Он в руинах лежит,
Он людьми позабыт,
Навсегда одинок...
Мы ж к Сиябу спешим,
Как потоки весной,
И в сердцах золотой
Зацветает цвeток.

3

Наконец-то Сияб! Словно взмахи ресниц,
Волны — вверх, волны — ниц...
Вышивает он вмиг —
Ловок, весел и скор, —
Словно тысячью игл,
За узором узор.
Мчится, мчится волна
Дальним сестрам вослед:
Поглядит ли луна,
Иль подсмотрит рассвет,
Как до первых она,

Наконец, доплеснет
Или там, вдалеке,
Затеряться в песке
Подойдет ей черед...
А пока об устой
Небольшого моста,
Что повис над рекой,
Бьется волн мелкота,
А из их гребешков
Расцветают потом
Сотни белых цветов
Под мостом.
Мост и впрямь невелик,
Но крепыш хоть куда:
Доставлять он привык
Тех — сюда, тех — туда.
Никаких никому
Не чинит он преград:
Груз не в тягость ему,
Он прохожему рад,
Будь тот молод иль стар,
Ночью ль будь то, иль днем...
Вечерами ж на нем
Много топчется пар.

Нынче праздник-гульба:
Играм-пляскам — почет...
За гурьбою гурьба
Над потоком течет,
И Сияб, словно сам
Привечая народ,
Молодым голосам
Вторит рокотом вод.

Топот, говор и гул,
Звонких кликов не счесть...
Не по проискам мулл,
Не в аллахову честь
Праздник нынешний дан;
То совсем не курбан...
На подъеме крутом
Наших огненных дней
Места нет для ханжей,
Чей придуманный бог
Был отменно жесток...
Дует ветер с холмов,
Развевает платки,
И к прохладе реки
Клонят зелень голов
Тростники...
Радость сблизила всех:
Каждый весел и юн;
Топот, говор и смех,
Рокот вкрадчивых струн.
Вот он ширится, круг,—
Пляске нужен простор,
Тише струн перебор.
И красавица вдруг,
Каждый радуя взор,
Вскинув брови-серпы,
Чуть прищуриwв глаза,
Понеслась из толпы.
Стан ее — что лоза!
Дробен каждый шажок
Дружных с песнею ног.
Весела молодежь,
Разгулялся народ...
Здесь лица не найдешь

Со следами забот.
Каждый празднично юн!
Только где ж ты, Ильхам?
Где ты сгинул, Уйгун?
День ушел со двора,
Не пора ли и нам
По домам?!

1929

В УЗБЕКИСТАНЕ

1

Солнце в невод свой золотой
Ловит тучек скользящих тень,
Нарастает шумов прибой...
Так родится в городе день!
Вот, прохладой ранней дыша,
Пионерка в школу спешит.
Рдеют щечки, и вся — свежа,
Словно лист, что дождем омыт.
Шаловливости огонек
Брезжит в светлой просини глаз:
Время есть, и путь — недалек,
Да вбежать не терпится в класс!
Там подружек шумливый рой,
В переменах игры и смех...
А учительница для всех
Стать сумела старшей сестрой.

2

Песня льется звучней, звучней,
Песня будит и тормошит.
С нею город встает и с ней
Трудовой свой подвиг вершит.
Жизнь вскипает, бурлит в цехах,

У печей, машин и станков.
И, как шип, вонзается страх
В души злобствующих врагов.
Город радостью обуян,
И выходят толпы людей
Не верблюжий встречать караван,
А колонны стальных коней.
На трибуне старик седой,
От дехкан, от дальних, гонец,
Он измучен долгой ездой,
Вытер лоб, тряхнул бородой
И сказал: «Кулачью — конец!
Власть Советов нам дорога.
Горше смерти то для врага!»

3

Зеравшан сегодня в плену:
Покориться людям готов.
Он смиряет свою волну
И не рвется из берегов.
А кругом сверлят и дробят:
Доконать упорство камней
Вышло племя богатырей,
Камнерубов дружный отряд.
Где лишь мертвый желтел песок,
Там, предвестьем кипучих дней,
Рассыпая бусы огней,
Электрический мчится ток.
И наказ Зеравшану дан:
«Всем напором буйной волны
Потрудись теперь для страны,
Людям стань слугой, Зеравшан!»

4

Словно мрамор, прохладная мгла,
 Спят поля, и песня молчит.
 По тропе, прозрачной стекла,
 Над землею луна скользит.
 И Джура идет с кетменем:
 Надо струям открыть проток,
 Чтоб, измученный жарким днем,
 Хлопок вволю напиться мог.
 Как сегодня река щедра!
 Воды хлынули и текут...
 Не нарадуется Джура:
 Гряды жадно и шумно пьют!

5

Лишь о том, что скрылась луна,
 Петухи во мгле прокричат,
 За листвою, что так зелена,
 В сад торопится Адалат.
 Как проворны движенья рук,
 Как сроднились они с трудом!
 Радость вьется пташкой вокруг,
 Провожая сборщицу в дом.
 Шелкопрядам нужен уход.
 Много трудной с ними возни!
 Ишь, набросились, точно с год
 Не видали корма они!
 Но хозяйка их — молодец,
 И внимательна и зорка...
 Побежит по станкам сырец,
 Зашуршат по стране шелка!

Не улица — смерч пыли! Зной!
 А мальчуган, уткнувши нос в халат,
 Смеется: «Съел бы дыньку, брат,
 Вон, кстати, их везут, постой!»
 И впрямь — арба! Да, как назло,
 Так тащится, что невтерпеж!
 Стопились люди. Песню донесло...
 Бежим навстречу... Толкотня, галдеж!
 «Какую выбрать?»—«Эта хороша ль?»—
 «Пить хочется!»—«Сбрось дыньку, что ль»—
 «Да с дорогой душой, изволь,
 Режь, ешь. Мне разве жаль?»
 А полосатая-то как сладка!
 Всех лучше — чистый сахар, мед!
 Да, знатно их выводит бахчевод
 Ишмат-ака!

1929

СТЕПИ

Эти безводные степи, пески
В солончаковом плену каменели,
Взором горящим, полным тоски,
Тысячи лет на людей глядели.

И тысячи лет дети труда
На этих землях, лишенных влаги,
Не знали отдыха никогда
И умирали, сиры и наги.

Словно рыданье, простершись в веках,
Здесь караванов горбы качались,
Слезы кровавые в жгучих песках,
Павши едва, в рубины скипались.

Мертвым царством казались порой
Наши аулы — все в них молчало.
Женщина, вставшая вместе с зарей,
Вымолвив: «Бог мой!» — тяжело вздыхала.

Нынче же в нашем краю поезда
Степь потрясают радостным гулом,
Дышит прохладой в каналах вода,
Радио вести несет по аулам.

Нычне всем своим существом
Я наслаждаюсь счастьем народа,
Гордо пою на просторе степном
Лучшую песню — песню восхода.

Завтрашний день показал свой лик —
Сколько надежд в степи пробудилось!
В каждом сердце весенний родник,
Вечное горе навеки сокрылось.

Может быть, песню сердца мою
Вихрь не развеет в песках без ответа,
И люди, как влаги чистой струю,
Встретят ее улыбкой привета.

1929

КОМСОМОЛ ИДЕТ

Отправляясь в учебный поход,
По горящей,
Как медь,
Мостовой
Шел отряд комсомольцев. Народ —
Золотой, молодой, боевой.

Мне казалось тогда самому:
Не в садах,
А в огне и в дыму
По-солдатски шагают они
Уже долгие, долгие дни.
Но я знаю:
Из них бы любой,
Если б голос войны прогремел,
Не колеблясь, отправился в бой,
Отчий край защитить бы сумел.

С песней звонкой шагает отряд.
Выше гор заснеженных взлетов,
Прямо к солнцу
Несется напев.
На пути его нету преград!

Вдруг команда:
«Направо равняйся!»
Плечи сдвинулись точным рывком.
Справа новый, знакомый всем дом.
В нем
Их штаб комсомольский, райком.

Шаг чеканя, прошел весь отряд,
На любое задание готов.
На закате вернулись назад
Комсомольцы
С учебных боев.

Холодком встает в стенах казарм,—
Здесь бойцы отдохнули.

И вот:

«Ну-ка, спляшемте!—

Кто-то сказал.—

Запевалы, танцоры, вперед!

Пусть веселая юность живет!»

Ночи

синие

легкие крылья

Утомленную землю прикрыли,

За бойцом засыпает боец.

Ровен стук

Комсомольских сердец.

И хорошие снятся им сны:

Светел мир.

В мире нету войны.

До рассвета

Их поднял сигнал,

Сразу сон молодой
Разогнал.

Вновь по улицам города все
Зашагали
В военной красе.
А небес синева
Высока.
Ветер тихо
Метет облака.
Догорают
В рассветном огне
Ночи
Звездные письма.
Словно рыба —
Плывет в вышине,
На глазах угасая,
Луна.

Горы —
Словно прилег великан
Отдохнуть на просторной земле.
Слева —
Пенный шумит Зеравшан,
Его брызги —
Как звезды во мгле.
Струи воздуха свежи,
Чисты.

Навевая
Предутренный сон,
Ветер тихо колеблет кусты,
Словно листья баюкает он.

Солнце копьями
Целит в лицо.
Гимнастерки от пота — как соль.
Но ничто не ослабит бойцов,
Их не сломят.
Ни голод,
Ни боль.

«Здесь залечь!»—
Так приказано всем.
Все телами прижались к горе.
Кто сказал вам,
Что камень — нем?
Там в звенящих ручьях,
В серебре —
Сотни горных
Звучало
Поэм.

И сказал тут бойцам командир:
«Вы храните в бою
Этот мир!»
Словно золото
В недрах земли,
В их сердцах
Те слова залегли.

1929

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

1

Узбекистан,
живи,
цвети
всегда!
Да не останется в душе
от прошлых бедствий
и след!

Путем звезды,—
Шаги тверды,
Победа впереди.
И в жилах
Бьющаяся кровь
Зовет:
«Вперед иди!»

Поток могучий!
Мой Восток,
Как жизнь несущая стрела,
Летит в пустыни,
Где ничья
Душа
Доныне
Не была.

Пусть видят все,
 Кто в сердце завязал узлы
 Сомнений и вражды,
 Пусть видят все
 Великий наш поход!
 Идет народ
 И рушит стены
 Тысячелетнего
 глухого плена,
 Смывая плесень
 рабства и нужды.
 Разбросанные по степи
 глухие
 кишляки
 Сливаются,
 как ручейки,
 В русло
 одной
 реки.
 Орлята
 одного гнезда
 Слетятся вновь
 и навсегда,
 И видят
 снеголикне
 Хребты
 сквозь облака:
 Идут
 бои
 великие

За счастье
на века.
На огнекрылом
скакуне,
Разбрасывая
искры,
Летит батыр
по крутизне,
Как сай кипучий,
быстрый,
Спешит,
всю жизнь свою несет
Туда,
куда позвал народ.
Летит он,
как из чигирика
Смеющееся семя,
Куда зовут народ великий,
Наш стяг
и наше время

1930

СТРАНА МОБИЛИЗОВАНА

Не желтые листья,
Что осень роняет,—
Нет,
Кажется мне
В сентябре,
На заре,
Что сочные листья
Воскресшего мая
В наряд шелестящий
Страну одевают.

Река,
Что ровней
и прозрачней стекла,
Спокойно течет,
как веками текла,
И свежесть повсюду такая!
Такая,
Как будто река,
Из зари вытекаая,
Мне сердце
Кристалльной струей
Омывает
И с песней течет

По родимому краю.
По улицам радостного Нарына
Гремит
Нагруженная хлопком машина.

То едет в райком
председатель колхоза —

Старик Балтабай.
Он в стране знаменит.
Кулацкие он

презирает угрозы,
Он так поступает,
Как совесть велит.
Пусть волны встают,
буря злится и стонет —

Он держит свой курс!
Он дойдет!
Не потонет!
Он сед, но горяч.
Он как белое пламя.
Он днями работал,
Он думал ночами.
И вот для отчета он едет в райком.

Им выполнен план,
Как и прежние планы.
Сюда

грузовик за грузовиком
Подходят —
грохочущие караваны.

О нет,
Не исчезнут бесследно
мгновенья

Великого

века

борьбы и

труда!

Отчизны моей

Трудовое горенье

В дела воплощается —

Навсегда!

Острое лезвие

нового плана

В сердце врага

мы вонзить обещаем.

Привет вам

из жаркого Узбекистана!

Мы славных побед вам

И счастья

желаем!

Коробочки хлопка

В полях покачнулись

И светлой улыбкой

Стране улыбнулись.

Сегодня направились

к зданию райкома

Все лучшие люди.

Мне все тут знакомы:

Вот

с белой, как хлопок,

большой бородой

Стоит Балтабай,

старый друг боевой!

Давно ли

у бая

он был

Батраком?
Теперь он — в почете.
Он послан в райком.
А кто эта девочка
В кофточке синей?
Она — комсомолка,
Она — героиня.
Она обещанье
Не зря нам дала
И хлопка
 всех больше
В полях собрала.
И снова она
 обещанье даст
Улучшить работу
На будущий год.
Колхозники знатные
 Узбекистана
Берут обязательство
Все,
 как один,
Намного превысить
Задание плана
И быть на работе
Всегда впереди.
Где прежде
Царили пузатые бан,
Здесь
Нынче колхозы
Огни рассыпают.

Так строй же,
 держай

Прославляя наш век,
Врагов побеждая,—
Иди,
Могучий
 советский
 простой человек,
И
 мир за собою
 веди!

1930

ЧТО В НЕЙ ПРОКУ, В АМЕРИКЕ?

Что в ней проку,
в Америке этой напыщенной,
Где господствует доллар,
Властью пресыщенный?
Разве строй ростовщический нерушим?
За десяток какой-нибудь лет с небольшим,
Покорясь нам, природы черты изменились,
И, конечно же, темпы такие не снились
Удивленным Америки законам,
Перепуганным банковским воротилам.

Что такое Америка?
С виду делец-великан,
Ставший пугалом грозным
для робких, зависимых стран,
Но от спеси своей — вижу я —
без просыпу он пьян
И внутри червоточиной тронут,
как старый чурбан!
Здесь делячество, акции уронившее,
Словно дерево, исподволь
в корне подгнившее,
Не сегодня, так завтра,
за свой заплатив произвол,

неминуемо рухнет,
как высохший ствол.
Миллионы рабочих американских,
Одурманенных ядом
газет шарлатанских,—
Это жертвы системы труда потогонной.
Им мерещится ночью бессонной
Неминуемая завтрашняя безработица.
Кто когда о таких позаботится?
Поглядите на этого:
жизнь у него — кувырком,—
Он сегодня протислся
с кормильцем своим, со станком,
Он ушел, и, казалось,—
станок прогудел ему вслед:
«Завтра ты не работаешь,
завтра забудь про обед!»

Разве руки его
им присущую силу утратили?
Почему запирают ворота
предприниматели?
Потому что рабочим
прибавить гроша не хотят,
Потому что на прибыли только глядят
И не думают вовсе
о фактах «нестоящих» прочих,
О таких, например,
как голодные дети рабочих!
Стиснув зубы, рабочий не спит,
Знает он, что ему забастовка
лишенья сулит;
Он себе представляет
разгул полицейских дубинок,

Но готов с капиталом
в смертельный вступить поединок.

Не таков мой удел
в нашей славной советской стране:

Не грозит безработица
завтра на родине мне!

Песни счастья звучат
у ворот заводских и фабричных,

Пятилетка пронизана
светом итогов отличных.

На прямую, на верную
вышли мы ныне дорогу,

И победно с друзьями
шагаю я в ногу.

Что в ней проку,
в Америке этой напыщенной,

Где господствует доллар,
кровью пресыщенный?

Строя фабрики наши, заводы и доки,
Мы догоним ее в кратчайшие сроки.

На своем сырье,
на бескрайнем просторе своем

К нашей цели заветной
успешно придем!

Мы себе подчиняем
сибирские чащи дремучие,

И уральскую глущь,
и днепровские воды кипучие:

Открываются залежи нам нефтяные,
И грохочут машины,

помощники наши стальные;
И таких я в лицо уже знаю богатырей,

Что в сравненье с Америкой,
трудятся вдвое быстрей!
Их ряды что ни день
перед лицом человечества множатся,
В нашу пользу успехи
обоих миров подытожатся.
Наши бурные темпы мы можем утратить,
Мы их можем учетверить.
Мы грядущее наше сумеем построить
И ворота победы
для честных людей растворить!

1931

ГОТОВ ТРАКТОР

Мастерская просторна,
Светла,
Шумна,
Людьми полна.

Здесь жизнь кипит.
Вгляни вокруг,—
Как бодр
И весел труд,—
На дружные
движенья рук,
На дружный
крепкий люд.
Здесь будущей весны
звезда
Электросваркой
брызжет.
Товарищ!
Мы пришли сюда
За яркой,
новой жизнью!
За взмахом взмах,—
Аж тьма в глазах,—
Кружение колес

Быстрой,
 чтоб море
 на полях
Колосьев
 поднялось!
А приводных
 ремней
 полет
Стремительней
 нагорных
 вод.
Снопамы искры,
 как коня,
 гоня,
Бьет молот,
 как камча.
Работы прорва,
 но она
Годна
 для нашего плеча.
Так пусть,
 как молот,
 сердце бьет,
Пусть станет
 тверже стали!
Пусть наша
 молодость
 поет
И в сердце
 и в металле!
Во имя жизни
 наших полей
В холодные
 артерии тракторов

Новую
жизнь
влей!
В огромной,
гулкой
мастерской
Кипит,
сверкает жизнь —
Идем на труд,
Идем на бой
За коммунизм.

По бесконечным колеям,
По голубым
степям
Составы грузные
летят
Стрелой
к родным полям.

И огнеглазый паровоз,
Спеша на всех парах,
Трубит колхозам:
«Для весны
Готовы трактора!»

На станциях
бурлит народ —
Цветник халатов,
тюбетеек.
Весна не ждет,
Весна идет,
Пора пахать
и сеять.

Лети, состав,
на всех парах,
Давай скорее
трактора!
Лети, как длинная стрела;
Минуя горы синие,
Чтоб морем хлопка расцвела
Вчерашняя пустыня!
Подарков дорогих полны
Вагоны к празднику весны.

На трактор
крепче,
друг,
садись,
Земли целину поднимай!—
И благодарная земля
Щедрый
даст
урожай.

Гони скорей,
Пусть у земли
Закружится голова.
Дави сильней,
Пусть у врага
Застрянут в горле слова.
Новь подымай,
Сердце взрывай,
Межи
Перепаши!
Семя могущества
СССР

В борозды
рассыпай!

Хлопковым
 необозримым полям
Новый путь
 укажи!
Хлопковые семена
 рассыпай
Радостней
 и щедрей,
Чтоб горизонту
 не охватить
Наших полей —
 морей.
Чтоб, как картечь,
 новый посев
В сердце врага
 разил.
Чтобы врага
 собственный гнев
В логове задушил.
Трактор схож с любым конем —
Крепко сиди на нем.
Мотор, и винтики, и плуги
Знай и береги.

1931

БДИТЕЛЬНОСТЬ

Вперед,
о моя страна,
Врагов повергая в дрожь!
Вперед,
обреченным классам
В сердце,
вонзая нож!

Вперед,
Электрический свет
По жилам твоим течет!
Вперед!
Подошла пора,
Заводи трактора,—
Вперед!

Иди,
чтоб вздымалась грудь
Хлопковых пышных полей.
Иди,
Светло впереди.
Вперед,
В ногу, смелей!

Иди,
 пусть из труб заводов
 и фабрик

Клубится дым,
Взвиваясь
 тучами к ясным
Большим небесам твоим.

Громкий голос железа
Пусть зазвучит в стране,
Прочь медлительность,
 ленность,
Рожденные в тишине!

Партия — наш оплот.
Поезд большевиков
Рвется
 вперед!
Путь по следу его
Напрямик проложив,
Шагает строительство —
Мощен его порыв.

Все мы братья,
Товарищи — все.
Рабочий,
Колхозник —
В одном отряде.
Идет
 богатырский
 сев!

Националистов кучка
Голову
 подняла,

«Промпартии» и «Торгпрома»
Темные вскрылись дела.
Маской «свободы»
Подлое прикрыв лицо,
Пуанкаре,
Чемберлен

и прочие,
До чужого добра охочие,
Сжать вокруг СССР
Замышляют кольцо.

Дыханье их —
тлен,
Ищут способ они,
Как коммунизм удушить:
Руку протягивают,
Но коротка
Их рука —
Мы
будем
жить!

Яд смертельный
В себе тая,
В муках извивающаяся
Змея
Бьет еще
Перед смертью хвостом.
Так еще слятся
Перед концом
Обреченные классы
привстать.
куснуть,
К могиле себе

Сокращая путь.

Мы —
победивший
класс.

Пятилетка
идет
в наступление:

Схвачен
за горло
кулак,

В сердце врагов —
смятение.

Расти, отчизна моя,
На пепле дряхлого мира

Мы —
Победивший
класс,

Что в стражениях
вырос!

Сгинул старый режим —
Мы недаром дрались.

Строим светлую жизнь,
Новый быт,
Социализм!

Даль в хлопковых полях,
Хлопок белей руна.

Широка и вольна
Зацвела Фергана.

Электрический свет
В сердце

зажгла
своём,

Пышен ее расцвет,
Мощен ее подъем.

Прочь отброшены силы
Зла,
Беспросветной тьмы.
В соревнованье с солнцем
Смело вступили мы.
Помощь братская,
Словно весенний поток,
Из великой Москвы
К нам

течет

на Восток.

Но еще злобой у кулака
В жилах кипит черная кровь.
Нанесем же

последний удар,

Чтоб

не встать

кулачеству

вновь!

Кровью
Глаза врагов налились,—
Бьет
Тревогу
Капиталист!
Пусть

прицелится наш

вооруженный глаз,—

Дали сигнал:

эпоха,

партия,

рабочий класс.

Разум наш зарядим,
Волю,
 мускулы,
 кровь.
Бдительным каждый будь,
Сердце
 к боям
 готовы!
Гнев на врагов обрушь,
Подави,
Порази,
Научись различать
Их
Вдали
И вблизи!
К новой жизни
 вперед
Наш
 могучий
 народ!

1931

ШАГАЙ, МОЙ НАРОД!

Шагай, мой народ,
Сквозь столетья —
Вперед!
Грохочут по полю
Ступни-трактора.
Пусть новых строителей
Громада встает!
Сегодня —
 побед и дерзаний
 пора!

На горло врагу,
Мой народ,
Наступай!
Ты черное сердце врага
Раздави!
Ты замыслы злые врага
Разгадай!
Ты их утопи
В черной крови!

Ведь дни капитала
Давно сочтены!
Старый мир

От шагов молодого труда
Задрожит,
Как кирпич отсыревшей стены,
Покачнется и —
Рухнет.
Навек.
Навсегда!

Эй, боец!
Нашей вольной земли часовой,
От врагов
Охраняющий мир трудовой;
Эй, донбасский шахтер,
Что врубился в пласты;
Эй, сидящий на тракторе,
Слышишь ли ты?
Слышишь,
Труженик хлопковых белых полей?
Эй, рабочий,
Что взвил над отчизной своей
Красный стяг!
Эй, строитель железных путей,—
Все вы, все,
Кто с народом отчизны моей —
Неприступных незнающие крепостей,—
Шаг

 держите
 железный,
Чтоб сверенный шаг
Не нарушил,
Не сбил
Притаившийся враг!
И над войском труда
Интернационал,

Словно знамя, пусть реет,
Чтоб враг трепетал!
Мой Восток,
Ниспроверг ты тиранов дворцы,
Знамя взвил
Над горами —
 алея зари.

Защищать коммунизм
Готовы бойцы.
Их девиз:
«Знамя счастья — над миром гори!»
Мой Восток,
Чьи вершины белей облаков.
Ты в свободном труде
Счастья видишь исток,
В гроб загнал басмачей ты,
Советский Восток,
Как деникиных и колчаков.
Как скала
 встал над волнами СССР.
Стали люди все вольными в СССР.
Миру СССР
Подал славный пример!

Смерть на Западе —
Алой рекою течет,
То змеею ползет,
Жадно жала народ,
То, поднявшись над миром,
Проклятая смерть
Извивается,
Как все сметающий смерч.
И ее языком там кричит капитал:

«Славь войну, человек!
В бой за желтый металл!»

Ты же,
 воин труда,
Защищая свой край,
Кровь свою,
 всю до капли,
Народу отдай;
Жизнь свою до конца
За свободу отдай
И за солнце,
Светящее
 с мирных небес!
Пусть же ненависть
Встанет на пост,
Чтоб вредитель,
 шпион
К нам опять не залез,
Чтоб не смог
 омрачить
Свет рубиновых звезд.

Мир,
Который, родился в огне
В Октябре,
Не дадим мы убить!—
Слышишь, Пуанкаре?

Пролетариями
Выпестованный
 мир
Не дадим в твои лапы мы,
Алчный банкир!

Кровопийц и преступников
Всяких мастей
Сбросит
Труженик мирный
С планеты своей!

Пусть, пророча войну, словно совы, кричат
Все,

кто хочет войны,
Кто готовит нам ад.
Ружья их,
Пушки их
Повернутся назад
И убьют их
Из рук
Их же бывших солдат!

Соревнуется с солнцем

родная страна.

Никакая война
Ей теперь не страшна!
Слышишь,

воин труда!
Защищая свой край,
Кровь свою,

всю
до капли,

Народу отдай,
Жизнь свою

до конца
За свободу отдай!

Пусть враги угрожают войной,—
Чтоб сорвать

их преступный поход,

Выработкой двойной
Отвечает

у нас

завод.

В поле ранний встречая восход,

Все силы колхозник

Земле отдает,

Ведь работой

среди мирных полей

Он крепит

Мощь

Отчизны своей.

Пятилетки

колеса

крутя,

Реки жизни

Текут по стране.

Я — рабочих певец и крестьян,

Я — войну объявляю войне,

Сердце

Битве за мир

отдаю,

Мирной стройке

В родимом краю!

Я себе говорю:

Защищая свой край,

Кровь свою,

всю

до капли,

Народу отдай,

Жизнь свою

до конца

За свободу отдай!

1931

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА

Степи зеленые-зеленые.
Ах, до чего же они зеленые,
Солнцем весны вдохновенные,
Чистой росой окропленные,
Степи зеленые!
Проснувшись на заре молодой,
Умылись родниковой водой
И в мраморных чертогах природы
Они вдыхают свежесть свободы,
В широкую волю свою влюбленные,
Зеленые-зеленые.

Такие у них просторы,
Такой горизонт, который
Был этим полям неведом
В пору седой старины.
К победам, только к победам
Степи устремлены,
Нашей песней воспетые,
Ранним хлопком одетые,
Поля, поля окрыленные,
Зеленые-зеленые.

Там, где на листьях хлопчатника
Прелесть росистая нижеется,

Солнце по праву соратника
Рядом с долиною движется,
С долиной, что молодо, весело
Коробочки хлопка развесила,
Собственным счастьем своим удивленная,
Зеленая-зеленая.

Что это? что это?
Это расстелен
Пестрый ковер у нагорных расселин,
Это, сменив былые века,
Дышит время широкогрудое,
Это стихи сочиняет река,
Это беседует ветер с запрудой,
Это заря сквозь рассветный туман,
Как замечтавшаяся красавица,
Смотрит и ждет, что судьбы караван
Скоро на поиск, на подвиг отправится;
Это чудесный зов: за работу!
Это певец, который берет
Пятилетки первую ноту,
Чтобы мы шли веселее вперед;
Это, некогда испепеленная,
Возрождена
Наша весна;
Это звенящая новизна,
Жаром наших сердец опаленная,
Это она, это она,
Плодоносная Фергана,
Зеленая-зеленая!
Ты вышла на солнечный свет
Из глубины веков.
Привет тебе, привет,

Долина большевиков!
Привет тебе, привет,
Хлопка снежный сугроб!
Привет тебе, хлопкороб,
Коричневый от загара!
Привет тебе, герой из Кайнара,
И тебе, Хайдар, чья родина — Паласан,
Трактора-корабля капитан,
Ты движешься, утверждая
Цветенье родного края,
Чтоб не ворвался буран,
Чтоб и пылинка не села,
Чтоб и песчинка не смела
На эту землю упасть обновленную,
Зеленую-зеленую.

А небо — синее-синее,
Лишь облаков белеют стада,
А на долине — стальные линии,
И бегут по ним поезда,
Кончилось тьмы вековой владычество,
Плечи свои распрямили поля,
Юным трепетом электричества
Животрепещет земля.
Ты, Фергана моя, раньше
С нищенской бродила сумой,
А теперь у тебя — мощь великанши,
И трудно вспомнить тебе самой
О времени том постылом,
Что никогда не вернется вновь.
Вижу: по твоим электрическим жилам
Электротоком струится кровь.
Древняя, ты жить начала сначала,

Силу вдохнул в тебя большевик.
Ты в совершенстве теперь узнала
Трактора и комбайна язык.
Ты богатеев сбросила бремя,
Чтобы не стало сиротских слез,—
И уполз голодный и грязный пес.
Двигутся, движутся, как составы
Новые годы труда и славы,
Изобилием наделенные,
И волнуется сочные травы —
Зеленые-зеленые.

О, как здесь привольно дышится,
Как зелени море колышется,
Какая нам песня слышится!
Материнской ласки полна,
Ты своих детей, Фергана,
Нянчила, обмывала,
Нежила, целовала,
Расчесывала им волосы,
Баюкала их вполголоса,
Носила на спине,
Хранила и во сне
От ветра, от ненастья —
И вырастила счастье!
Вижу плоды мастерства
И трудолюбья ферганского.
Вижу, как хорошеет Кува,
Вижу приметы богатства крестьянского,—
Выросло много таких кишлаков
В светлой долине большевиков.
Это в каждое входит селенье
Радость — победительница тоски,

Это зелень пошла в наступленье
На сухой, пески.
В этом цветении — голос набата,
Голос рабочих сердец.
Отзвуки бурь, штурмовавших когда-то
Зимний дворец,
В этом цветении — новая эра,
К дальним звездам полет,
В этом цветенье — стойкая вера
В будущее, что непременно придет!
Мы, победившие в долгом споре, видим лицо
судьбы,
Видим лицо судьбы просветленное,
А кругом долина как море,
Зеленое-зеленое!

Будем на страже стоять с бесстрашьем,
Оберегая свои берега,
Чтобы не плавала в море нашем
Лодка врага.
Мы заставим работать машины
Ради нашего края цветущего,
Мы поднимемся на вершины,
Ибо нам нужен воздух грядущего!
Явью стать наконец должна
Та мечта, что в сказках мечталась,
Чтоб, как ребенок в воде, Фергана
В электрическом свете купалась.
О полнота бытия!
О начало разбега!
О хлопокроб, на свое дитя
Надевший рубашку белее снега!
Береги долину, которой украшен

Старый Восток,
Береги чистоту этих пашен,
Чтобы ни на один листок
Даже пылинка не села,
Даже песчинка не смела
На эту землю упасть, всецело
В будущее устремленную,
Зеленую-зеленую!

1932

ЮНОСТЬ

Юность легкой ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была.
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Я стою над пасмурным простором,
Дует ветер на море с земли.
Море, всюду море... А над морем —
Облаков косматых корабли.

Улетела, прошумев крылами...
Разве я успел сдружиться с ней,
Насладился яркими цветами,
Надышался юностью моей?

Разве я... Но ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была,
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Ну, прощай! Прощай, моя отрада,
Золотая ласточка, прощай!

Между нами — снежных гор преграда
И степной необозримый край.

Окружен я ветром и простором.
Междубурье. Дождевая мгла.
Море, всюду море... А над морем —
Свежий след от синего крыла.

1932

ВЕСНА

Что ни день — хорошеет весна,
Что ни день — то наряднее платья,
И для всех открывает объятия,
Обаянием юным полна.

Ветер, верный привычке своей,
За весенние бзялся проказы:
Дуя в разные стороны сразу,
Цвет урюка сдувает с ветвей.

Воробьиный базар во дворе,
В цветниках — соловьиные трели,
Любо розам их слушать в апреле,
Вспоминая о зимней поре.

А весна — обольщение глаз! —
Все приданое — к празднику мая —
Из волшебных узлов вынимая,
Поразвесила нам напоказ.

Распестрелись цветы на лугах,
В поле — юные всходы пшеницы
Омывают росой ресницы,
Под землю наспавшись впотьмах.

И земля — словно обновлена
Коллективной силой единой.
Ходишь степью, холмами, долиной —
Видишь, как эта сила сильна.

Пастухи ль гонят в горы стада,
Кетменями ль колхозники машут,
Роя новый арык, или пашут,—
Всюду радость весны и труда.

И к труду приступая чуть свет,
Все в нем видят залог возрожденья,—
И весеннее стихотворенье
Пишет людям на радость поэт.

Трудового подъема пора,
Ты, весна,— символ юности жизни.
К нашей доблестной юной отчизне
Будь всегда и добра и щедра!

1935

БАХРИ

Вот оно, счастье, птицей весенней
В дом прилетело, машет крылом,—
Юной Бахри столица прислала
Платье из шелка с ярким платком.

Сердце Бахри трепещет, ликуя,—
Нет, усидеть не может она:
Ходит по дому, поет, смеется,
Радостным светом жизни полна.

Нынче в колхозе пир небывалый.
Ночь напролет рокошет домбра,
Пляшет Бахри, ненасытная в пляске,
Кружится с бубном, поет до утра.

Люди довольны — вот молодчина,
Гляньте, достигла чести какой!
Старый и малый ее провожают
В город Ташкент на праздник большой.

«Ну что ж, Бахри, счастливой дороги!
В городе ты уж за всех погуляй,
Повеселись, свою душу порадуй
Да поскорее домой приезжай».

Солнце взошло — пора собираться.
Крышку откинув у сундука,
Быстро Бахри наряды сложила,
Словно утренний ветер легка.

С гордостью скажет она в Ташкенте:
«Я тружусь, не стою в стороне,
Хлопок собрав, корову купила,
А этот платок — награда мне».

Тайна работы познана ею;
Сила людей в колхозном труде.
Страшно подумать, как разобщенно
Прежде тут жили, мучась в нужде.

Ходит Бахри по белому полю,
Зорко следит за каждым кустом!
Силу дает ей, на труд вдохновляет
Дружная жизнь в колхозе родном.

День ее доверху полон трудами,
Долей секунды она дорожит,
Слава о ней, подобно легенде,
В самых далеких аулах гремит.

Всем ее подвиг служит примером,
Новая страсть захватила людей —
Каждая женщина, каждый мужчина
В честном труде соревнуются с ней.

«Хлопок собрав, я шелк покупаю,
Нежный атлас, золотую парчу,
Бархат густой, как небо ночное,—
Все, чем украсить себя захочу.

Хлопок собрав, я дом себе строю,
Белый, просторный, солнечный дом;
Добрых друзей на пир собираю,—
Знает пусть каждый о счастье моем.

Сила и воля моя в коллективе,
Всяческий труд здесь славен, высок,
Душу свою в него я вложила,
За то мне Москвой и прислан платок».

Новое платье Бахри надела,
Блещет платок, струясь по плечам.
В зеркало смотрит она, улыбаясь,
Смотрит, не веря своим очам.

Сердце Бахри трепещет, ликуя,—
Нет, усидеть не может она:
Ходит по дому, поет, смеется,
Радостным светом жизни полна.

Утром Бахри уезжает из дому
С сердцем, наполненным сладкой мечтой.
Старый и малый ее провожают
В город Ташкент на праздник большой.

1935

НОЧЬ У РЕКИ

Река шумит меж темных берегов.
Луна плывет над гребнем снежных гор.
Тень падает от светлых облаков,
Перебегая дремлющий простор.

Все тихо. Лишь бессонная река
Обломки скал ворочает волной,
В поля, в сады закинув рукава,
На склонах гор покоясь головой.

Спит горной цепи снежный караван,
Окутанный серебряною мглой.
Прозрачный, еле видимый туман
Струится между небом и землей.

Течет, шумит без усталости река.
Чу, вспыхнул свет, и раскатился гром.
Багрово озарились облака,
На миг все стало видимо кругом.

Сверкая под луной, волна кипит,
Плывет, раскачивается паром.
И вновь, круша утесы, взрыв гремит.
И тишина на миг. И снова гром.

И поднимаются вершины гор
Из облаков, как из глубоких дум.
Холмы смывает гидромонитор,
И слышен гальки бесконечный шум.

Ударя в барабан, уходит прочь,
Как море, ночь — светлеющей волной..
К утру завершено за эту ночь
Строительство плотины головной.

Реке, ревущей, дикой, навсегда
Мы указали новый верный путь:
В пустыню хлынет чистая вода,
Как воздух в задохнувшуюся грудь.

Там, где шуршали мертвые пески,
Подымутся поля, сады, леса.
Я вижу укротителей реки,
Их гордые улыбки и глаза.

Седых поэм по замыслу полней,
Уходит ночь,— ее не позабыть вовек.
Вода растет в плотине. И над ней
Преобразующий природу человек.

1935

ОГНИ МОСКВЫ

Я поздною ночью въезжаю в Москву.
Вот площадь сверкает, вот высится мост.
Не сон это дивный возник наяву,
А город, что создан из солнца и звезд.

Я еду — а сердце трепещет в груди,
И не отвести зачарованных глаз
От каждой звезды, что горит впереди,
Что в памяти сердца навеки зажглась.

Я еду — и с каждой минутой сильней
Сиянье летящих навстречу огней.
Но всех изумительней звезды Кремля,
Горящие в небе отчизны моей.

Друзья мои — братских республик сыны,
И все мы огнями Москвы зажжены.
Здесь много встречается разных людей,
Но все — и далекий и близкий — дружны.

Отсюда пришла к нам счастливая жизнь,
Здесь кровь наливается в сердце ее,

Отсюда, где солнцем встает коммунизм,
Второе начало берет бытие...

Я позднюю ночью въезжаю в Москву.
Тут площадь сверкает, там высится мост,
Не сон мимолетный возник наяву,
А город, что создан из солнца и звезд.

1936

ПОЕЗДА

Тишина степная. Даль ночная.
Гул в ночи. И снова тишина.
И слежу за степью из окна я:
Степь в чудесный сон погружена.

Этот сон спокоен и недолог —
Сон земли, и неба, и воды.
Опустила ночь свой темный полог,
На котором ни одной звезды.

Ночь безмолвно по земле проходит,
По-хозяйски взгляд ее широк,—
Будто бы задумавшись, подводит
Радостным дневным трудам итог.

Спит земля, и сон ей снится дивный:
Степь лежит без края и конца,
И составы мчатся непрерывно,
Огненные бьются их сердца.

За собой оставив величавый,
Неисхоженный степной простор,

В гору поднимаются составы,
Дерзкие, бегут к вершинам гор!

Мчатся поезда в стране свободной,
Каждый, как степной орел, крылат:
Это нашей дружбы всенародной
Вестники счастливые летят.

1936

ДРУГУ-СБОРЩИЦЕ

Ждет не дождется тебя весна,
Песней звеня в полевой дали,
Словно тебе говорит она:
«Друг, ты в долгу у родной земли».

Солнце насытило светом дни,
Сумрак ночей напоен луной.
Многого ждут от тебя они
Этой сияющею весной.

В поле, в горах занялся рассвет,
Родина сердце твое зажгла.
Пусть же родимых долин расцвет
Славой овеет твои дела!

В солнечном золоте вся земля.
Смысла великого дни полны.
Сборщица хлопка пришла в поля
Неувядаемой Ферганы.

1936

ВООБРАЖЕНИЕ ПЕВЦА

Народному поэту Физылу Юлдашу

Безбрежно, как сияющая высь,
Воображенье старого певца,
Воображенье, щедрое, как жизнь:
Нет у него начала, нет конца!

Оно всегда в движенье, как река,
В ночах разгадки вечных тайн ища,
То рушится в горах сквозь облака,
То степью вольно катится, плеща.

Вмиг оживая, рвутся с языка
Преданья, были, битвы древних сил,
Проходят поколения и века
Скопленьями блуждающих светил.

«Пока спит солнце под морской волной,
Влюбленному внимает мрак ночной!
Есть спутники у тех, кто слезы льет,
Я плачу — плачут и они со мной».

«В разлуке двое — слез двойной поток.
Она — в плену, его удел жесток.
Терпенья чаша трещину дала,
Лицо от скорби вянет, как цветок»¹

¹ В кавычки взяты слова из стихов Ф. Юлдаша

Река вбегает на берег волной,
Земную ширь объемяют небеса.
В степную даль цветущею весной
Глядят Барчин бессонные глаза.

Там стен не строят, кровель не кладут,
Лишь степь да синь, куда ни кинешь взор,
В горах от смерти путника спасут
Стада гусей, взлетающих с озер.

К оседлой жизни не привыкли там.
На берегу реки раскинут стан,
Где есть вода, где корм готов стадам,
И снова в путь уходит караван.

В путь — караван! Нагружены вьюки;
Бряцают мерно бубенцы в ночах.
Рабы сквозь тучи гонят косяки
За горный кряж со снегом на плечах.

Шумны, как море, табуны коней.
На белой юрте блещет аксамит.
Уж сорок полностью ночей и дней
Пир свадебный без умолку гремит.

Клубятся степи свежие у ног,
Круг чертит месяц между облаков,
С рабами изнуренными жесток
Надменный бай — владыка табунов.

Конь скачет — по ущелью гром гремит.
Лишь храбрый в битвах будет знаменит.
Дождется ли народ звезды своей,
Иль дальний путь лучи ее затмит?

Как туча града, налетает враг,
Князья играют на лихих конях.
А стон народа потрясает мир,
Рабы восстали — топоры в руках!

Нет песням счета, горю — берегов.
Полны им были судьбы пастухов.
Рыдали в песнях скорбь и нищета,
И пас отары слушатель стихов.

Нет песням счета. Лебедей весны
Взлетает меньше с утренней волны.
Нет песням счета. Песни, мой отец,
Мильоны воль живых поднять вольны.

Заветные желания сердец
Находят в них опору и ответ.
Взмывает с песней из гнезда птенец,
И ветры с песней облетают свет.

Нет песням счета... Плачет в злую ночь
Поэта обесчещенная дочь.
И, окровавив седину певца,
Карательный отряд умчался прочь.

На виселице братья и сыны.
Рыдали песни, скорбны и больны...
Творец напевов, осенивших степь,
Седел, и были дни его темны.

Теперь свободны песни и сердца.
Стан распрямляет каждый человек,
И песен мир без края и конца
Родит страна, свободная навек.

Ликуют села, степи и поля...
Взлетает песня ярко в небеса.
Поет моя прекрасная земля,
И вторят песне горы и леса.

Для жизни мужественной, молодой
Слагает песнь крылатую певец.
Кто пееен дар имеет золотой,
Придет к желанной цели, мой отец!

1936

ГОРНАЯ ГАЗЕЛЬ

О, как нужна мне горная газель!
Ее я видел издали однажды,
И с той поры ищу ее и стражду,
Изнемогая от тоски и жажды...
О, как нужна мне горная газель.

В реке мелькнет косое отраженье,
Нагнусь туда — и только волн движенье.
И вот уже над высями гранита
Стучат ее янтарные копыта.
О, как нужна мне звонкая газель!

Я травы рвал, я вспоминал предашья
У родника в час лунного сиянья,
Она ж! Она за облаком летала,
По склонам гор, как молния, скакала.
О, как нужна мне дикая газель!

Я знаю, что ее зовут весною,
Что шелковистой юною травною,
Цветами пышными колышутся луга,
Где только проскользнет ее нога.
О, где же ты, весна моя — газель?

Я знаю, что ее зовут любовью,
Что чашу, полную кипящей кровью,
Весеннего веселого вина
Подносит ночью девушкам она.
О, где же ты, любовь моя — газель?

В каких снегах на мраморных вершинах
Сверкает пламень взглядов ястребиных?
К какому озеру арчовою тропюю
Идет она под утро к водопою?
О, где же ты, мечта моя — газель?

Пусть прошу всю жизнь, пускай погибну,
Но я свою крылатую настигну.
Открою ей заветное страданье,
Ей на ушко шепну свое желанье —
И станет песней горная газель!

1936

В ЧИМГАНЕ

По искристому срезу кремня
Пробежала газель над рекой.
Небо близко совсем от меня,
Облака задеваю рукой.

Горы с проседью белых снегов,
Все обширней они, все темней.
Вдоль окованных льдом валунов
Я иду по тропинке своей.

А долина внизу убрана
В шелк тюльпановый, в теплую тень.
Года круглого все времена
Видел я за сегодняшний день.

По ущельям — зима (потому ль
И под солнцем так холодно тут?),
У подножья — палящий июль,
А на склонах фиалки цветут.

Водопадов безудержный лет,
Белым кружевом машет волна.
С горы на гору тихо идет
С красной чашей тюльпана весна.

То зеленый, то розовый луг,
Голубые лежат зеркала,
И в зеркального озера круг
Загляделась седая скала.

Лишь увидев все эти места,
Заблудившись среди сумрачных гор,
Я узнал, где живет красота,
Как спокоен и дик ее взор.

И когда вслед вечерней звезде
Ветер горный поток уносил,
Я горстями в зеленой воде
Отраженные звезды ловил.

1936

СМЕРТЬ ОФЕЛИИ

1

Хочешь петь ты, но вместо слов
Стынет стон на сухих губах.
Ворох белых лесных цветов
В распростертых твоих руках.

Столько муки в твоей крови.
Так сгорающий взор глубок,
Что плывешь ты в слезах любви,
Как размытый волной цветок.

Что ж, плыви... Небосвод угрюм,
И пучина реки жадна.
Сколько жалоб, и слез, и дум
Похоронено в тине дна.

Будь ты чище хоть во сто крат,
Будь альпийских снегов белей —
Панихиды слова звучат
Над погибшей мечтой твоей.

Только странно, к чему тогда
Столько света в глазах твоих,

Что царица почей — звезда —
Подражает сиянью их?

Почему тогда, для чего
Грудь бела, как снега вершин,
И у влажного рта твоего
Взяла окраску свою рубин?

Хочешь петь ты, но вместо слов
Стынет стон на сухих губах.
Ворох белых лесных цветов
В распростертых твоих руках.

2

Может, будь некрасива ты,
Меньшим было б горе мое,—
Беспричинна скорбь красоты,
И бессмысленна смерть ее.

Старый мастер цветов и трав,
О природа, где разум твой?
Ты зачем, красоту создав,
Оскорбляешь ее бедой?

И для этого ль в тишине
Дочку нежно растила мать?
Цвет мой розовый! Трудно мне
О любви без тебя писать.

... Как печально и тихо как
Над пучиной плывут цветы...
Черным пламенем вьется мрак
Над могилою красоты.

Датский принц был уже угрюм;
 Свой бессвязный вели рассказ.
 Окруженные тенью дум
 Два пылающих угля глаз.

Он любил тебя, как глухой
 Любит звон ключевой воды,
 Он любил тебя, как слепой
 Любит свет золотой звезды.

Только даже такой любви
 Не разрушить безумья плен...
 Милым Гамлета не зови,
 Не склоняй перед ним колен.

В склепе скорби душа его,
 Взор его омрачен и пуст,
 И ни возгласа, ничего
 Не сорвется с холодных уст.

Страшный дух, что пред ним предстал,
 Опаливши дыханьем грудь,
 Ночью сказку ему рассказал
 И в далекий отправил путь.

Небосвод над тобой суров,
 Он — темница для соловья.
 ... Меж размытых водой цветов,
 В темном иле коса твоя...

Чуть увяли цветы твои —
Старый мир мечты растерял
И, терзаясь жаждой любви,
Безнадежно пустынным стал.

С той поры по путям веков
Гамлет бродит, упрям и груб,
И цветут у его следов
Лепестки твоих алых губ.

1936

НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Она весь день в мечтах была со мной,
А к полночи, с самим собой в раздоре,
Спустился я на влажный берег твой,
Огромное медлительное море.

Прооснись, волна! Вставай, косматый вал,
Кипи соленой горечью разлуки!
Я море звал, я звезды умолял,
И к месяцу протягивал я руки:

О, разыщите дорогу мне!
О, покажите на одно мгновенье
В круженье пены, в темной глубине
Ее задумчивое отраженье.

Пошлите мне хоть сон о ней!.. Но вновь —
И ночь без сна, и песни без ответа.
Как рассказать про первую любовь,
Про эту ночь у моря до рассвета?..

Плыви, мой месяц, в теплый край плыви,
Лети, звезда, дорогою алмазной.
Вы расскажите о моей любви
Своей сестре, далекой, черноглазой!..

1936

ЮЖНОЙ НОЧЬЮ

Когда б не ты,— и море спало
В осенней тьме у берегов,
И сердце и́наче звучало,
Не слушалось бы сердце слов.

Когда б не ты,— был мрачен воздух,
И скучно было в нем луне,
И небо в августовских звездах
Не отразилось в глубине.

Когда б не ты,— я жить не в силах,
Дышать не в силах был без них,
Слегка прищуренных и милых
Очей задумчивых твоих.

Ты сердце тронула рукою,
И струны в нем поют с тех пор,
Объят сердечною тоскою,
Повсюду я нищу твой взор...

Любя такой любовью нежной,
Кто в мире счастлив был, как я?
Кто друга ждал с такой надеждой,
Как ты, любимая моя?

1936

УТРО ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Сегодня будет солнце!— Возле гор
Расталкивают пальмы полутьму,
И звезды, обходя ночной простор,
Дыханьем согревают путь ему.

Сегодня будет солнце!— Под окном
Магнолия внезапно расцвела,
И синева над розовым цветком
Воздушна и безоблачно светла.

Сегодня будет солнце!— На бегу
Волна волне ведет о нем рассказ;
И я стою на мокром берегу,
С его дороги не спуская глаз.

Люблю я солнце вдохновенней их,
Язычников из племени Дашна.
Оно придет! Тому порукой стих
И моря мраморная тишина.

1936

Счастлив я, что сад возделал я в родной своей стране.
Что всегда с народом вместе шел навстречу я весне.
Если кто с пути сбивался, не делил я горя с ним,
Оттого, что ум и сердце солнцем напоил живым,
Оттого, что ты, отчизна, дар взлелеяла певца,
Оттого, что чужд тому я, кто не с нами до конца.

1937

* * *

Я стыжусь себя, когда слеза
Замутит блестящие глаза.
Я стыжусь себя, когда слегка
Задрожит спокойная рука.

Если я свой потеряю путь,
Если в чем-нибудь когда-нибудь
Хоть немного в жизни ошибусь —
Я себя мучительно стыжусь.

Для меня — на склонах круглых гор
Яркотканых цветников узор,
Справа розы белые цветут,
Слева розы алые цветут.

Сколько роз обвили мой порог,
Сколько роз в невиданной весне!
Сколько в мире к цветникам дорог,
Сколько их, несущих счастье мне!..

1937

КАК ПРОЗРАЧНА РЕКА...

Как люблю я прекрасную землю свою,
От чудес ее полнятся светом глаза.
Луч в воде утонул. И в живую струю
Опускает копытца степная коза.

А на желтом песке — уголками следы.
Словно буквы еще не разгаданных слов...
Это счастье мое, что до поздней звезды
Изучаю повадки зверей и цветов,

Что за тенью своей по дорогам гонюсь,
И, уставшая, сзади шатается тень;
Что встаю до рассвета и громко клянусь
Веселее прожить свой сегодняшний день.

Как прозрачна река... И горды чистотой
Прямодушные люди в краю золотом.
Это счастье мое, что над синей рекой —
На крутом берегу — мой отеческий дом.

1937

Зульфие

В года цветущей юности моей
В душе моей ты тихо расцвела.
Тогда весна открылась для очей,
И в жизнь впервые милая вошла.

Сверкали в солнце склоны снежных гор,
Цвели в тюльпанах красно-золотых,
И я ушел в тюльпановый простор,
Весь день бродил меж зарослями их.

Как я собирал охапками цветы,
Как мы потом не спали до утра,
Все помню до мельчайшей я черты,
Как будто это было лишь вчера.

С тех пор со мной огонь твоих очей
И черных кос струящаяся мгла...
В года цветущей юности моей
В душе моей ты тихо расцвела.

1937

Попрощалась... Томимая счастьем, пошла,
Села возле моста через светлый ручей,
На сияющий месяц глаза подняла
И себя увидала в объятьях лучей.
И, на воду глаза перекинув с небес,
Захотела, нагнувшись, воде рассказать
Ей одной лишь известную повесть чудес,—
И себя не могла в отраженье узнать.
Из прозрачного зеркала струй, где эфир
Опрокинутой выси бездонно синел,
С белой девичьей грудью неведомый мир
Взглядом черным в глаза ей глядел.
Не дыша, замирая, смотрела она
В этот мир, что возник в глубине у моста,
А когда говорить захотела она —
Отраженье в ответ приоткрыло уста.
И, вглядевшись в мерцающих вод глубину,
Вдруг себя в отраженье узнала она,
То она сквозь прозрачную смотрит волну,
То ее одевает в сиянье луна.
Застыдясь, поднялась, ничего не сказав,
И пошла молчаливо и тихо домой,
Позабыв меж обрызганных росами трав
Серебристого шелка платок головной.

1937

* * *

Только ветер над травую
Пролетит, шумя слегка.
Освещенные луною
Спят седые облака.

Спят фазаны близко где-то
В тьме прибрежных тростников,
Я считаю до рассвета
Отзвук собственных шагов.

Ночь мне тихо шепчет что-то,
Словно учит сну она...
Поздней ночью у болота
Ты бывала ли одна?

1937

ХУЛЬКАР

Моей дочери

Разверни свои крылья над югом
И по звездным путям полети,
Шаловливым и резвым подругам
Ты цветы накажи принести.

Озари нам и горы и доли
Ранним утром и в блеске ночей,
Когда месяц нам сыплет в подолы
Вороха серебристых лучей.

Будь подобна весеннему чуду,
Будь причастна весенней судьбе,
И, куда ни пойдешь ты,— повсюду
Пусть сопутствует счастье тебе.

Пусть, увидев тебя, розы вспыхнут.
Все земное собой оживи!
Пусть, увидев тебя, люди стихнут
И сгорят соловьи от любви!

1937

КАЗАХСТАН

Казахстан — это край золотой,
О котором мой предок мечтал
И, придавлен к земле нищетой,
Сам мечту свою сказкой считал.

Казахстан — это счастья родник,
Край, где дышит свободно народ,
Где под каждой горою рудник
Нам богатство свое отдает.

Казахстан — это недра земли,
Что полны драгоценной руды,
Это нефть — солнце щедрой земли,
И Балхаш — чаша синей воды.

Казахстан — это горы до туч,
Это горный целительный ключ,
Это трав изумруд на лугах,
Это солнца сияющий луч,
Это клетот орлов в облаках.

Казахстан — это светлая ширь,
Это — золото и серебро,
И пшеницей наполненный мир,
И садов плодоносных добро.

И земля, и угодыя страны,
Что навечно дехканам даны,
И заоблачных пастбищ простор,
Где пасутся коней табуны.

Казахстан — это старый Джамбул,
Чьей домброю отчизна горда.
Это угля немолкнувший гул,
Это славная Караганда.

Это — грамотный, вольный народ,
Это — смелых наук торжество,
Это — к знаниям высоким восход,
Это — песен и игр волшебство.

Это — с гнетом покончивший край,
Это — светлого счастья пора,
Это — Амангельды и Абай,
Это — наша пласунья Шара.

Это — синее небо весны,
Это — хлопок серебряный наш,
Это — сладкие звуки струны,
Это — шелковый голос Куляш...

Казахстан — это край золотой,
О котором мой предок мечтал
И, придавлен к земле нищетой,
Сам мечту свою сказкой считал.

Да живет Казахстан молодой,
Озаренный счастливой звездой,
Как под солнцем до самых высот
Озарен Алатау седой!..

1937

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК...

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

Каждый цветик, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Теплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украсть успел.

Что ни год приходит в цветах,
Обольстит и уходит весна.
Что с бесстыдницей делать? Ах,
Ведь опять обманет она!

Но, забыв обиды свои,
На весенний глядя расцвет,
Я твержу: «О пора любви,
Будет счастье мне или нет?»

Нежно глядя щеки мои,
Ветер шепчет: «Счастье с тобой!»
И чирикают все воробьи:
«Пой, счастливцев, радуйся, пой!»

Выйду в сад, по дорожкам пройду —
Лунной ночью, солнечным днем,—
Все мне радо в белом саду,
Все мне тайно поет об одном:

«Мир цветов пред тобой возник,
Унеси его в спальню весь,
Но обилен счастья цветник,
Не снесешь,— оставайся здесь.

И за всех, ушедших давно,
Кто в слезах без цветов зачах,
Право счастья тебе дано
В белых-белых урючных садах...»

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

1937

Сколько в веках уничтожено было садов, цветников!
Сколько убито великих мечтателей и смельчаков!
Сколько сияющих солнц потухало в жестокий свой век!
Сколько песками проглочено щедрых, живительных рек!
Сколько отравы испили народы из чаши скорбей,
Тщетно зари ожидая в ночи беспросветной своей!

Сердце щемит до сих пор Физули одинокого стон —
В адской печи своей скорби он заживо был испечен.
Всю свою жизнь Навои, наш поэт гениальный, рыдал,
Он, как любимый Фархад его многострадальный, страдал.
Мрачная мудрость вещала из книг этих мрачных эпох:
«Скорбь — неотступный твой спутник, чья песня —
отчаянья вздох!»

Грезили люди о счастье, не видя и светлого сна,
Бархатных мантей на плечи им не надевала весна.
Сколько искателей счастья печаль находили взамен,
Шедших путем жизнелюбия смерть вводила в свой плен.
Сколько высоких призваний бесплодно сгорело дотла,
Сколько бесценных творений забвенью хула предала!

Век золотой, наконец, наступил для родной мне страны —
Где гиндукуши скорбей неизбывных с землей сравнены,

Где ни нужде, ни бесправью возврата не будет вовек,
Где на земле и на небе прославил себя человек,
Где и в полях, и в садах никогда не затмиться весне,
Где все свободны и счастливы, как и не снится во сне!

1937

РОДИНА

Чуть глянул на мир я, как той же порой
Всем сердцем постиг и запомнил навек:
О родина, счастлив и жив человек
Лишь в полном предельном слиянье с тобой!

Частицей твоей ощутил себя я
В долинах родных, что, ликуя, цвели...
Желанней, чем дождь для иссохшей земли,
Мне стала высокая слава твоя.

Тому не скажу я: «Мне спутником будь»,—
Кто жало таить под улыбкой привык,
В ком жив только лживый, бесчестный язык,
А сердце — мертво и безжизненна грудь.

С тобой, чьи за правду священные бои,
Я буду — лишь кликни — всегда и везде,
И в грозных сраженьях, и в мирном труде!
И глаз не сомкну я, как реки твои!

1937

ХВАЛА ДОМБРЕ

*Народному певцу
Абдулле Шаиру*

О дурном и о добром скажу я в стихах,
Вторит голосу сердца твой звук, о домбра!
Я прошел по вселенной с тобою в руках,
Свет очей моих, истинный друг, о домбра!

Что мне бедность и голод, только ты будь со мной:
Без тебя не расправлю я крыл за спиной,
А с тобою могуч я, как ветер степной,
Ты служила мне в рабстве средь мук, о домбра!

Нет другого в моем цветнике соловья.
Чуть ты смолкнешь — душа затоскует моя,
Станет сердце, как полная кровью ладья,
Но врачуешь ты скорбь и недуг, о домбра!

Ты со мной — мне по силам любые труды,
Ты со мной — не страшусь ни нужды, ни беды.
Вот иду я в поля, в золотые сады,
Слава в землю вонзающим плуг, о домбра!

Никогда ни пред кем не склонял я главу.
Я с правдивой домброй неразлучно живу.
С песней ты, как Симург, меня мчала в Москву,
Озарявшая труд и досуг, о домбра!

С уважением тебя я в ладони беру,
Молодую звенеть заставляя домбру,
Ты — волшебница-пери, весной поутру
На цветущий слетевшая луг, о домбра!

Ты — прекрасной луной озаренная высь,
Ты — обильем плодов озаренная жизнь,
Ты — счастливо в колхозе найденная жизнь,
Ты — врага поражающий лук, о домбра!

1937

ПОИСКИ НОЧИ

По небу полная луна
Плывет, меж туч ясней,
Ночь ищет на земле она,
И звезды ищут с нею.

А ночь пропала без следа —
Тень над землею тает.
В ложбине мутная вода
И та — в лучах блистает.

И на закат плывет луна
С закрытыми очами,
А вся земля озарена
Рассветными лучами.

1937

ВОПРОС

Если я разодену тебя, смуглую, в платье весны?
Если звезды, окутав снежком, с темной сниму вышины

И тебе по одной поднесу, чтоб, забавы любя,
Улыбалась тем звездам, а я — звезды любил и тебя?

Если я от зари до зари сказку начну напевать?
Если яркой охапкой роз буду тебя осыпать?

Если, выстроив дом для тебя из яшмы стихов моих,
Не устану тебя прославлять, соперниц черня твоих,

О красавица, будешь ли ты довольна и чуть горда?
Все желанья твоей души исполню ли я тогда?

1937

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Удивившись лицу моему,
Ты спросила: «Молчишь почему?»
Не тревожься, мой друг дорогой.
Видишь: тень пробежала тропой,
И луна возле тени светла,
И минута молчанья пришла...
А в минуте такой, в тишине
Разгорается пламя во мне.
Целый сонм небывалых миров
Прилетает под тихий наш кров,
И кричат они, как журавли,
И уносят меня от земли.
И лечу я! И падаю вдруг
С поднебесья в тюльпановый луг,
А они надо мною кружат,
Полы платья, крича, теребят.
И плыву я, за ними спеша,
В синем озере средь камыша...
О, как дышит счастливая грудь!
Как хорош беспокойный мой путь!..
Вот минута молчания. Вот —
Взгляд недвижимый и стиснутый рот.

1937

ВДОХНОВЕНИЕ

Откуда ты? Возникло, закружило,
Настигло вдруг, как путника самум,
В пути запутало, заморозило,
Заволокло горячей пылью дум.

Но вот звучит навязчиво, как нота,
Какой-то маленький горячий лад,
Чирикает, как воробьиш, что-то
За матерью твердящий невпопад.

И сердца слух до боли напрягая,
Я душу отдал, чтоб его понять,
Чтобы расслышать... Мошка, пролетая,
Моей работе может помешать.

О, не мешай! Оставь меня в покое,
Пока мой лад поет среди суеты...
Я кровью сердца напишу такое
Прекрасное, что удивисься ты.

1937

СЧАСТЬЕ НАРОДА

Хоть своя у любого судьба,
Каждый к счастью по праву стремится,
Жажда жизни — в крови у раба
И у вольно летающей птицы.

Только многих, кого уже нет,
Пламя горестей испепелило.
Им мерещились небо и свет,
А досталась — сырая могила.

С детства к солнцу тянулись они,
Но в потемках его не встречали.
И не в радости долгие дни
Проходили, а в горькой печали.

За глухими годами года
Шли, гася даже проблеск желаний.
Черным светом горела звезда
Над дорогою вечных скитаний.

У дверей стерегла нищета
И плелась по следам человека,
Каменела любая мечта
Под пятою угрюмого века.

Счастьем жизнь не согреет нагих,
Если край наш не станет свободным,
Если рай создавать для других,
Самому ж оставаться голодным.

Славным племенем большевиков
Завоевана наша свобода.
Не о скорби минувших веков
Я пою, но о счастье народа.

Изобилием дышит мой край.
Жизни ключ в нем бурлит неустанно.
Новый мир, словно сказочный рай,
Вместо старого Узбекистана.

Распускаются хлопком поля.
Тополя шелестят надо мною.
И звенит родниками земля,
Озаренная вечной весною.

1937

* * *

Что с пути нас заставит свернуть?!
Там,
 где мерзнет в термометре ртуть,—
От Москвы до Америки дальней
Сквозь пургу
 проложили мы путь.
Не метнулись мы в страхе назад.
Ледяной
 победили мы
 ад!
Самолетов не сломлены крылья —
Краснозвездные птицы
Летят!
Мы живем
 в светлый, радостный век.
Покоритель морей,
 гор
 и рек —
Скоро,
Скоро
 путем межпланетным
Пролетит наш простой человек!

1937

* * *

Я вижу пчел в сверканье цветника
И всей душой ревную к ним цветы.
Люблю поймать в глазах у старика
Живой огонь лукавой красоты.

Когда душа свежа и молода,
То седина — как иней поутру,
И на груди седая борода —
Как пена волн на солнечном ветру.

О, как хорош расцвет седых долин!
Становится природа молодой,
Когда ее могучий властелин
По ним ступает твердою ногой.

1937

КЛЮЧ К СЧАСТЬЮ

Я многих поэтов прочел —
Великих волшебников слова,
Прочел — и в тупик я зашел:
Печаль — их творений основа!

Стихи Физули — соловьи,
Чье пение — вопли Меджнунов.
Меня опалил Навои,
Самумом тоски своей дунув.

Мне Лермонтов сердце щемил,
Измучил Хафиз меня вскоре,
И Пушкин тоской истомил,
Поведав черкешенки горе.

Шекспира просил я: ответь! —
Ответил Хайям за Шекспира:
«Нас хлещет отчаянья плеть,
А скорбь есть владычица мира».

И тут-то махнул я рукой:
Не буду вам единоверцем!
И хлынула радость рекой
В мое истомленное сердце!

Она мне открыла секрет
Своей побеждающей власти,—
И счастья мне большего нет,
Чем петь человеку о счастье.

Да, так оно быть и должно
В свободной, счастливой отчизне,
Где горе навек сражено
Ликующей радостью жизни!

Поэтому радость — мой друг,
И, спину уныло не горбя,
Я счастлив, что счастье вокруг
Встречаю везде, а не скорби.

Эй, недруг! Надежд не питай —
Нам все твои козни известны.
Дан ключ мне народом чудесный
От всех заколдованных тайн.

1938

САМАРКАНД 21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Тот день не позабудется вовек,
В воображенье оживает он.
Как стаи аистов, кружился снег,
Весь мир был белым снегом занесен.
В густом снегу все ветки и кусты,
В снегу, запахиваясь на бегу,
На площадь торопились старики.
И дети пробирались сквозь пургу
Между садов из дальних кишлаков,
И женщины бежали, все в снегу,
Отбрасывая паранджи покров.

В волнении великом вся страна,
Огромная печаль у всех одна —
Печаль утраты горше всех утрат.
Кто ж в том всеобщем горе виноват?
Какая весть сердца живых прожгла,
Как огненная грозная стрела?
И в изумлении старик один
Спросил в толпе у сына своего:
«Кто был тот человек, скажи мне, сын,
Что провожает весь народ его?»

И ведь не в Самарканде умер он,
И даже не жил в наших он краях!

Так почему ж печаль во всех глазах,
И тьмы людей пришли со всех сторон?»
«Сегодня умер Ленин!— сын в ответ.—
Таких, как он, еще не видел свет!
Стара вселенная, и много в ней
Рождалось мудрецов, богатырей.
Но Ленин всех великих превзошел.
Всю книгу жизни мира он прочел,
В ночи кромешной, в заточенье он
Голодных миллионов слышал стон.

Свой гнев он на тиранов устремил
И тиранию в пепел превратил.
В твердыню мрака рухнули врата,
Исчезла вечной ночи темнота!
Сквозь ураган провел он караван
Опустошенных, разоренных стран
И вывел страны на великий путь,
Где светит солнце, вольно дышит грудь!
Он хлеб голодным, кров бездомным дал,
Он беднякам навечно землю дал.
Будь жив сейчас великий Прометей,
Огонь небес добывший для людей,
Увидев Ленина, он на вершинах гор
Порвал бы цепи, вышел на простор!
И вот кого смерть нынче унесла!
И вот чья смерть скорбь эту навлекла!
Все будет мало — сколько ни скорбим.
Не хватит в мире слез — рыдать над ним!»
Печаль в глазах народа моего,
Печаль и скорбь в душе большой его.

Как море, дышит площади жерло,
Как море, толпы дышат тяжело.
И души-волны мчатся без конца,
И бьются, как морской прибой, сердца...
А снег валит. Косматый, талый снег,
Как хлопок белый, небывалый снег.
И облаков, тот снег несущих, мгла
Тяжелой тенью по земле легла,
И тени той, казалось, не отвести...
И в сумерках все гуще падал снег.

В воображенье оживает весь
Тот день, незабываемый навек.

1938

НА БЕРЕГАХ ЧИРЧИКА

Цветники долин я жадно созерцал
И, потоком дум объятый, онемел.
Над седой водой звездой сиял Чаткал,
Из-за гребней гор в глаза мои глядел.

Изумлен, стоял пред Чирчиком я,—
Тайну бытия в волнах я увидал.
Мне отсель видны Аму и Сыр-Дарья,
Их слиянья шумный, неумный вал.

Вкруг меня сыны народа — мудрецы,
Первые в отчизне смельчаки:
Ведуны воды, грядущего творцы,
Лучшей из наук о счастье знатоки.

Жизнь пескам пустынь они несут в руках,
Струи новых рек, что потекли в песках.
И земля тучнеет волею труда,
И весна, весна бушует в ледниках.

Хлопок пышно зреет. А в тени садов
Медом тяжелеет урожай плодов.
А вдали — пустыни огненная синь,
Желтая гряда пылающих песков.

Старого Востока степь окрест легла.
Говорит: «О, дай мне воду Ферганы!
Я столетья жажду. Мощь моя ушла.
Дай испить чирчикской сладостной волны!

Где арыки те, что вырыл Навои?
Высохли, вода по руслам не идет.
О Чирчик! Когда б, как берега твои,
Зеленеть и мне у говорливых вод!»
Диво ль, что в степях рожденный человек,
Увидав плотины и кипенье вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиленья на землю прольет.

Я — поэт Востока. Помню огневой
День, когда те слезы бедняков-дехкан
Стали песней! Песня ж повела на бой,
Беды сотен лет смела, как ураган.

Миллионов песнь о Ленине была.
Эта песнь всегда на подвиги вела.
Эта песнь в боях победы нам дала,
Солнце бытия бессмертное зажгла.

Диво ль, что всю жизнь страдавший человек,
Увидав Чирчик, кипенье светлых вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиленья на землю прольет.

Ибо ей — воде — могущество дано
Исцелять недуги, мертвых оживлять.

В сердце у певца желание одно:
Весь Восток, весь мир свободным увидеть!

Ночью над Чирчиком тысячи огней.
Предо мною мир — прекрасней, чем весна.
Песнь о нем в душе рождается моей,
Как над гранью гор апрельская луна.

1938

САМОЛЕТ

(Для детей)

Улетаешь ты, пилот,
За поля, леса и кручи.
Твой блестящий самолет
Наполняет гулом тучи.

Остаюсь я на земле,
Хоть письмо возьми с собою
На сверкающем крыле
Прямо в небо голубое.

Сокол там — мой старший брат,
С боевой девяткой вместе.
Он, наверно, будет рад
Получить из дома вести.

Я пишу: «Братишка мой,
Не давай врагам пощады
И не вздумай ты домой
Возвращаться без награды!»

Подымается пилот,
За леса летит, за кручи.
Таает в небе самолет,
Наполняя гулом тучи.

1939

ЛОЛА

(Для детей)

Рада Лола, что снова весна,
В сад прибежала. Как он зацвел!
Ярких цветов набрала она
Полный-преполный подол.

Вдела в косички множество их —
Красных, лиловых и золотых.
Сунула за уши два стебля —
Вся разрядилась Лола!

А возвратясь домой, прилегла
И, в уголке свернувшись в комок,
Сладко уснула она, светла,
Словно весенний цветок.

1939

ВОЗЬМИ ОРУЖЬЕ В РУКИ

В утреннем тумане жизнь кипит,
По дорогам слышен стук копыт.
Родина великая не спит,
Клич — «В поход!» — по всей стране родной.
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если хочешь ты, чтоб лютый град
Не побил твой хлеб и виноград,
Если хочешь ты, чтоб младший брат
Не лишился жизни молодой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если хочешь человеком быть,
Если хочешь на свободе жить,
Если ты не хочешь цепь влачить,
Словно раб покорный и немой,
Меч заветный свой
Точи на бой!

Если кровь в тебе, а не вода,
Если дороги тебе всегда
Честь твоя, плод твоего труда,
Юноша ты иль старик седой,

Меч заветный свой
Точи на бой!

Если ты не хочешь, чтобы враг
Стал охотиться в твоих горах,
Раздави его, сотри во прах,
Грянь грозой над черною ордой!
Меч заветный свой
Точи на бой!

1941

ОТПРАВКА БОЙЦОВ НА ФРОНТ

Стоят у поезда бойцы,
Спешат родных своих обнять...
Вот сына своего на фронт,
Целуя, провожает мать.

«Счастливый путь, прощай, сынок,
Зеница ока моего!
Знай, что мужчину узнают
В бою по храбрости его.

Растила зубы я твои,
Чтоб смог ты, сын, кусать врага,
Тебе дала я две руки,
Чтоб наземь мог бросать врага.

Тебе — чтоб мог ты в бой идти —
Дала я пару крепких ног.
Два глаза я тебе дала,
Чтоб ты врага увидеть мог.

Отвагу в грудь вдохнула я,
Чтоб храбро дрался ты с врагом.
Тебе я холмила коня,
Чтоб в битву мчался ты верхом.

И вот великий твой народ
Тебя призвал для славных дел:
Дракон, разинув жадно пасть,
Ворвался в наш родной предел.

Он выскочит из-под земли —
Его ты саблей обезглавь.
Он с неба спустится, злодей, —
Без ног лежать его оставь.

В атаку если он пойдет —
Его ты танком раздави:
Пускай он на чужой земле
В своей же плавает крови...

Но если возвратишься ты,
Не сладив с дерзостным врагом,
Напрасно, значит, я тебя
Своим вскормила молоком.

Знай, что мужчину узнают
В боях по подвигам его.
Счастливый путь! Прощай, сынок,
Зеница ока моего!..»

Клянется матери джигит,
В руке винтовку крепко сжав...
Гудит пронзительный гудок,
Отходит воинский состав.

И долго мать ему вослед
Глядит, не в силах отойти,
И тихо-тихо говорит:
«Сынок, счастливого пути!»

1941

ПИСЬМО

Я не забуду слов твоих,
Трех слов, зажегших нас,
Я не забуду глаз твоих,
Горящих гневом глаз.

Сказав: «Умри иль победи!»—
Ты мне вручила меч.
Я с именем твоим в груди
Бросаюсь в бурю сеч.

Я крепну в яростных боях
С фашистскою ордой,
Найдет могилу враг в полях
Земли моей родной!

Я ночью не поддамся сну.
Лес темен, недвижим;
Я вслушиваюсь в тишину
Всем существом моим.

Чу!— шорох: как за волком волк,
Тревогою гоним,
Проходит чаще вражий полк
По просекам ночным.

Ну что ж, злодей, погибнешь ты,
Коль жизнь не дорога,—
Я, словно беркут с высоты,
Нагряну на врага.

Ударом молнии ему
Я сердце расколю,
Как море — волны подыму
И, хлынув, затоплю.

Кровавые потоки вброд
Не перейти врагу,
Он гибель черную найдет
На нашем берегу!

Он миру, как чума, грозит,
Как вор, ползет в наш дом.
Но в ужасе он побежит
Перед моим штыком.

О мать, не бойся за меня,
Приободришь и жди.
Несокрушимее кремня
Сердца у нас в груди!

Сквозь море пламени пройдет
Твой сын — и не сгорит,
Его и пуля не возьмет
И сабля не сразит!

И сын твой званьем удалыца
Тогда лишь станет горд,
Когда фашизм навек с лица
Земного будет стерт.

Сказав: «Умри иль победи!» —
Ты мне вручила меч.
Я с именем твоим в груди
Бросаюсь в бурю сеч.

1941

МОСКВА

Ночь настает... На крыльях смерть неся,
С глазами, налитыми черной кровью,
Стервятники взлетают в небеса,
Таясь, уже кружат над Подмосковьем.

Врагу навстречу гневная Москва
В броне из стали, матовой от дыма,
Встает. Она бесстрашна и права,
И ненависть ее неистребима.

О город мой! Забыта тишина.
Настороже. И ни на миг покоя...
В твой душе к победе страсть одна,
В твоём быту один обычай — боя!

Вот истребители — к звену звено —
Грозят бандитам смертью неминучей,
И волны рек вздымаются все круче,
Чтоб захлестнуть врага и затянуть на дно.

Стервятникам не избежать нигде
Лучей прожектора, зениток грозной силы.
Безмолвные просторы площадей
Разверзнутся и станут им могилой.

Москвы не знаешь ты, коварный враг,
И разобьешься об ее твердыни,
И по ветрам развеется твой прах,
И память о тебе навеки сгинет!

Москва моя! Народов светлый дом!
Твоим щитом стоят бойцов отряды.
Пусть знает враг: за жизнь мы жизнь возьмем,
И кровь за кровь прольем мы без пощады!

Москва моя! Любой из нас хранит
Тебя, как сердце, как свое дыханье.
Неколебим навеки твой гранит,
Незыблемо знамен твоих сиянье!

1941

КОГДА УХОДИЛИ НА ВОСТОК

(Из цикла «Эвакуация»)

Под воем бомб, под смертоносным градом
Из городов горящих люди шли,
Из мирных сел, внезапно ставших адом,
Осыпанные комьями земли.

Шли люди, стоном небо сдрогая,
Кровь застывала в колеях дорог.
Шли пахари, свой хлеб в полях сжигая
Безвестный путь был страшен и далек.

«...Обычай мира верно мы хранили.
Ты, враг, его нарушил в черный час!
Будь проклят! Спать с тобой в одной
могиле —
Позор и нестерпимый стыд для нас!

...Будь проклят, зверь, виновник
лихолетья!
Будь проклят, черный изверг и палач!»
Шли старики, старухи, жены, дети.
С мычаньем стад мешался стон и плач.

Спаленные степною жаждой горла,
Растерянность, безумие и тьма,
Такая тьма, как будто распростерла
Над миром крылья древняя чума.

Глаза, засыпанные пылью, плача,
Не различают неба и земли.
Пыль над землей встает стеной горячей,
И броды рек — в удушливой пыли.

...Что им, в бесчувствии упавшим, снится,
Что ждет нагих, беспомощных, больных?
От пыли тяжелы их глаз ресницы,
Как лес, что преградна дорогу их.

Тот, потеряв ребенка, обезумел,
Тот вдруг лишился всей семьи своей,
И кто из них предполагал, кто думал,
Кто ждал беды внезапней и грозней?

Шли толпами. Шли, как морские воды,
Не ведая, куда они идут,
И где предел их страшного похода,
И где они приют себе найдут.

Лишившись крова, без воды и хлеба,
Шли люди, как гонимый ветром дым.
И утром кровью обливалось небо,
И плакало от состраданья к ним.

С заката на восток, — не как когда-то,
Не от востока, — тек людской поток,
Как будто реки крови шли с заката,
Как будто кровью шар земной истек.

«Куда? — леса шумели по дороге. —
Куда, родной? Куда от нас ушел?»
Земля хваталась за босые ноги,
Несжатый хлеб цеплялся за подол.

«Куда вы?»— плакал дождик на рассвете.
«Останьтесь!»— грохотала им гроза.
И беглецы не знали, что ответить.
«Куда? Идем, куда глядят глаза.

Нам все равно, где дни влачить на свете,
Где спрятаться от холода ночей.
Нам все равно, лишь только б наши дети
Не видели фашистских палачей.

Хоть, может быть, без крова и без пищи
Придется видеть нам своих детей,
Хоть, может быть, не сыщется жилища
Принять такое множество гостей,—

Мы все снесем, любые муки в мире
Мы выдержим, и в дальних землях нам
Любые подойдут весы и гири,
Но мы не покоримся палачам!»

1941

ЛЮБОВЬ

Пришла смущенная — с букетом роз.
«На память сохрани», — сказала ты.
В моих глазах застыл немой вопрос,
Мне руку обожгли твои цветы.

«Сегодня молодость — слуга войне,
Судьбу любви решит судьба войны.
Проверить на святом ее огне
Все чувства наши мы теперь должны.

А если не вернусь... Мой милый друг... —
И влагой грусти взор твой налился. —
Ты не забудешь обо мне...» И вдруг
С твоих ресниц закапала роса.

Я удержать не смел тебя, не мог,
И в западне забилось сердце вмиг:
Мне в нежности твоей звучал упрек,
Я совести своей услышал крик.

Да, нам теперь пути другого нет,
Нельзя теперь шагать другой тропой.
Как солнце месяцу выходит вслед —
Я на войну ушел вслед за тобой.

Нас разлучила грозная война,
Но в сумке я твои цветы держу —
И родины, и милой имена,
Скача в атаку, с нежностью твержу.

Преследуя захватчиков, губя,
Жестоко мстя за родину свою,
С клинком в руках стремлюсь к тебе, любя,—
Струна любви не молкнет и в бою.

Чем горячее бой, чем он грозней,
Чем яростней сражаюсь я клинком,
Тем поцелуй мой мысленный нежней,
К тебе летящий легким ветерком.

А может быть, скитальцами в веках
Стать нашим поцелуям суждено?
Но любящим сердцам, презревшим страх,
И в гибели бессмертие дано.

Нет, не исчезнут наши имена!
На празднестве победы — будет час!
С живыми наравне почтит страна,
Овеянных легендами, и нас!

Вновь Украины расцветет краса,
Позолотит она поля свои,
В зеленые российские леса
Слетятся петь нам славу соловьи.

И колосом пшеничным встану я,
И заискрюсь горячей кровью вин,

И занрает в розе кровь твоя,
Речную гальку превратит в рубин...

Нет, храбрых в жизни — смерть не заберет,
Любовью смелых озарится мир.
Любимые. друзья! Родной народ
Победы ждет. Мы явимся на пир!

1942

ВЕРНОСТЬ

Ушел на войну джигит.
У окна подруга сидит.
Глазами, полными слез,
На север она глядит.

Соловей улетил, и она,
Его роза, осталась одна,
И разлука меж ними легла,
Словно зимняя ночь длинна.

О, как мерно движенье дней...
Смотрит девушка в даль полей,
И, чем дальше уходит друг,
Тем он ближе кажется ей.

Пишет девушка: «Ночь темна.
Кровь моя, как тюльпан, красна».
Пишет он: «Сквозь огонь и дым
Ты, любимая, мне видна».

Пишет девушка: «По садам
Я брожу по твоим следам».
Пишет он: «За тебя в бою
Я всю душу свою отдам».

С поля битвы в родимый дом
Легкий голубь летит с письмом
И обратно с письмом летит,
Рассекая простор крылом.

Он летит из конца в конец,
Быстролетный любви гонец.
Он несет на своих крылах
Нетерпение двух сердец.

1941

ДЕРЕВЦЕ

Друг мой далекий! Весною в саду
Дереvце ты посадил,
Дереvце это глядит на звезду
И набирается сил.

Дереvце стало высоким, как ты,
Пышным, как майский рассвет.
Белые мне протянуло цветы,
Словно от друга привет.

Ночью, когда в задремавшем саду
Травы окутает тишь,
К дереvцу я в темноте подойду:
«Тоже не спишь? Грустишь?»

Солнце над садом росистым встает,
Дереvце думает — ты;
Лунная ночь по тропинкам идет,
Дереvце думает — ты.

Ветер летит, и в зеленой листве
Нетерпеливая дрожь:
Кажется — ты по шумящей траве
К дому родному идешь.

Дереvence склонит верхушку свою,
Светлые ветки шумят,
И лепестки на дорогу твою
Белою стаей летят.

Яблони, вишни и весь голубой
Сад у родимой реки,
Где бы ты ни был, следят за тобой,
Слышат твои шаги.

Нет, не цветы, не деревья, не сад —
Я истомилась, любя.
Скоро ли, милый, вернешься назад,
Скоро ль увижу тебя?

Бейся, джигит мой, в огне боев
Гибель неси врагам.
Пыли щепотку с твоих следов
Мне бы прижать к глазам!

Мне бы в ручье между темных ив
Образ увидеть твой!..
Друг мой далекий! Врага победив,
Скорее вернись домой!

1942

ДЖИГИТ

Когда орел взмывает к тучам —
Вороны прочь летят;
Когда скакун бежит по кручам —
Ущелья вслед гремят.
Когда джигиты, ставши в стремя,
Вперед коней стремят —
Руби врага! Настало время.
Коси за рядом ряд!
Клокочет гневом сердце наше,
Так не щади врага!
Давно полна терпенья чаша,
Так не щади врага!
В боях отважен будь и страшен
И не щади врага!
Пусть наших роц, лугов и пашем
Враги не осквернят!
В лесах, в степях, под высью звездной
Врага-гиену бей!
Пока враги не сгинут в бездне,
В огне геенны — бей!
Пока весь род их не исчезнет
С лица вселенной — бей!
Твои дела в нетленной песне
Потомки сохранят!

Ты наш, ты рос под ясным небом
Отчизны дорогой.
Все ждут тебя. Столь жданным не был
Нигде никто другой.
Рази врага рукой героя,
Железною рукой!
Придешь ты — горы пред тобою
Седины преклонят.
Разбей скорее орды вражки —
Фашизма злой оплот!
Тебя с победою, отважный,
Страна Советов ждет,
Ждет из далекого похода,
Считая дни, народ.
Сады, склоняясь к журчащим водам,
Ждут, шелестят, не спят.

1942

ПРИВЕТ ГВАРДЕЙЦАМ

Вам, мужественным землякам, родным бойцам — салам!
С наградой поздравляем вас, достойных храбрецов.
Мы шлем любимым сыновьям по точным адресам
Салам от ваших матерей, от братьев и отцов!

Для доблестных геройских дел вы были рождены.
Как соколы, через Памир вы мчались на конях,
Канал великий провели в долине Ферганы,
Золотоносный Зеравшан горит у нас в глазах.

И вот громите вы врага в огне жестоких сеч,
Бегут в смятении от вас фашистских полчищ тьмы.
Уложит тысячи врагов гвардейский грозный меч.
Встает победа, как заря, — и радуемся мы.

И громко славит наш народ дела богатырей.
Любовной гордостью сердца невест и жён полны.
И бьются горячей сердца отцов и матерей,
И ждут родные: в орденах вернутся их сыны.

Без промедления вперед! Победа вас зовет!
Полки врага гоните прочь, сметайте в ночь и мрак,
Пускай рожденья своего он день и час клянет.
Удар узбекского клинка пускай узнает враг!

1942

ДРУГУ, ИДУЩЕМУ С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Держи свой путь на запад, богатырь!
Твои друзья скорбят от горя злого,
Их города захвачены врагом —
У наших братьев нет угла родного.

Ты солнце скорбной родины, мой друг,
Окровавленных нив освободитель.
За стон и слезы гитлеровских жертв
Идешь ты в бой как беспощадный мститель!

От крови пьян, взбесился живодер,
Петля и нож милей всего злодею.
Еще надеясь, бледный, ждет тебя
Старик в петле, накинутой на шею.

В боях твой друг ослабил мощь врага
И пал, убитый, на твою дорогу.
В лесу скрываясь, беженцы глядят,
Как следопыты, на твою дорогу.

И опозоренные девушки глядят,
Рыдая горько, на твою дорогу.
И жены ждут прихода твоего,
Тая нетерпеливую тревогу.

И дети плачут, потеряв отца,
И ждут тебя бессонными ночами.
Благословляют матери тебя,
Мечтая расквитаться с палачами.

Держи свой путь на запад, богатырь!
Подобно солнцу, ты придешь с востока.
Освободишь друзей из черной тьмы,
Куда насильник ввергнул их жестоко.

Поля, врагом истоптанные, ждут,
В ожогах черных, в диком запустенье.
Спеши туда! Бесплодные сады,
Тоскуя, чахнут в горестном смятенье.

Пока ты здесь — на Украине тьма,
Там не тюльпаны, там лишь кровь краснеет.
Пока ты здесь — там солнце не блеснет,
Пустых полей крестьянин не засеет.

Спеши туда, освободитель, друг!
Казни врага, у смерти вырви брата.
Где ты прошел — в сердцах народов скорбь,
Как снег под солнцем, тает без возврата.

Ответь таким ударом на удар,
Чтобы враги в беспмятстве бежали.
Держи свой путь на запад, богатырь,
Рассей в сердцах народа тьму печали.

Ночную тьму избавь от волчьих стай,
День золотой избавь от чужевластья!
На каждый холм, отбитый у врага,
Внеси багряный стяг труда и счастья.
1942

РОССИЯ

О Россия! Россия! Могучая родина,
Беспредельно огромная, как небосвод.
Даже солнце, пока полпути им не пройдено,
Тебя сразу лучом своим не обоймет.

Поезда в многодневном пути задыхаются,
Пробежав от закатной черты на восход.
Птицы с неба не раз отдыхать опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет.

Сокрушит твоя сила все злые напасти,
Землю солнце любви твоей светом залет.
Ты воздвигла твердыню свободы и счастья,
Где семья твоих братьев-народов живет.

Чечь великая — дней своих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какую громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!..
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

И когда в эти лютые зимние стужи
Птицы падают замертво в снег на лету,
Твои дети, могучие, храбрые мужи,
Гонят вражьи полки, как заря темноту.

Под лучами любви твоей солнце светлеет,
Под лучами любви твоей тают снега,
Но под гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость от
кости, —
И пролить свою кровь за тебя я готов.

1943

ШИНЕЛЬ

Цвет твой — серой пыли цвет.
Ах, шинель моя, мой свет!
В дни, когда я шел к желанной,
Был я иначе одет.

Был к лицу мне, спору нет,
Шелковый узоротканый
Бекасам из Маргилана
В пору юношеских лет.

Но забота из забот,
Словно буря, налетела,
И в шинель меня одела,
И отправила в поход —

Прямо в край далекий тот,
Где жестокий бой идет,
Прочь от милого предела,
Где отцовский сад цветет

Стан затягивает мой
Жесткий пояс боевой,

В битве будет не у дела
Поясной платок цветной.

А в ладонях у меня
Блещет вместо кетменя
Ствол, заряженный грозюю
Смертоносного огня.

Как подушки пух, мягка
На ночлеге ты была мне,
И в болоте, и на камне
Грела лучше тюфяка,

Ты мой спутник навсегда.
Если я убит не буду,
Я тебя не позабуду,
Не заброшу никогда.

На почетном месте впредь
Дома будешь ты висеть.
Шелк на праздник надевая,
С уваженьем на тебя я
Не забуду посмотреть...

1943

—

ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Сегодня день рожденья твоего.
Сегодня дом, как луг весенний, ярок,
Цветы кругом... И я лишь ничего
Не принесу возлюбленной в подарок.

Тебе сегодня девятнадцать лет,
С тобой — весны счастливые соцветья.
А я в бою встречаю свой рассвет,
Справляю праздник совершеннолетия.

В окопе дымно. Только в щель видны
Две-три звезды над тучкой голубою,
И небом родины глаза мои полны,
И вся душа моя полна тобою.

О, выйди в сад! Взгляни на небо ты,
Прислушайся к нему на миг единый,
И, может быть, из дальней высоты
Тебя напев коснется соловьиный.

Пусть будут нынче веселы друзья,
Красноречивы будут поздравленья,
Но пусть никто не слышит соловья,
Не замечает твоего волненья.

Пусть пьют друзья сегодня допьяна,
Пусть будет много и вина и хлеба,
И только ты, красавица, одна
Подняв бокал, взгляни опять на небо.

Тебе сегодня девятнадцать лет,
И нет поры для молодости краше,
Но дашь ли ты торжественный обет,
Любовь моя, не становиться старше?

Не говори ни слова мне в ответ,
И не шути над выдумкою друга,
Не уходи за девятнадцать лет,
Не покидай весны, моя подруга!

О, не спеши, красавица, постой!
О, удержи в груди своей дыханье,
Чтоб расцвести девичьей красотой,
Тогда, в минуту нашего свиданья.

Пусть будет только девятнадцать ей,
Любви твоей, и больше — ни мгновенья.
Невесты ждать должны богатырей,
Когда идут великие сраженья.

А мы, обычай верности храня,
Идем к победе в пламени и дыме,
И если я погибну средь огня,
Шепну твое коротенькое имя.

Ну, вот и все... На небе вспыхнул свет,
И стали залпы раздаваться часто...
Тебе сегодня девятнадцать лет,
Мое далекое, большое счастье.

1943

ВСТРЕЧА

Земля, в следах недавнего терзанья,
Целует, радостная, ноги твои,
Напоминая древние сказанья,
Барчин выходит на дороги твои.

Прикладывает штык с благоговеньем
К своим глазам: твой штык прославлен в
Орле.

С каким они расскажут вдохновеньем
О том, как бился ты на русской земле.

Земля, в следах недавнего терзанья,
Целует, радостная, ноги твои.
Тебе напомнив древние сказанья,
Барчин выходит на дороги твои.

1943

ЛУНА НАД ОСАЖДЕННЫМ ГОРОДОМ

Луна взшла над темною землей,
Но от нее мы отвращаем очи.
Луна, уйди! Не стой над головой,
Над белым снегом беспокойной ночи.

Лучей твоих серебряная рать
Приносит вести мрачные с собою:
Даль осветишь — стервятники летать
Опять начнут над нашей головою.

Как мы любили полнолуныя час!
Как радовались твоему приходу!
Но только гнев сейчас в сердцах у нас,
Когда твой луч блеснет по-небосводу.

В домах все лампы потушили мы,
Ушли под землю. И настороженный,
В бемолвыи белом северной зимы
Неколебим наш город осажденный.

Вот почему прошу тебя, луна,
Не приходи на сумрачное небо:
Тяжелые настали времена,
Нет ни тепла, ни лишней корки хлеба.

Нет на земле ни отдыха, ни сна,
Покоя даже птицы не находят.
Мужчин к оружию призвала война,
И замуж девушки уж больше не выходят.

Бывало, шли мы в тихие сады,
На берегу, над синею рекою,
Сидели в тихих зарослях джиды
И любовались до утра тобою.

О ночи лунные! Утраченные дни!
В землянке этой, в суете солдатской
Мне кажутся, далекие, они
Когда-то в детстве слышанною сказкой.

Но не до сказок нам сегодня тут —
Под гул снарядов не расслышать слова.
Все наши сказки снова к нам придут,
Вся наша радость возвратится снова!

Тогда, луна, ты не заставишь ждать
Людей, привыкших к горю и тревогам,
И сотни тысяч девушек опять
Пойдут тебе навстречу по дорогам.

Мы известим тебя: Луна, иди!
Залей весь мир атласными лучами
И даже днем от нас не уходи,
Гуляй, красавица, по небу перед нами.

И если в поле норка хоть одна
Иль в камне трещинка останется без света,
За воротник возьмем тебя, луна,
Поссоримся с тобою мы за это.

1943, Курск

Баллады

ШАХИМАРДАН¹

1

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,
Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье промтая,
В могиле каменной уснула в тишине.
Той кровью обагрён флажок, что неустанно
Трепещет на крутой горе Шахимардана...

Картины прошлого передо мной стоят —
Род умирающий спасенья ищет в мести.
Вот бай, мулла, кулак, собравшиеся вместе.
На языке их — мед, на сердце — чёрный яд.
Ревнителн чалмы, поборники корана
Смеются злобно на горе Шахимардана...
Круг жизни завершён — тебя уж больше нет.

¹ Шахимардан — горное селение в Узбекистане, где был зверски убит врагами народа — узбекскими националистами — первый советский поэт Узбекистана Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929).

Здесь ты родился, здесь и умер ты, поэт!..
Картины прошлого стоят передо мной:
Плетутся лошади по тропке каменной.
Скрепят колеса арб над самой крутизной.
Клубится пыль тропы над пылью водянистой.
Поток, могуч и скор,
С крутых сбегает гор —
Поток стремительный, поток Шахимардана,
Шумя ворочающий камни непрерывно.

Картины прошлого стоят передо мной:
Живя среди красот, под синим сводом неба,
Среди хрустальных вод, среди листвы сквозной,
Несчастный человек, куска лишённый хлеба,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.
Вдоль тальника струясь, поющие арыки
Поили не его прохладною волной.
В его судьбе зима дышала и весной.
Несчастный человек и мученик великий,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.

Картины прошлого стоят передо мной:
С природой райскою Шахимардан гористый
Был баем превращен в постылый ад земной,
В обитель ужаса, в паучий дом нечистый.
Жестокий бай душа дехкан, шепча «Аллах!»
Он грязною душой окутал страхом души
Людей, чья жизнь прошла в нужде, в голодных днях,
В арбах с чужим добром, в слезах, во тьме и стуже.
Прожившие всю жизнь с отчаяньем в сердцах,
Искали бедняки от бедствий избавленья,
Флажки святые с волосками на концах
Повесив на ветвях и плача в исступленья.

Часами кланяясь, молилась нищета
В местах безрадостных, где и не пахло богом.
«Благодарю, алла... жизнь наша — суета...»
И вновь склонялись лбы к земле в смиренье строгом.
Как листья осени, унылы и желты,
Они светильник над могилой зажигали.
Мечты о счастье — непрерывные мечты —
К порогу байскому их за землей толкали —
Как будто горсть земли от байского порога
Способна счастье дать, умилоствивить бога...

Так жизнь кончается у бедняка —
Раба, поденщика в чапане рваном,
Раба, что черствого лишен куска,
Раба, что и воды лишен глотка, —
Раба, родившегося под Кейваном.
Чужой себе и дому своему,
В своем углу, в жилище темном,
Живет он нищим и бездомным,
Растоптанным, поверженным во тьму...
Поэт, что красоту творит и жаром дышит,
Поет свою газель, — но сам ее не слышит:
Он слышит стон рабов, и свист плетей,
И плач голодных маленьких детей...

2

Еще одна стоит картина предо мной:
Поют, журчат ручьи, играют с легким всплеском.
Вверху звезда горит над горной вышиной
И освещает все своим далеким блеском —
И горы, и ручьи — и весь простор земной.
И здесь поэт стоит.
Места, что мглой объаты,

Он хочет осветить, как яркая звезда,
Сердца, которые сосет паук проклятый,
Избавить хочет он от боли навсегда.

И завтра:

Тот, кто был задавлен байской властью,—
Батрак — войдет в колхоз, в могучий коллектив.
Ему не поднесут ведь на ладони счастье —
Он сам его возьмет, всех баев раздавив.

И завтра:

Не бойсь ужасного колодца¹,
Сарви произнесет:
«Пусть кровь моя прольется,
Пусть смерть моя придет,
Но я не задрожу:
Я сброшу черную, как тучу, паранджу!
Начну другую жизнь!
И чтоб ей быть счастливой —
Пусть пропадет навек закон корана лживый,
Аллах на небесах и в преисподней дивы!..»

И завтра:

Пионер придет сюда веселый
И выбросит навек флажки святые вон,
И знамя красное над клубом и над школой
Он утвердит — как счастья нашего закон.
И скажет:
«Праздник мы устроим на вершине
В честь пламенных сердец, не знающих преград.

¹ Женщин, нарушивших адат (мусульманский закон), фанатиков, муллы и баи бросали в колодец.

Мы жизнь дадим стенам, безрадостной пустыне —
Их мертвенный песок потоки оживят!..»
Почувяв смерть, дрожат мулла и бай свирепый:
Пришли богатыри, чтоб им за все воздать.
Их сила велика: не только рабства цепи —
Громады вечных гор им сокрушить под стать.
Шипят враги и днем и в черный час вечерний,
Пылает ненависть, навет ползет, как вор.
Во тьме таившиеся, выползают черви,
Клубком коварных змей свернулся заговор.

Хамза Хаким-заде,
Любимый всем народом,
Их пламя черное ты погасить решил,
Ты за народ пошел на бой с проклятым сбродом.
Поэт! Против тебя — вся злоба темных сил!
За то, что ты восстал на скряг и на сутяг,
Продать готовых край, народ свой — за пятак,
Они тебе, поэт, смертельно мстить готовы:
Беснуются, шипят и злобно жаждут крови...

3

Сверкает над горами жаркий день,
Средь скал и круч звенит строка газели —
С вершин легко, как молодой олень,
Спускается Хаким-заде в ущелье.
Горячий день. Чуть дует ветерок.
А он поет, жары не замсчает.
Меж тем поэта банда окружает —
И каждый выступ, каждый бугорок
Поэту лютой смертью угрожает...
С злорадным криком, предвкушая торжество,
Один бросается, как ястреб, на него,

Другой веревкой вяжет руки...

«Прочь с дороги!»—

Им голос времени приказывает строгий.

Но смерть уж близится...

Земля в глаза летит...

Сознание молнией внезапно бороздит

Горящий мозг...

И вот,

Как бы лишившись крыльев,

Поэт, что сладко здесь о будущем мечтал,

На окровавленные камни, обессилев,

Как дерево подрубленное, пал...

Хамза Хаким-заде, струится кровь твоя —

Сокровище бесценнейшее жизни.

Взгляни на свой кишлак, на гор твоих края —

В последний раз, поэт, пошли привет отчизне!

Но поздно... ты лежишь... твой взор уже погас,

В твоей груди уж сердце еле бьется...

Хамза Хаким-заде, настал твой смертный час —

Дыхание с тобою растается...

У темных сил сегодня торжество.

Кипчатся:

«Видели? Еще мы живы!..»

Но обмануть не смогут никого

Улыбка палача и байский голос лживый.

Вас, баи, окрылил кровавый ваш успех.

Хотите дни свои продлить, убив поэта.

Но знайте же, что вас переживет он всех.

И не спасетесь вы, свершив злодейство это!..

‡

Поток, могуч и скор,

Шумя, сбегает с гор —

Стремительный поток Шахимардана.
Вода его чиста,
Как светлая мечта
Людей, творящих счастье неустанно.
Навек рассеяв мрак,
Свободным стал батрак —
Ишанов, баев, мулл скрутил он втрое,
Мужая с каждым днем,
Шагает он путем
Колхозного незыблемого строя...

И слышится в горах поэта гневный голос,
И вместе с ним народ свободный говорит:
«Земля на два враждебных мира раскололась,
Один — почти мертвец, другой — живет, творит.
Так скажем гневно умирающему миру:
«Конец твой близится — наш приговор суров!
Всю жизнь, подобно жадному вампиру,
Безжалостно сосал ты нашу кровь!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, взгляни на пышный сад земли,
Взгляни на те поля зеленые вдали,
Взгляни на вьющийся в горах дрык —
Все это
Мы сами создали, взрастили, провели.
Ты слышишь, старый мир, как, падая с нагорья,
Потоки пенные поют среди камней
О наших прошлых днях, о безграничном горе
И о слезах, что чище горных всех ключей.
Все на костях на наших выросло,
А сами были мы приравнены к скоту.
Как лошадей, и нас камча хлестала,
Нам было и дышать не вмоготу.

И на родных лугах,
Что столько благ таят,
Враги вкушали мед,
А нам давали яд!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, весь век ты нашим жил трудом,
С утра до темноты и снова до рассвета
Зерно, как муравьи, мы в твой таскали дом.
Весь день голодные, под солнцем раскаленным,
В изнеможении мы падали без сил.
Но старый мир, склонясь над телом утомленным,
«Ты умер или жив?» — ни разу не спросил.

О старый мир, весь век ты прожил, лицемера,
Слезой и словом был ты каждому родня,
Но ты на смерть раба взирал глазами зверя,
Корову ж павшую оплакивал три дня...»
Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, тебе спасенья не найти!
Мы выполним слова великого завета:
Разрушим старый мир — другого нет пути!
Нет места вам у нас, насилие и лживость,
Исчезни, старый мир — чудовище, дракон:
Вот нашей жизни цель, вот наша справедливость.
Вот счастья нашего ликующий закон!..»

5

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,
Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье пролитая,

В могиле тихой спит на горной крутизне.
Поет Шахимардан — как прежде и не цели —
На утренней заре и в полуночный час.
И в песне вод его, и в горной колыбели
Так много красоты, родившейся для нас.
И день и ночь поет река, не уставая,
Вот так и наша жизнь колхозная поет.
Величье наших дней и счастье создавая,
Народные сердца она к себе влечет.
И этим счастьем враг хотел владеть навечно.
Но с кровью у врага мы вырвали его,
И в этом — наша мощь, и наша человечность,
И наша истина, и наше торжество.
Ушли навеки дни муллы, ишана, бая,
Настало время хлопкороба и ткача.
То время новое, как солнце, улыбаясь,
Нам светит в лампочках чудесных Ильича.

...С вершины громкий голос раздается —
И вторит все ему на тысячи ладов.
Он в каждом вольном сердце остается,
Он в шуме ветерков и в шелесте садов.
То — голос воина певца, чье сердце было
Гранита тверже и нежнее роз, —
Чья песенная закипала сила,
Чье имя носит с гордостью колхоз,
Кто в наших песнях жив, и в детских взорах,
И в заплескавшей в степи воде,
И в тех делах, которыми везде
На благодатных солнечных просторах
Прославился колхоз «Хаким-заде».

1932

МАСТЕРСТВО

1

Сверкая, пламенея, день встает.
Ушедшей ночи поступь так легка.
Дыханье утреннего холодка,
Листовою шелестя, меня зовет,
Любви и жизни голос подает.

Не звук азана разбудил меня,
Не бай угрозой понудил меня.
Расчесывая волосы полей,
Осенний день зовет: «Иди скорей!»
Листва над головой шумит: «Пора!
Спешите в поле, хлопка мастера!»
И радостно мы ото сна встаем,
И, бодрые, в поля свои идем.

2

И вот — родное поле,
хлопок, хлеб...
Здесь родился я, вырос и окреп.
И много поколений здесь до нас
Рождалось и встречало смертный час.
Смерть, как колючка в пятке, как репей,
Дорогой прицепившийся к полé,

Была обычным делом для людей,
Изнемогавших в байской кабале.

Равно и юноши, и старики
Здесь гибли от безжалостной руки,
Здесь миллионов жизней молодых
Весенние растоптаны ростки.
Был их удел — нужда и кабала,
Рубля на саван не было у них.
И это был народ! Он погибал.
Так, оседая, падаёт стена,
Подмытая разливом бурных рек.
Не смерть, а жизнь отцов была страшна.

Рабом тогда рождался человек.
Ничем не защищенный от обид.
На самой тощей и сухой земле
Таскал омач и сеял он чигит.
Весь урожай бай забирал себе.

Когда ж народ оружие подымал,
Отчаявшийся в божьей и в судьбе,
Его каратель бешеный топтал,
И кровь по рассеченным лбам текла.
Жизнь бедняка зависимой была
Лишь от того — успеет он иль нет
Снять урожай, пока не выпал снег.

3

Теперь по всей республике моей
Мы славим знатных мастеров полей,
Собравших небывалый урожай,
Обогативших свой колхоз, свой край.

О мой народ!
Счастливая моя,
Родная
Большевицкая семья,
Моя отчизна, мой Узбекистан!
Со склонов снежных величавых гор,
От рек, чьи поймы не охватит взор,
За неизведанный степной простор
Ты золотые поля распростер.
Как пущенная с тетивы стрела,
Как сильный сокол, распахнув крыла,
Ты поднялся в великий перелет.
Тот путь не проходила и звезда,
Не пролетала птица никогда.

Как будто снегом убелен простор,
Раскрылся хлопок. Вся страна — на сбор!
Теперь богатство это — наше, друг!
Богатство это — дело наших рук.
Гордитесь урожаем, мастера!
Нужда, беда остались во вчера,
Как по пустыне тяжкий переход.
Теперь хозяин жизни — сам народ.
Природу победил свободный труд,
И новые поля вокруг цветут.

В грядущее высокий строим мост,
У нас в глазах сиянье новых звезд.
Эпохой нам задание дано
В сознании людей стереть пятно,
Родимое позорное пятно,
Капитализма черное пятно,
Так, чтобы стал отныне и вовек
Свободным, сильным каждый человек.

Путь вперед велик,
но ни на час
Энергия не ослабнет в нас.
Необходимым всем вооружен,
Наш конь в поход, как птица, устремлен
На труд великий, на последний бой
За овладенье главной высотой,
С которой беспредельная видна
Ширь коммунизма,
вечная весна.

1933

ЖИЗНЬ СТАРИКА

«Жаль, что жизнь прошла,— вздыхает старик,—
Жаль, что мало мне остается жить,
Я уже на краю могилы стою,
Дней моих остаток — короткая пить —
На исходе, и горестно мне, что нельзя
На вершок хотя бы ее удлинить...»
Взором пристальным он следит за тем,
Как, выращивая на лугах цветы,
Неустанным трудом прекрасный ковер
Ткет красавица жизнь.

«Все свои мечты,
Все богатства свои,— говорит старик,—
В дар подруге-весне, жизнь, приносишь ты!»
Как волшебен и красочен жизни узор!
Рядом с девушкою, чьи щеки цветут
Словно розы, и юношей, полным сил,
Старика седовласого вижу тут
И старуху, в чьей памяти, словно во сне,
Дни загубленной в рабстве весны живут.
Дружно трудятся все, и радостный труд
Молодит сединой убеленных людей.
Возвращает им свежесть весенних дней.
Да, весна труда, как цветущий луг,
Где цветы и травы подобны мечте —

Столько прелести в яркой их пестроте,
И невольно, только глянешь вокруг,
Позавидуешь сердцем их красоте.
Стариковское сердце сжигает тоска,
Восклицает он, губы кусая: «Товба!—
Рвет халата ворот.— Ужель не судьба
Мне увидеть побольше радостных дней!
Жаль, что жизнь прошла»,— вновь вздыхает он
И скорбит в глубине души своей.

И старик —
В Мулькабаде его старей
Ни единого нет человека,—

старик,

Чья спина в подневольном согнулась труде,
Нищий, жалкий батрак, раб, что в прошлом
привык

Только к голоду, муке, горю, нужде,
Ожил, жизни впервые увидев свет,
Яркий свет, разлившийся в эти дни.
Долго жил старик...

Девяносто лет

Срок немалый... И на своем веку
Многих дел он свидетелем был.
Жизнь его —

Словно длинная повесть, и старнику
Стоит только начать рассказ о былом.
Стоит вспомнить в вечерний час о былом,
И слова, точно реки с гор, потекут.
Сколько раз сыпучие эти пески
Ветер с места на место перегонял!
И как эти барханы, что высятся тут,
Долго старей по этим местам кочевал,
Здесь на баев работал он, здесь голодал,

Здесь, бывало, не раз приходилось ему
Понапрасну стучаться в чужую дверь.
Так он здесь и состарился, и теперь
В Мулькабаде знают:

его старей
Не найдется во всей округе людей,
Но впервые, на склоне долгих лет,
Жизни радостной он увидел свет.

* * *

В Мулькабаде шел великий спор,
Испытанье грозное сердце.
И барханы, и полей простор,
Все равнины из конца в конец,
Все, кто в рабстве жил до этих пор,
В горе жил, потупя в землю взор,
Ждали, чем решится этот спор.

Как бороться с правдою лжецу,
Как ее осилить может вор?
С баем встретился лицом к лицу
Раб его недавний — чайрикер,
И друг друга угольями глаз
Каждый был готов на месте сжечь,
Бая не могли спасти сейчас
Ни обман, ни вкрадчивая речь.
Козни бая и его друзей,
Все, что здесь исподтишка злодей
Замышлял, чтоб власть свою вернуть,
Чтоб закрыть дехканам к счастью путь,
Их дела, что полночи черней,
Смело пред судом раскрыл старик.
Мстителем бесстрашным был старик,
Он обман и зло изобличил,

Жала острого змею лишил.
Как проклятый ни юлил, ни лгал,—
Правый суд злодея покарал.

Так закончился великий спор.
Сбросил тяжкое ярмо узбек.
Кишлаки избавились с тех пор
От отребья подлого навек.

Вместо жалких узеньких полос,
Что сдавали баи нам внаймы,
Всей землей теперь владеем мы,
И растет и крепнет наш колхоз.
Славится на весь родимый край
Наш колхоз «Держинец».
Что ни год,
То богаче хлопка урожай
Он отчизне-матери дает.

* * *

За весной весна идет вослед,
Тал к ручью шумливому приник...
И, как будто скинув бремя лет,
Вновь увидел молодость старик.

Все вокруг — свободный труд дехкан,
Трактор, утром выходящий в путь,—
Распрямляет сгорбившийся стан,
Наполняет новой силой грудь.

Не легко еще ему порой
Разумом все новое объять,
Но вперед стремится он душой:
«Ведь нельзя от жизни отставать!»

Он на склоне долгих лет постиг
Лицемерье и продажность мулл,
От мечети взоры отвернул
Правды свет увидевший старик.

С гулом мчится времени река,
Волны светлые о берег бьют,
Сыновья и дочери старика
Новой жизнью радостно живут.

Сколько внуков у него... На них,
Боевых, веселых, молодых,
День-деньской не наглядится он:
Ясным солнцем путь их озарен.

* * *

Вспоминает порой старик о былом:
«Знайте, внуки, рабыней у бая была
Ваша бабка, а я был его рабом,
Ни жилья не имел своего, ни угла.

Наркузы, твой отец не мог для детей
Серой бязи хоть пол-аршина купить.
Мать зато мастерицей слыла среди людей
На заплату снова заплату лепить».

Вел он речь о царе, что народ угнетал,
О жестокости баев, их черных делах,
То, внезапно смолкнув, только вздыхал,
Вспоминая с болью о тех временах.

Помолчит он, очнется — и видит: вокруг
Уж затеялись игры, в разгаре спор —
Младший внук, похваляясь силою рук,
С каждым рвался скорей заключить договор:

«Знаю, готовитесь все вы сейчас
К сбору хлопка...» — «Да, он уж не за
горой...» —

«Так пусть же тогда любой из вас
Соревнуется в этом деле со мной!»

А старик улыбался и говорил:
«Лезть в петлю лишь только барану под стая,
Но все ж, хоть и стар я, а хватит сил
И двоих таких, как ты, обогнать!»

* * *

Что ж, хотя наступил уже
Вечер жизни для старика,
Не сидится на месте ему —
Вновь по улицам кишлака,
И по выгону, и по полям
Он бредет, опершись на клюку,
Словно хочется оглядеть
Напоследок весь мир старику.
Чудеса творятся кругом,
Как прекрасно, как солнечно тут...
И у старого по щекам
Слезы радости светлой текут.

«Не увидишь горя нигде
И не встретишь былой нужды.
«Ты хозяин наш!» — говорят
Мне все эти поля и сады.
Одного мне жаль, что нельзя
Снова юным и сильным стать,
Чтобы сизнова счет годам

С этой светлой поры начать».
«Как печально,— думает он,—
Что подходит к концу мой путь
В дни, когда, наконец, могу
Счастье полным ковшом зачерпнуть,
Мне годами горя и бед
За него пришлось заплатить.
Тяжело расставаться с ним,
Право, хочется жить и жить».
А в былом — он смерть призывал
И, стеля для себя кошму,
Думал он, что лучше всего
Вечным сном уснуть бы ему.

А теперь, на старости лет,
Он большого счастья достиг,
«Так легко ли расстаться с ним?»—
Вновь и вновь вздыхает старик.

Горько думать: последний почет
Скоро люди ему воздадут —
Весь кишлак придет проводить
В путь печальный его табут.

* * *

И снова старый жизнь свою
Перебирает день за днем.
Немало войн, убийств, смертей
Он видел на веку своем.
Набеги вражьи, кровь резня
Ушли в былое, словно сны,
Но ярко в памяти встают
События одной весны.

Был радостен ее приход,
Как заждалась ее земля,
Как пили вешнее тепло
Позелсневшие поля!

Бурлила, клокотала жизнь,
Но не весна избытком сил —
Народа богатырский труд
Пески пустынь животворил;
Дыханье жизни не она
Дарила высохшим пескам,
А сила, что дехкан вела
К победам, к ясным светлым дням.

Мы всей колхозною семьей
В полях трудились... Ни души
Не оставалось в кишлаке.
Построив наспех шалаши,
Мы спать ложились на часок —
И вновь за труд...
Заветный срок
Был близок... Праздник подступал,
Победы знамя расправляя
Над всей страной — Первомай,
И наш счастливый вольный край
Своим успехом трудовым
Стремился праздник увенчать.
Как сына наряжает мать,
Готовясь к праздничному дню.
Так нарядилось все кругом.
Уже был праздника казун.
И мысли светлые о нем
Владели сердцем старика.
Он по полю спешил домой,

Чтоб встретить праздник всей семьей,
Как вдруг еще издалека
Он увидал — среди кишлака
Толпился и шумел народ.
Какая же стряслась беда,
Когда и воздух напоен
Дыханьем праздника труда,
И ускоряет он шаги:
«Чей слышен плач, что там орут?
Чье тело четверо дехкан,
Согнувшись, сумрачно несут
К его порогу?» — Он туда,
Не понимая ничего,
И вдруг, увидев мертвеца,
Узнал в нем сына своего.
Дыханье счастья, цвет надежд,
Все, что любил он, было в нем.
Старик на тело сына пал,
Как дуб, сраженный топором.

Померкло солнце, свет погас!
Отчаянье сдавило грудь,
И старый сына обнимал,
Стараясь жизнь в него вдохнуть.

И люди в горести над ним
Склонились... Замерли слова,
И слышно было, как вокруг
Шуршала жухлая трава.

Вдруг чей-то голос прошептал:
«Бежал сегодня Кадыр-бай
И напоследок осквернить
Решил злодейством светлый май.

В мечети часто по ночам
Он собирал тайком друзей,
Должно быть, свой творя намаз,
О мести помышлял злодей.

Недалеко от кишлака,
Где начинается овраг,
Успел свой замысел свершить
Перед побегом подлый враг.

Я говорю не для того,
Чтоб слезы брызнули из глаз,
Хоть лучшего средь нас змея
Ужалить в свой предсмертный час

Успела... Пламя гнева пусть
Пробудится в сердцах дехкам!»
И распрямил старик отец
Свой сторбленный годами стан.

И, гнев и горе затая,
В молчанье люди к телу шли,
И думал каждый: «На борьбу
За свет и счастье для земли

Пойдем мы дружною семьей.
И ты, старик, не одинок:
Мы вместе встретим светлый день,
Победы полной близок срок!»

* * *

По улицам родного кишлака
Идет старик, и ясен взор его.

Куда ни глянет — радостно душе:
Везде, во всем народа торжество.

Ведь что ни день — то радостная весть,
И дням таким ни края, ни конца.
Как люди выросли, как вольный труд
Преобразил их лица, их сердца!

Ему не спится. В мыслях по ночам
Бредет он вдале, стуча своей кляукой.
Он видит жизнь и радуется ей,
И на душе и счастье и покой.

Когда же он достигнет наконец
Предела жизни и померкнет взор,
Он не оставит нищими детей,—
Не разгорится подле гроба спор,

Позорный спор, как в давние года,
Когда дороже, чем сестра, чем брат,
Была одна коса, одно ведро,—
Все то, чем был бедняк в те дни богат.

Нет, иначе на свете повелось —
Сын не спешит похоронить отца.
Все трудятся, все радостно живут,
И озаряет счастья свет сердца.

Достигнет он предела жизни... Что ж,
Покроет саван бороду его,
Но счастья будет шириться река
И вечным будет жизни торжество.

1934

Поэмы

ЗЕЙНАБ И АМАН

Вступление

Хочу написать я правдивый дастан
О том, как любили Зейнаб и Аман,
О бурном огне, запыхавшем в крови,
О первой, единственной в жизни любви,
О тихом сиянье доверчивых глаз,
О дружбе и верности — этот рассказ.
Пусть грозною поступью годы пройдут,
Пусть на плечи тяжко невзгоды падут —
Ни горькое горе, ни злая беда
Не вырвут из сердца любовь никогда,
И счастье допишет свой новый дастан
О том, как любили Зейнаб и Аман.

Первая часть

Полны веселья и отрады
Зейнаб безоблачные дни.
Идет она среди прохлады
По саду тихому в тени,
И ветви сонные склоняет
Навстречу ей цветущий сад,

И детской радостью блистает
Ее замороженный взгляд.
Цветет привольно над землею
Зейнаб веселая краса,
А сердце чисто, как весною
Раскрывшиеся небеса.
И птицы, в небе пролетая,
Ей подражают в быстроте,
И маки, к солнцу вырастая,
Ей подражают в красоте.

Идет Зейнаб, ногой касаясь
Зеленых трав, жемчужных рос,
И перед первой из красавиц
Вся степь, как яркий паяндоз,
Раскинулась. И караваны
Лиловых гор — навстречу ей,
И вышли алые тюльпаны
В степной простор навстречу ей.

И Зеравшан, с горы срываясь,
Забыв на миг свой бурный гром,
Блестит пред первой из красавиц
Волны певучим серебром.
Поводит девушка очами,
И словно в них отражена,
Навеки чуждая печали,
Навеки юная весна.

* * *

Ты знаешь ли, какое солнце
В стране, где выросла Зейнаб?

Его прекрасней не найдется,
Весь мир объезди ты хотя б.
На этот край взглянуть захочешь —
И в плен навеки попадешь,
Так влагой губы чуть омочишь —
И сразу ртом к ручью прильнешь.
Покажется, что все желанья
Твои исполнились с тех пор,
Как ты увидел гор сверканье,
Степей тюльпановый простор.
Здесь, полон песен и поверий,
Шумит арык в тиши ночной,
И плачут сказочные пери
Над несмолкающей волной.
Здесь в малахитовых долинах
Стекло сапфировых озер,
Здесь заросли лилово-синих
Фиалок у подножья гор.
И водопады, пролетая
Со скал на темные скалы,
Свисают здесь, волной блистая
Среди прозрачной полумглы.
И каждый луч, упавший ночью
На землю сонную с луны,
Здесь равен солнцу. И воочью
В нем все цвета отражены —
И новорожденные почки
Урюка розовых цветов,
И возникающие строчки
Еще не созданных стихов,
И счастье девушек, что всюду
Сопровождает их в садах,
Подобно розовому чуду,
Горит румянцем на щеках.

Здесь девушкам любви уроки
Дает бессонный соловей.
Здесь я придумал эти строки.
Здесь родина Зейнаб моей.

* * *

Где сердце, что любовь узнало
И к ней бы не стремилось вновь?
Но горькою была любовь,
Хоть небо звездами сверкало,
И конь под звездами скакал,
Неся наездника к любимой.
Любовь... Среди пустынных скал
Певец блуждает нелюдимый.
И сколько перед ним во мгле
Теней тоскующих проходит:
Меджнун на пасмурной земле
Свою подругу не находит,
И где-то, от него вдали,
Ночные косы расплетая,
Рыдает нежная Лейли,
Подушке скорбь свою вверяя;
И в тишине среди громад
Дробит скалу кирка Фархада,
Не видел счастья Фархад,
И сердце подвигу не радо;
Хранит волшебную красу
Ширин, плененная Фархадом,
Но век подносит ей касу,
Наполненную горьким ядом.
Печальна летопись любви,
Печальны милые виденья...
Зато как радостно в крови

Теперь живут ее волненья.
Теперь не то: любовь — весна!
Как сердце смуглое тюльпана,
В груди у нас живет она,
Неповторима и желанна.

* * *

Все волосы Зейнаб в косички
Несметные заплетены,
Бегут, как струйки-невелички
Тяжелой ласковой волны.
А брови темные, как крылья,
Как ласточка издавека.
Она смеется без усилья,
Она печалится слегка.
Пока еще любви волненья
Неведомы Зейнаб моей,
Но далеко ли то мгновенье,
Когда любовь придет и к ней?
Ей кажется: любовь — привольный
Весенний луг, где нет измен, —
Срывай цветы охапкой полной
И росы стряхивай с колен;
Или, держась за край халата,
Иди за милым, словно тень,
Иди с восхода до заката,
Как ночь за днем, за ночью — день!
Любовь! Зейнаб ее не знала,
Ждала ее... Так под лучом
Степная горлинка играла
Несмело молодым крылом.

Но вот урюк розовоцветный
 В саду у девушки расцвел,
 И взгляд очей ее приветный
 Себе избранника нашел.
 Бутонов в цветнике так много,
 Все влагой дышит перед ней.
 Джигитов в кишлаке так много.
 Отвагой пышут перед ней.
 Так почему — сама не знает
 И удивляется Зейнаб —
 Аман мечты ее пленяет,
 Один лишь нравится Зейнаб?
 Другие юноши не хуже —
 Сильна рука и глаз остер,
 Блестают дедовским оружием,
 Коней выводят на простор.
 Один раскинет руки-крылья
 И в небо соколом взлетит,
 Другой кинжалом без усилья
 У тигра ребра раскроит.
 А третий на коне поскачет,
 Подковой по степи блеснет,
 И бег коня его горячий
 Обгонит молнии полет.
 Ну, а четвертый над горами
 Кетмень размахисто взметнет —
 И зашумит поток волнами,
 В седую степь вода придет!
 Как меч отточенный, могучи
 Рустема храбрые сыны,
 Подвластны им земля и тучи,
 В труде они закалены.

Так почему — сама не знает
И удивляется Зейнаб —
Аман мечты ее пленяет,
Один он нравится Зейнаб?

* * *

Куда бы ни пошла и что бы
Ни стала делать — все он с ней.
Заплакать, что ли ей со злобы
Иль засмеяться веселей?
И, словно лист румяной розы,
Зейнаб с ресниц стирает слезы
И шепчет про себя тайком:
«Аман, Аман, сама не знаю,
За что я так тебя люблю...
Я быстрых дней не замечаю
И ночи длинные не сплю.
Все передумав, я не в силах
Свое сомненье разрешить:
За что тебя я полюбила,
И как тебя мне разлюбить?..»

* * *

Смеркается. Затихли птицы.
Идет, легко ступая, ночь,
В озера черные глядится
Волшебница седая — ночь.
Гнездится ночь в полях, на травах,
На волны рек слетает ночь,
Вершины тополей кудрявых
Задумчиво качает ночь.
Проходит ночь по горным склонам,
И спит в саду среди ветвей,

И смотрит взором омраченным
Из черных глаз Зейнаб моей.
Пред нею белая страница,
Вокруг нее и тишь и мрак.
Так много смутных дум роится,
Что и не высказать никак:
«Аман! Я более не в силах
Скрывать тоску любви моей.
Нет больше дней простых и милых,
Спокойных больше нет ночей;
Ничто не радует на свете...»
Так две страницы исписав
И, наконец, уже на третьей
Чернильный карандаш сломав,
Зейнаб вздохнула, покраснела,
Письмо, нахмурясь, перечла,
С конца, с начала просмотрела —
И все в клочки изорвала.
Не то!.. И снова — за бумагу,
Опять рука к карандашу...
«Скажи, Аман, где взять отвагу,
Когда письмо тебе пишу?
Я все ждала, ждала, любимый,
Что первым ты заговоришь,
Но ты идешь, потупясь, мимо
И о любви своей молчишь.
Так промолчим мы дни и ночи,
Так, может, вся и жизнь пройдет!..»
Опять не то. И снова в клочья
Зейнаб в сердцах бумагу рвет.
Письмо не вышло. И не надо!
Зейнаб выходит на крыльцо,
И гладит тихая прохлада
Ее горячее лицо.

Она идет, куда, не зная,
 Среди ветвей, среди теней,
 И ночь, волшебница седая,
 Расчесывает косы ей.
 Стоят безмолвно над водою
 Кусты серебряной джиды,
 Своею замшевой листвою
 Скрывая девушки следы.
 Прекрасен мир полночный, спящий,
 Причудлив затененный сад.
 Висит холодный и блестящий
 Лилово-черный виноград.
 И месяц, отраженный в зыбкой,
 Едва мрцающей воде,
 Сверкает быстрою улыбкой
 Какой-то маленькой звезде.
 Летит, прохладой обдавая
 Долину, легкий ветерок.

Зейнаб идет, сама не зная,
 Куда,— в безмолвье, без дорог.
 Остановилась. Постояла.
 Присела тихо у пруда.
 Как ртуть, чистейшая блистала
 Под светом месяца вода.
 Из вод, серебряных и сонных,
 Ее любовь навстречу ей
 Взглянула парой огнечерных
 И укоризненных очей.
 И сколько волн у ног скользнуло,
 И сколько смято трав в руках,

И звезд блестящих затонуло
В бессонных девушки глазах?

* * *

Она вернулась втихомолку,
Бесшумно в комнату вошла,
И вслед за ней в дверную щелку
Ночная свежесть поползла.
Зейнаб ей, как подруге рада,
Как соучастнице своей.
И словно тайная отрада
Нечаянно вернулась к ней.
«Быть может, встать перед Аманом,
В лицо открытое взглянуть
И вместе с утренним саламом
Навстречу руки протянуть?»
Внезапной думою согрета,
Зейнаб к окошку подошла...
Вот первые лучи рассвета
Забрезжили. Клубилась мгла...
И тень спускалась с гор в долины.
Ведь это утро! Ночи нет!
Сияньем розовым и синим
Качался медленный рассвет.

* * *

И вот Зейнаб выходит в поле
И, жадным взором глядя вдаль,
Всей грудью дышит на приволье,
Забыв недавнюю печаль.
А хлопок ровными рядами,
Как море, чуждое ветрам,

Едва колышется волнами
С пушистой пеной по краям.
Идет Зейнаб в листве по пояс,
Сбирает хлопок в фартук свой,
И вновь ее девичий голос
Звучит надеждой молодой,
Подруги рядом с ней щебечут,
Смеются юноши вокруг,
И волны хлопковые плещут,
Касаясь загорелых рук.
О поля ласковые волны,
И купол неба голубой,
И фартук, белой ваты полный,
И капли пота над губой!
Там, где века в степи безводной
Цветы и травы не росли,—
Кипит колхозный труд свободный,
Он обновил лицо земли.

* * *

Так до заката золотого
Зейнаб трудилась. И когда
Взошла на синем небе снова
Хулькар — вечерняя звезда,
Она оправила косынку,
Слегка уставшею рукой
И чуть заметною тропинкой
Пошла с подругами домой.
Идут веселыми рядами,
Обнявшись, дружною гурьбой,
И песня льется над полями,
Над затихающей землей.
И словно вся дорога в звездах,

И на воде дрожат круги,
И предвечерний чистый воздух
Разносит звонкие шаги.

* * *

Но вот знакомый переулок,
Высокий глиняный дувал.
Большой арык, бурлив и гулок,
Через дорогу здесь бежал.
Зейнаб с подругами простилась,
Рукою помахала им
И, перейдя арык, пустилась
Домой одна путем своим.
Навстречу ей из полумрака —
Джигиты шумною толпой,
Как будто всадники с улака,
Все возвращаются домой,
Смеясь раскатисто и громко,
Как будто в ночь под Новый год.
...С полей своих, со сбора хлопка
Домой расходится народ.
И, может быть, с другими мимо,
Одетый в шелковый чапан,
Сейчас прошел ее любимый,
Покой похитивший Аман.

Вторая часть

А в ичкари все — по-инному,
В тиши тенистого двора,
Там, по обычаю седому,
Над сердцем властвует сура.
И, стих прокаркав похоронный

Свободной девичьей судьбе,
Там старой жизни ворон черный
Ташил Зейнаб в гнездо к себе.
Он налетел, как призрак ночи,
Чтоб в сердце когти ей вонзить,
Чтоб выклевать живые очи,
Судьбу по-старому решить.

* * *

Рассказ об этом очень странен,
Напомнит он ушедший век,
Когда был жалок и бесправен
Рожденный в горе человек,
Когда красавицы не смели
Открыть миндалевидных глаз.
Так прошлое, забившись в щели,
Порой бросается на нас...
Зейнаб не видела, не знала,
Что где-то за ее спиной,
Прошедшее ей сети ткало
И путь готовило иной;
Что кто-то без ее желанья
Судьбу безжалостно решит,
Что столько нового страданья
Обычай старый причинит.

* * *

Когда Зейнаб лежала в зыбке,
В бешике маленьком своем,
Когда ребяческой улыбке
Еще не радовался дом,—
Три свахи, тихие, как тени,

Однажды в комнату вошли;
Сладкоречивы и степенны,
Они подарки принесли;
Они восторженно хвалили
Малютку и богатый дар
Ее родителям сулили:
«У нас — купец, у вас — товар.
У вас — бутон,— они сказали,—
У нас — прекрасный соловей!»
Они друг с другом обручали
Еще не выросших детей.
А после старшая старуха
Мальчонку к зыбке подвела:
Ты, дескать, укуси ей ухо,
Чтоб, выросши, твоей была.
И, на пол уронив игрушку
И сам приняв пласкивый вид,
Сабир куснул с опаской ушко
Зейнаб, заплакавшей навзрыд.
... За угощеньем — в знак согласия —
Хлеб разломали пополам,
И пожелав невесте счастья,
Пошли три гостя по домам.

* * *

Прошли года. Семья большая
Среди лишений и нужды
Жила, в труде изнемогая,
Плелась от горя до беды.
Она редела постепенно.
Как осенью редеет тут...
Потрескались, осели стены,
Ушли довольство и уют.

И вот Зейнаб одна на свете,
Без матери и без отца.
Глядит завистливо, как дети
Сбегают с круглого крыльца.
А у нее нет ни лачуги,
Ни друга, ни подруги нет,
Лишь косы, скрученные туго,
Да семь прожитых в мире лет.

* * *

Зейнаб жила чего уж хуже!
И день казался ей за век...
Ужели пропадет от стужи
Едва пробившийся побег?
И в каждый дом она просилась,
И в каждую стучалась дверь:
Кто сироте окажет милость?
Кто приютит ее теперь?
И вот, когда пришлось так туго,
Что смерть была как лучший дар,
Зейнаб нашла и хлеб и угол
У старой тетушки Анар.
Она приемной дочкой стала,
Найдя в Анар вторую мать,
И прошлых бед — как не бывало,
И не было причин страдать.

* * *

Годов кремнистых перевалы
Советский строй преодолел,
И розы распускались — алы,
И соловей над ними пел.
Цвели колхозы по долинам.

Семья Анар в колхоз вошла.
В порыве мощном и едином
Творились дивные дела.
А для Зейнаб пора настала —
И сил, и бодрости полна,
Как будто устали не знала,
В полях работая, она,
Зейнаб, почет и уваженье
Среди людей приобрела.
Спокойно каждое движенье,
Улыбка быстрая светла.
Ей жизнь протягивает яства
На расписных подносах дней.
Пред нею — все земли богатства,
Дороги все открыты ей...
Она работает на поле,
И слава про нее гремит!
И учится в вечерней школе,
И ночь за книжкой сидит.
А на закате, днем свободным,
В доме у тетушки Анар —
Над Зеравшаном полноводным —
Звучит задумчиво дутар.
Рука Зейнаб по звонким струнам
Легко, уверенно летит,
И в голосе, гортанном, юном,
Мечта счастливая звенит.

* * *

А между тем в семье Сабира,
Подряд уже который день
Усердно чистится квартира,
Ковры вывешивают в тень —

Идут приготовления к свадьбе...
Твердя в ночи корана стих,
Сабира мать в своей усадьбе
Устроить хочет молодых.
Анар она уговорила,
И обе тешатся мечтой,
Чтоб празднество богаче было,
Чтоб удался пышнее той.

* * *

Но нет Сабира в доме гулком
И нет в тенистом кишлаке:
Он учится большим наукам
От нив родимых вдалеке.
По залам университета
Веселым шагом он идет,
И солнце нового рассвета
Над головой его встает.
А мать, молясь седому богу,
Готовит сыну пышный той,
Глядит на пыльную дорогу
И ждет его скорей домой.

* * *

А между тем Зейнаб решила
Сама с Анар поговорить
И, что Амана полюбила,
Приемной матери открыть.
Но только взглянет на морщины,
Посмотрит в глубь знакомых глаз,
Как стыд внезапный без причины
Ее охватит. И тотчас,
Вся покраснев, в изнеможенье
Прошепчет что-то невпопад

И отойдет она в смущенье,
Потупив робко жаркий взгляд.

* * *

Одной подружке поверяет
Зейнаб тревоги и мечты.
Ее до дому провожает
Одна Хури средь темноты.
Они в ночи, обнявшись крепко,
По лунной улице идут,
Цветущие срывают ветки
И речи тихие ведут.
Волнениям Зейнаб и планам
Хури внимает до зари...
И познакомила с Аманом
Ее веселая Хури.

* * *

И вот однажды в час вечерний
Моя Зейнаб вдвоем с Хури —
Подружкой преданной и верной —
Вошли тихонько в ичкари,
Они, обнявшись, рядом сели.
Анар, мешая в котелке,
Варила ужин. Еле-еле
Трещали ветки в очаге.
Зейнаб взволнованно молчала,
Глядела на огонь Анар,
И то ли радость освещала
Ее лицо, то ль веток жар.
Но чуть с решительностью пылкой
Хури хотела рот открыть —
Анар с таинственной улыбкой
Сама пустилась говорить.

* * *

«Зейнаб моя! Давай с тобою
В согласье переломим хлеб.
Твой жребий вещею рукою
Начертан в письменах судеб,
Ведь доля девушки — любить
И к сроку замуж выходить.
И звери парами живут,
И птицы о любви поют.
Коль человек любви лишен,—
Навек с печалью обручен.
Был мудр, Зейнаб, родитель твой,
Оставил он завет благой:
Тебя Сабиру поручил,
Детей на брак благословил...
Теперь, Зейнаб, ты знать должна,
С кем ты навек обручена:
Веленье твоего отца,
Желанье матери твоей
Исполнить нужно до конца
И справить свадьбу поскорей».

* * *

Так тетушка Анар вещала,
А девушки поражены —
Зейнаб дрожит, как ветка тала,
И губы у Хури бледны...
«Ты выросла, красивой стала,
Умней тебя не отыскать:
Немало б юношей желало
Тебя невестою назвать,
Но городской жених видней
Всех наших сельских женихов,

Приедет за Зейнаб своей —
На весь кишлак наварит плов!
Готово к свадьбе все, да только... —
На миг запнулась тут Анар,
Но будто не смутясь нисколько,
Прикрыла крышкой самовар. —
... Чтоб слава не пошла плохая,
Подумать нужно об одном:
Уже нельзя тебе, родная,
С открытым выходить лицом.
Придется, временно хотя б,
Закрыть лицо тебе, Зейнаб».

Зейнаб поникла, онемела,
Ей слова вымолвить невмочь,
Не глядя на Анар, как села,
Так и сидит, темна, как ночь.
Хури, как речка, горячится,
Выходит вон из берегов,
Она помочь Зейнаб стремится
И не находит нужных слов:
«Прости, апа, своей рукою
Ты хочешь рабство нам вернуть —
Ударить девушку тешою
И на замок ее замкнуть.
Как это можно — даже слова
Зейнаб несчастной не сказать,
Готовить свадьбу, шить обновы,
От свах подарки принимать?
А может быть, Зейнаб мечтает
Совсем не о такой судьбе?
А может быть, Зейнаб желает
Другого в спутники себе!
Что будет, если поспешила

Зейнаб другому клятву дать
И вот как раз сейчас решила
Тебе об этом рассказать?»

* * *

Зейнаб молчала... и досаду
Таила в горестных глазах...
Но, натолкнувшись на преграду,
Анар вскочила впопыхах,
Ее седые косы сбились,
Глаза ее, как янтари,
И взгляды стрелами вонзились
В лицо румяное Хури:
«Чего ты хочешь? Что за чушь!
Да где найдется лучший муж?
Иль не красив Сабир-ака?
Иль не учтив Сабир-ака?
Весь край родимый обойдешь —
Его красивей не найдешь!
Иль не богат Сабир-ака?
Иль рван халат Сабир-ака?
Весь край обещешь, обойдешь —
Его богаче не найдешь!
Ведь изучает хлопок он,
А край наш белым хлопком полн,
И будет у него добра,
Как в горных речках серебра.
И все красавицы у нас
С его пути не сводят глаз.
А как Сабир умен к тому ж...
Да где найдется лучший муж?
Весь край обещешь, обойдешь —
Такого мужа не найдешь!
И наконец, и наконец —

Так повелел, Зейнаб, отец.
Он брака этого желал,
Он перед смертью клятву дал...
Какой же враг, злодей какой
Изменит клятве той святой?»

* * *

Зейнаб по-прежнему молчала,
Смотрела в угол ичкари,
Но вдохновенно защищала
Подругу страстная Хури:
«Я понимаю — вам согласья
Родных не хочется ломать,
Но ведь Зейнаб достойна счастья,
А вы ведь ей вторая мать!
Зейнаб Амана полюбила,
Дала ему любви обет,
Ужель хотите вы, чтоб было
Ей тягостно глядеть на свет,
Чтоб, замуж выйдя по старинке,
Зейнаб страдала целый век?
Она ведь не товар на рынке,
Она — свободный человек!
А если девушка вольна,
И клятва девушкой дана,
Какой же враг, злодей какой
Изменит клятве той святой?»

* * *

Как море темное, бушует
Душа смятенная Анар,
Дрожит, краснеет, негодует

Огнем спаленная Анар,
Одежды все свои в волнение
Она готова разодрать,
В негодование и смятение
Зейнаб на части растерзать.
«Негодница! Так вот что в этом
Колхозе ты приобрела!
Вот как работала ты летом —
Любовника себе нашла!
Бесстыдница! В семье моей...
Распутница! Стыдись людей!
За что, за что! Такой удар?!» —
Кричала тетушка Анар.

* * *

Тут вздрогнула Зейнаб и встала
И подняла лицо в слезах,
Недоуменье, боль и жалость —
В ее расширенных глазах:
«Душа моя апа, не надо!
Я умоляю, перестань...
Не подливай мне в душу яда,
Словами резкими не рань.
Апа, меня ты пожалей! —
Была ты матерью моей.
Смотри, укор в глазах Зейнаб,
Смотри, ковер в слезах Зейнаб...
Ты хочешь ли, чтоб своды дней
Тюрьмою сделались моей,
Чтоб, не взлетевши, мне ползти,
Чтоб, не расцветши, отцвести,
Чтоб жизни радостный цветок

Был втоптан в пыль у чьих-то ног?
Апа моя, взгляни добрей
И выслушай и пожалей!»

* * *

«Беспутная! Что толку в этом?
Что толку мне в слезах твоих?
Ко мне не шла ты за советом,
Когда топтала честь родных.
Но если совести крупинки
В тебе остались, расскажи,
Кто сбил тебя с прямой тропинки,
Разврату научил и лжи?
... А мы-то жили и не знали,
Как со двора взглянуть на свет:
Меня ведь замуж выдавали
Без малого в пятнадцать лет,
И с кем судьба мне жить велела,
Стыдись, не спрашивала я.
В углу сидела и краснела,
Тревогу девичью тая:
За занавеской ночью первой
Впервые мужа увидав,
Всю жизнь была женою верной,
Беды и горя не узнав.
Так жили все родные наши,
Все предки испокон веков...
Что ж попирают ноги ваши
Обычай древний стариков?
И ты, топча без сожаленья
Отцов своих закон благой,
Какого хочешь снисхожденья,
Любви и жалости какой?»

«Апа! Мне очень горько стало.
 Не за себя... за всех... за вас.
 Апа! Ты мужа увидала
 За занавеской первый раз?
 Рабыней, света не видавшей,
 Невольницей, тебя ничком
 Швырнули в угол, рот зажавши
 Узорным свадебным платком.
 Ты, как медведица в берлоге,
 Сосала лапу целый век,
 Ты обмывала мужу ноги,
 Не поднимая тяжких век.
 А он тебе, лоснясь от сала,
 Бросал обглоданную кость,
 И ты, голодная, глодала
 Слезами политую кость.
 И это счастьем называлось!
 Вы детям прочили его!
 Прости, апа, я отказалась,
 Ушла от счастья твоего.

Ужель сейчас тебе не страшно
 Одной, закрывшись от людей,
 Припомнить этот день вчерашний,
 День горькой юности твоей,
 Когда, как занавес, спустилась
 Навеки над тобою ночь,
 Когда ты плакала и билась,
 Но убежать не смела прочь.
 Слепой была ты и глухою,
 Тягучий яд тоски пила,
 Что жизнь бывает и другою —

Услышать даже не могла.
А мне и горестно и страшно:
Прости, апа, из глаз твоих
День слез и пыток, день вчерашний
Глядит в простор очей моих.
Мне твоего не нужно счастья,
Твоих законов, черный день!
Я отрекаюсь от проклятья
Теней твоих, позорный день!

Весна моя! Цветы степные,
Звезды сиянье на волне
И тополи, в ночи седые,—
Идите все на помощь мне!
Любовь моя! Моя отрада,
Мое страданье в тишине
И свет доверчивого взгляда,—
Приди, приди на помощь мне!
Когда встречался в поле милый,
Его к себе я не звала:
Я глаз поднять была не в силах,
Сказать я слова не могла.
Но мне прекраснее казалась
Тогда знакомая земля,
И, забывая про усталость,
За пятерых трудилась я.
Я имя милое твердила,
И поле пело в тишине...
Аман! Любовь моя и сила,
Зову тебя на помощь мне!
Не буду я женой Сабира,
Пусть и красив и знатен он,
Пусть он умней ученых мира,
Пусть в шелковом халате он.

Я — не купчиха на базаре,
Сабир далекий — не товар...
Забудь, что молвила в угаре,
Оставь Амана мне, Анар!
Меня согрела ты в ненастье,
Взяла к себе в сырую ночь,
Благослови теперь на счастье
Вскормленную тобою дочь».

* * *

Зейнаб спокойно ждет ответа,
Анар во гневе, как в огне:
«Не выйдешь за Сабир? Это
Одно ответь сейчас же мне!»
«Апа, не выйду никогда».
«Ну, я или Аман тогда!»
«Что делать, сердце отнял он».
«Но кто он? Из каких сторон?»
«Кто он — скажу, откуда — нет,
В каком краю увидел свет,
Какая у него семья,
Где дом его — не знаю я».
«Ах, вот что? Сгинь с очей моих!
И тяжесть скинь с плечей моих!
Кому б женой ты ни была,
Забудь, что у меня жила!
Забудь, что был твоим мой дом,
Забудь об имени моем,
Что хлеб мой ела, позабуди,
Направь на улицу свой путь!»

«Прощай, апа. Когда ты снова
Придешь в себя — не проклинай,

Не думай обо мне дурного
И слов своих не вспоминай.
За все спасибо. Путь мой будет
Высок иль нет — самой идти.
Быть может, люди не осудят,
Помогут, может, на пути.
И ты, апа, однажды взглянешь
Глазами светлыми кругом,
Тогда раскаиваться станешь
И поминать меня добром.
Тогда вздохнешь ты: не сумела
Своей заботы оправдать...
Прощай! Ты этого хотела...
Позволь же счастья пожелать».

* * *

И медленно, глотая слезы,
Зейнаб в свой уголок ушла,
Тетрадки, тюбетеек розы,
Одежду в узел собрала.
Остановилась на пороге
И прочь пошла из ичкари.
... И вот она уж на дороге,
Под звездами вдвоем с Хури.
В лицо им свежий ветер дует,
И пыль клубится по следам.
Анар кричит и негодует
Вслед затихающим шагам.
А девушки идут все дале,
И их скрывает звездный мрак...
Наутро все кругом узнали:
Сабир вернулся в свой кишлак.

Третья часть

Когда спускался темный вечер
На берег золотой реки,
И в кишлаке ему навстречу
Огонь вздували старики,
И стался дым густою синью,
И обнимала горы мгла,—
Тропой, поросшею полынью,
Зейнаб к откосу подошла.
Все тихо. В голубом безмолвье
Родной кишлак спокойно спит.
И долго, полная любовью,
Зейнаб у берега стоит.
И только волны, не смолкая,
Поют и плачут нараспев,
И только в небе молодая
Луна восходит, заалев.
Вот и Аман... Зейнаб Аманом
Замечена издалика,—
Она надломленным тюльпаном
Стоит. В лице ее тоска...
И, очарованный виденьем,
Как бы спугнуть его боясь,
Остановился в отдаленье,
Едва дыша, не шевелясь.

* * *

«Но что с тобой, Зейнаб, родная?
Глаза твои полны тоской,
И слезы в них дрожат, блистая...
О чем ты плачешь? Что с тобой?»
«Аман! Ты так мне полюбился —

Чуть я увидела тебя,
А как ты жил и где родился,
И где живет твоя семья?
Скажи, откуда ты и чей,
Джигит мой, свет моих очей?»

* * *

Аман молчал... Перед глазами
В колющем солнце и в пыли
Степями, черными песками
Дороги старые прошли.
Босого детства злая повесть:
Чужой кишлак, чужой порог
И туго подтянувший пояс
Мальчишка посреди дорог.
Он не привык делиться горем,
Но с другом промолчать нельзя —
Полны тревогой и укором
Зейнаб прекрасные глаза.
Он не видал добрее глаз
И тихо начал свой рассказ.

* * *

«Тревожный взор твоих очей
Спросил меня — кто я и чей.
И долго в памяти своей
Искал и дорогих теней.
О ком могу я рассказать?
Чьи имена могу назвать?
Безмолвна память и темна,
Родные скрыты имена.
Прости. Бессилен я, Зейнаб,

Назвать тебе одно хотя б.
Вопрос твой душу жжет мою,
Вопрос твой душу рвет мою.
Коль нужных слов мне не найти,
Коль что не так, Зейнаб,— прости
Коль слезы горя упадут —
Прости, любимая, и тут.

* * *

Наш светлый мир, моя Зейнаб,
Ко всем, кто мал еще и слаб,
Любовью нежной напоен,
Полн материнской лаской он.
Мать — это сад весенним днем,
А дети — это розы в нем.
Ведь мать от горести любой
Ребенка заслонит собой.
Орлицей заключет врага
И львицей разорвет врага.
И птицы прячут под крыло
Птенцов, чтоб было им тепло.
Угрюмый черный жук и тот
Жучка «мой беленький» зовет.
И даже злобный скорпион
Любовью к детям наделен.

Лишь я на пасмурной земле
Без материнской ласки рос,
Грел руки в гаснувшей золе,
Глотал с обидой горечь слез.
Как жутко в темноте ночей
Без матери ребенку спать.
Мечтал о песне я твоей,

Меня покинувшая мать!
Как часто слушал я в тоске
Прохожих женщин голоса.
Казалось, где-то вдалеке
Следят за мной твои глаза,
Казалось, скоро ты придешь,
Родная, полная любви,
И горе детское возьмешь
Ты в руки теплые свои...
Я озирался, как зверек,
На теплый и чужой порог,
На дом, где чья-то мать сидит,
Где чей-то сын спокойно спит.

Когда мне было девять лет,
Старуха бедная одна
Мне подала благой совет.
Сама, как пень в ночи, черна.
Движеньем высохшей руки
Она меня подозвала
И тихо на берег реки
Вслед за собою повела.
«Сказать по правде, ты, сынок,
Рекою эту рожден.
Никто б у нас назвать не мог
Твоих родителей имен.
Но знаю все: ночной порой
На этом берегу крутом
Нашла тебя я, мальчик мой,
И принесла в свой бедный дом.
Рычал сердито Зеравшан,
А ты пронзительно кричал.
Сказала я тебе: «Аман!»—
И ты для всех Аманом стал...

Теперь окончилась война,
Вздохнула вольная страна,
Как знать... быть может, близко тут
Твои родители живут.
А может, плачет мать вдали
О сыне, брошенном в пыли...
И мой совет: иди вперед
За часом час, за годом год,
Страну большую обойди —
Своих родителей найди!»

* * *

И я пошел. Передо мною,
Как разъяренный ураган,
Сверкая рыжею волною,
О камни бился Зеравшан.
Я от истоков и до устья
По берегам реки блуждал —
Средь камышей, поникших в грусти,
Среди печальных серых скал.
Я сколько спрашивал при встрече,
И сколько троп я обыскал —
Никто — ни близко ни далече —
Хорошего мне не сказал.
Как верблюжонок, потерявший
Свой караван среди песков,
Я шел, голодный и дрожащий,
К огням далеких кишлаков,
И в доме, и в лачуге каждой,
Томимый голодом и жаждой,
Где б я воды ни попросил,
Мне каждый житель говорил:
«Давно тех нет, кого ты ищешь,

Кому ты дорог был и мил.
Ты не узнаешь, не отыщешь
Ни их имен, ни их могил.
Они погибли в годы страшной
Войны, разрухи и беды.
Нельзя найти под свежей пашней
Пожара черные следы».

* * *

«А сколько трав зазеленело
На берегах родной реки!
А сколько радостного дела
Узнали наши кишлаки!
А сколько золота на пашни
Принес наш старый Зеравшан!
И счастье здесь нашел вчерашний
Бродяжка маленький, Аман.
Кто я? У миндалей ты белых
Спроси, что первыми цветут.
Спроси у старцев поседелых,
Что у реки еще живут.
Цветы над быстрою рекою
Меня садовником зовут,
Про нелюбимого тобою
Амана иволги поют,
И куст хлопчатника зеленый
На тихом поле по весне
Свой лист, росой посеребренный,
Смеясь, протягивает мне.
Чей сын я? — нашего колхоза.
Народа нашего я сын.
В его садах растил я розы,
Потоки приводил с вершин,

Поля, блистающие хлопком,
Я засеивал рукой своей.
Я здесь живу — в краю широком
Среди испытанных друзей.
Сияет солнце в небе синем.
Весна! Повсюду блеск ее!
Как расцвели цветы в пустыне,
Так счастье расцвело мое!
Здесь дом мой и моя семья,—
Здесь ты со мной, Зейнаб моя!»

* * *

Темнела ночь. Река шумела,
И, будто встав из глубины,
Звезда зеленая блестела
На гребне пенистом волны.
Зейнаб взглянула на Амана
Глазами, полными любви,
И все сады Узбекистана
Им принесли цветы свои.
Глаза Амана полыхали —
В слезах иль в блеске лунных струй,
И только волны услышали
Влюбленных тихий поцелуй.

* * *

А на рассвете, свежем, гулком,
Под блеском радостной зари,
Куда-то шли по закоулкам
Зейнаб и верная Хури.
По-над горой, у поворота,
Свернули к краю кишлака,
И трижды стукнула в ворота

Нетерпеливая рука.
Здесь дом Сабира. У окошка
Он чай зеленый допивал.
Как будто бы смущен немножко,
Он девушкам навстречу встал.
Сабира мать от изумленья
Застыла, спрятавшись в углу.
Отец, скрывая нетерпенье,
Сидел, молчал, склонясь к столу.
Зейнаб на них не поглядела,
К Сабиру молча подошла,
Слегка замялась, покраснела
И речь, волнуясь, повела:

* * *

«Сабир! Пришла я за участием...
Ты был далеко и не знал,
Что между девушкой и счастьем
Невольню ты преградой стал.
Так знай, Сабир,— твои родные
С приемной матерью моей,
Храня обычаи седые,
От нас, таясь, уж много дней
Готовились к большому тою.
Они нас, даже не спросив,
Хотели поженить с тобою,
Заочно нас соединив.
А я Амана полюбила,
Аману клятву я дала.
Мне душу эта весть разбила
И сердце кровью облила.
Я чуть дышу от оскорблений,
Я умираю от обид!

О, сколько горя, и мучений,
И бранных слов — припомнить стыд! —
Я вынесла. И вот сегодня
Пришла к тебе, прости меня!
Ведь я тебе совсем не ровня,
К Аману отпусти меня.

Джигиты по весне выводят
На скачки холеных коней,
И девушки смотреть выходят,
Кто скачет по степи быстрее,
И вслед тебе глядят, конечно,
Твоей красавицы глаза.
И ты поймешь, как безутешна
Разлуки горькая слеза.
Аман судьбою мне сосватан,
Я с ним от горя далека...
Будь для меня ты старшим братом,
Прости меня, Сабир-ака!»

* * *

Сабир безмерно удивился
И, начиная понимать,
Тревожным взглядом устремился
На девушку. Потом на мать
Взглянул внимательно и строго.
Потом внезапно побледнел
И, в гневе помолчав немного,
Родным приблизиться велел.
И радостно Зейнаб смотрела,
Как, состраданием объят,
Самоуверенно и смело
Пришел на помощь старший брат.

* * *

«Послушайте меня, родные.
Я книг немало прочитал.
Страну объездил, но доньше
Подобной свадьбы не видал...
Довольно чувствами чужими,
Чужим достоинством играть
И человеческое имя
На черном рынке покупать.
Мы стали гордыми. И к быту
Былому в клетку не пойдем.
Пред нами все пути открыты,
Мы друга по сердцу найдем.
И у меня, сейчас незримый,
Там, за просторами полей,
Есть тоже свой цветок любимый,
Есть тоже милый соловей.
Пусть рук чужих прикосновенье
Не осквернит ее любви.
О девушка, твое волнение
Могло б кипеть в ее крови...
О нет! Душой я стану нищим,
Когда их слушать захочу,
Когда, исполнив их обычай,
Обычай сердца растопчу!
Иди спокойно, дорогая,
Иди, красавица, домой,
Пусть, жизнь твою оберегая,
Доволен будет милый твой».

* * *

Зейнаб, как утро, засветилась,
Как роза, сразу расцвела,

Сабиру низко поклонилась,
И повернулась, и пошла...
Как дети, взапуски бежали
Они вдвоем с Хури назад,
А песни птиц вокруг звучали,
А жизнь цвела, как вешний сад.

.
Зейнаб Аману рассказала
Все от начала до конца,
И солнце счастья засияло
И осветило их сердца.

* * *

С утра большой колхозный двор
Был полон гомоном и криком.
На конях, статных на подбор,
И на больших арбах со скрипом,
И просто на своих двоих —
На праздник гости собирались.
Немало стариков седых
Брело, на палки опираясь;
Слегка привстав на стременах,
Им путь джигиты уступали
И на горячих скакунах
По шумной улице скакали.
А девушки глядели с арб,
Как птицы из листвы боярки,
Они везли на пир Зейнаб
Свои гостинцы и подарки.
Лился потоком разговор,
Смех, прибаутки, звуки песен...
И был большой колхозный двор
В то утро необычно тесен.

* * *

Украшен красными коврами
И золотыми сюзане,
Колхозный клуб играл цветами,
Как луг тюльпанов по весне.
И на широком поле белых,
Расшитых шелком скатертей
Лежали горы фруктов спелых
И груды целые сластей.
Вокруг — одной семьею тесной
Расселись гости. Тут и там
Звучали шутки, смех и песни,
Сливаясь в неумный гам.
И, славя свадьбу, в небеса
Неслись девичьи голоса.

«Разожжем костер мы в Андижане,
В дальнем Оше будет виден дым.
Ой, яр-яр!..

Мы наполним белые пиалы
Нашим чаем черно-золотым.
Ой, яр-яр!»

А джигиты на другом краю
Пели песню старую свою:

«Нам знаком тот берег Зеравшан —
Мы наездники родных степей,
От тяжелой золоченой сбруи
Стерлась шерсть на крупах у коней.
Ой, яр-яр!

Раньше я стрелой одной ресницы
Сто красавиц сразу убивал,

А сейчас от девичьего взгляда
Воробьем убитым сам упал.
Ой, яр-яр!»
Так перекликались голоса,
И летели песни в небеса...

* * *

Но вот на блюдах задымился
Рассыпчатый янтарный плов,
Стакан искрящийся налился
Вином невиданных сортов.
Фазаны утопали в масле,
Шашлык поджаристый хрустел,
Лепешки пряностями пахли,
Ширмай рассыпчатый белел.
А после на подносах синих,
Как дар признательной земли,
Большие золотые дыни
С бахчей колхозных принесли.
И вот под мерные удары
Большого бубна в тишине
Поплыли медленные пары
По алобархатной волне.
Легчайшим облаком скользнула,
Летала Халима-ханум,
Руками в воздухе парила,
Порхала Назира-ханум.
И, быстрым птицам подражая,
Движеньем рук и головы,
Как пери сказочного рая,
Как роза посреди листвы,
Легко плясали пять красавиц —
Пять звезд, пять полуночных лун —

Узбекский несравненный танец —
Традиционный гуль-уюн.
И, как во сне, сидели рядом,
Счастливей всех и всех скромней,
Тайком сливая взгляд со взглядом,
Аман с невестою своей.

* * *

Была веселой свадьба эта,
Колхоз устроил знатный той,
И вот уже перед рассветом
Счастливых повели домой.
На весь кишлак звенел дутар,
И пели девушки «Яр-яр!»

Ой, на том ли берегу припрятан
Золотой закрытый сундучок,
Перед ним на кустике зеленом
Молодой хлопчатника цветок!
Чтоб поднять тот сундучок тяжелый,
Нужны руки сильные. Яр-яр!
Чтоб добиться счастья мне с любимым,
Нужно сердце сильное. Яр-яр!
Ой, яр-яр!»

* * *

... И вот веселыми гостями
Вошли два друга в новый дом,
А сад шумел вокруг ветвями,
Дышал рассветным цветником.

Светлела ночь. Река шумела.
И, чистым золотом горя,
Над сонною землей взлетела
Нежданно алая заря.
И над бурливым Зеравшаном,
Над светлой родиной своей,
Над молодым Узбекистаном
Пел песни утра соловей.

1938

ОЙГУЛЬ И БАХТИЁР

Я вспоминаю детство... Ночь,
А я не сплю, заснуть невмочь,
Я сказкам бабушки внимаю...
Я вспоминаю, вспоминаю
Красавиц, месяца нежней,
Без крыльев реющих коней
И крылья, мечущие пламень,
«Тахир-Зухру», «Рассыпья, камень»,
Парящий в облаках ковер
И вас, Ойгуль и Бахтиёр.

Там, в сказках, все твердит о чуде,
Там стены говорят, как люди,
Там превращаются цветы
В царевен дивной красоты,
А карлик — в злого великана,
А дряхлый старец — в мальчугана.

Меня пленил своей игрой
Чудесных сказок светлый рой,
Я слушал, затаив дыханье,
Волшебное повествованье.
Узнал я много повестей
От доброй бабушки своей.

В той — была, а в этой — небылица...
Успели многие забыться,
Но вас, Ойгуль и Бахтиёр,
Не позабыл я до сих пор,
Узнать вас было мне отрадно,
И бабушку я слушал жадно.

* * *

Вот эта сказка, эта была.
В стране по имени Джамбиль
Давным-давно, гласит преданье,
Рабов произошло восстанье,
Жестокий гневом обуян,
Издав приказ джамбильский хан
Бить в барабан, не уставая,
Войска со всех концов сзывая
И оглушая мир пальбой...
Так начался неравный бой.

Шли за неделями недели,
На улицах костры горели,
Стояли виселиц ряды.
Стопали пленники беды —
Их палачи четвертовали
На людной площади, в подвале,
Но возмущенные рабы
Не отказались от борьбы.

Джамбильский хан, хмельной от крови,
Все чаще, чаще хмурил брови,
В бессильной ярости дрожа,
Внимая буре мятежа.

Во имя хлеба и свободы,
Терпя страданья и невзгоды,
Боролся каждый раб, как лев,
В боренье смерть преодолев.
И, страх забыв на поле бранном,
Мстил притеснителям-тиранам
Народ голодный и нагой.
Кто топором, кто кочергой,
Кто кетменем, а кто киркою,
Кто просто голою рукой,
В себе найдя источник сил,
Врагам удары наносил:
С горой столкнись он в эту пору,
Он опрокинул бы и гору.

Пошли на битву стар и млад,
Отец и сын, сестра и брат,
С серебряными бородами
Шли старцы твердыми рядами,
И много было героинь
Среди служанок и рабынь.
Сражались дети, молодухи,
Подростки, юноши, старухи,
И мощные богатыри,
И девушки светлей зарь.

И не один погиб со славой
В борьбе упорной и кровавой,
И не один среди травы
Лежал герой без головы.
Враги восставших победили...
Тысячелетия в Джамбиле
Не видели подобных дел
И столько бездыханных тел.

Дархон, старик седобородый,
Был предводителем народа,
Рабов-мятежников вождем,
И дочь пошла его путем,—
Ойгуль, красавица рабыня —
О, пусть прославится рабыня!—
Она бросалась в жаркий бой,
За правду жертвуя собой!
В тот черный день, когда в Джамбиле
Рабов восстанье подавили
И над страной сгустилась ночь,
Попали в плен отец и дочь.
Возликовал властитель лютый,
Когда к нему, закован в путы,
С отважной дочерью отец
Доставлен в ханский был дворец.
Вокруг стояло войско ханства,
Являя пышное убранство.
Двух пленных в путах и в пыли
Пред очи хана привели.
И под приветственные клики
Сказали злобному владыке:
«Обрадуй сердце: взят в полон
Вожак мятежников Дархон,
С ним — дочь его, Ойгуль, рабыня...
В них до сих пор жива гордыня».
На старца хан взглянул в упор,
На хана старец бросил взор.
В глазах тирана пламя злобы,
Оно всю землю сжечь могло бы!
В глазах Дархона — гнев святой,
Волнение души простой.
Скривив уста, спросил владыка
С усмешкой: «Ну, Дархон, скажи-ка,

Вам пользу ли мятеж принес?
Кто жив? Кто мертв? Вот мой вопрос».

Дархон спокойно молвил слово:
«Была судьба к рабам сурова.
Ты можешь править торжество,
Погибли все до одного,
Геройски с жизнью все расстались,
Лишь я и дочь в живых остались...
Я прожил столько горьких лет,
А не видал я столько бед,
Еще я столько горя не пил!
Ты превратил живое в пепел,
Добро последнее, злодей,
У бедных отнял ты людей,
Джамбиль ты сделал пепелищем,
И стал цветущий сад кладбищем.
Иной желали мы судьбы,
И вот восстали мы, рабы.
Народ решил, душой воспрянув,
Себя избавить от тиранов,
Низвергнуть навсегда владык,
Кладбище превратить в цветник,
Хотели мы освободиться,—
Ты победил нас, кровопийца!
Однако ты себя не тешь:
Хотя подавлен наш мятеж,
Но правда наша не померкнет,
Тебя народ восставший свергнет,—
Тебя и всех твоих вельмож,
И ты могилу обретешь,
Когда пробьют возмездья сроки!»
Нахмурил брови хан жестокий,
Сверкнула сабля из ножен —

Дархон был наповал сражен,
Пал, как подстреленная птица,
И сердце перестало биться.

Хан мановением руки
Велел, чтоб вышли все стрелки,
Лукавства и коварства полон,
К рабыне юной подошел он
И заглянул Ойгуль в глаза.
Сияла перед ним краса,
И, как трава перед грозою,
Склонился хан перед красою,
И молвил, тяжело дыша:
«Мятежница, ты хороша,
И даже слишком для рабыни.
Ты будешь мне женой отныне,
Моей женой, моей душой,
Моих чертогов госпожой».

Ойгуль от гнева задрожала:
«Я не люблю тебя!— сказала.—
Убийца моего отца,
Ты знай: не надо мне дворца,
Я отомщу тебе, тирану,
За всех рабов я отомщу
Тебе, народа палачу!
Сам на себя взгляни, подумай:
Ты — дикий зверь с душой угрюмой,
Нет, хуже диких ты зверей,—
И мне женою стать твоей?
Да если бы помог мне случай,
С какою ненавистью жгучей

В тебя вознила бы я меч,
Чтоб сердце злобное рассець!
Твоя погибель — мне награда,
Иного счастья мне не надо!»

Джамбильский хан, осатанев,
Не знал, как потушить свой гнев.
Метался он, как бесноватый,
Зверинной яростью объятый,
Не знал он, что ответить ей.
Тогда он кликнул палачей:
«Рабыню бросьте в подземелье!»
Почуял злобное веселье
Джамбильский хан, когда в ночи,
Ойгуль схватили палачи...

Среди дворцовых слуг в то время,
Влача забот и горя бремя,
Всегда унижен, оскорблен,
Был престарелый раб Тарлон...
Когда Дархон упал без стопа,
Кровь закипела у Тарлона.
Ужасной казнью потрясен,
Он потерял покой и сон...
Мерцаая, месяц всплыл над тучей.
Не кряж ли то горы могучей
Поднялся, в темных пятнах, ввысь!
То капли крови запеклись!
Луна страдальицей казалась,
И сердце старика терзалось:
Луна скорбит не потому ль,
Что жаль ей пленницу Ойгуль?»

Измучилась душа Тарлона.
Он знал: решение непреклонно.—
Обидой, гневом обуян,
Казнит Ойгуль джамбильский хан...
Тогда, влекомый светлой целью,
Тарлон пробрался к подземелью.
Он девушке решил помочь—
Спасти рабыню в эту ночь.
Кто прав, тот презирает робость!
Веревку опустил он в пропасть,
У края самого прилег,—
Ойгуль из пропасти извлек!
Вдвоем, сквозь мрак ночной кромешный,
Они пустились в путь поспешный.
Был долго молчалив Тарлон,
Но вот остановился он.

«Дитя мое!— сказал рабыне,—
Тебя от смерти спас я ныне —
Тирана страшен произвол —
И я к реке тебя привел.
Что делать дальше? Что я в силах?
Один я из рабов бескрылых,
Обрезал хан мои крыла,
В неволе жизнь моя прошла.
Зато теперь тиран проклятый
Дождался от меня расплаты:
Испорчу торжество врагу,
Тебе спастись я помогу.
Ойгуль! Тебя в сундук я спрячу,
Пусть поплывет он наудачу,
Пусть понесет его река.
Быть может, взорам рыбака

Сундук таинственный предстанет,
Иль сам он к берегу пристанет,
Тогда ты будешь спасена,
Вернется дней твоих весна».

Взглянув на старца лучезарно,
Ойгуль склонилась благодарно,
Слезами разразилась вдруг,
Согнула стан, вошла в сундук.
Тарлон, честнейший среди честных,
Дал девушке лепешек пресных,
И огляделся он вокруг,
И потащил к реке сундук...
Тарлон сундук бросает в реку.
Река послушна человеку,—
Ойгуль несется по реке
И исчезает вдалеке...
Хан поутру проснулся рано,
Ничто не мучило тирана.
Нет, не спросил он, какова
Судьба живого существа,
Судьба рабыни в подземелье!
Он время проводил в безделье
И думал: заживо она
На дне земли погребена.
Тарлон, своей довольный тайной,
Усерден был необычайно.
Казалось всем, что раб Тарлон
Своей работой поглощен,
Покорный каждому приказу.
И радость у него ни разу
Не проступила на лице.
Спокойно было во дворце,

Молчала ханская твердыня...
А между тем Ойгуль-рабыня
Неспешно в легком сундуке
Плыла, качаясь, по реке.

Три месяца без перерыва
Она плыла — то вдоль обрыва,
То вдоль холмистых берегов,
То мимо заливных лугов.
Вокруг — безмолвно и безлюдно,
Навстречу — ни пловца, ни судна,
И наступил тяжелый час:
Лепешек кончился запас,
Ойгуль испытывала голод...
Но вот неожиданно вырос город:
В стенах Джарженской он возник.
На берегу стоял старик.
Здесь хворосту набрал он малость,
Потом почувствовал усталость,
Решил немного отдохнуть,
Чтоб вольна подышала грудь.
Вдруг видит что-то в отдаленье!
Пришел он в сильное волнение,
И сердца участился стук:
Покачиваясь, плыл сундук!

«Вот, наконец, и мне пожива!» —
Сказал старик, разделся живо,
Поплыл навстречу сундуку:
Пришла удача к старику,
Теперь порадует он душу!
Он вытащил сундук на сушу,

Но отпереть его не мог:
Сундук был заперт на замок.

Старался, мучился, устал он,
И, рассердившись, нож достал он.
Дыру проковырял, глядит:
Внутри красавица сидит!
Она, как видно, в тяжком горе,
Тоска в ее прекрасном взоре...
У старца онемел язык!
В раздумье, погрузясь, поник
Простак седою головою:
Дитя купца передо мною?
Иль перн, может быть, сама!
Никак не приложу ума!
Красавица, одна из гурий,
Быть может, стала жертвой бури:
Корабль погиб, и по реке
Она умчалась в сундуке?
Рыдает мать ее, быть может:
«Где дочь?» Тоска ей сердце гложет...
«Эй, девушка!— сказал старик.—
Неужто связан твой язык?
Давно ль река тебя колышет?»
И голос девушки он слышит:
«Когда разрубишь мой сундук,
Освободишь меня от мук,—
То дочьрюю тебе я буду,
И счастье я тебе добуду».

Старик не знал, как быть сейчас:
Ответ Ойгуль его потряс,

Но хитрости он опасался,
Взломать сундук не соглашался.
Он думал, страхом обуян:
«Быть может, здесь сокрыт обман?»
Бывает всякое порою!
При людях я сундук открою,
Чуть что — пушусь я наутек!»
Умом старик был недалек,
Он испугался этой встречи.
И поднял он сундук на плечи,
Пошел на рынок напрямик,—
О хворосте забыл старик...

Но был бедняга схвачен скоро,
Он стражей принят был за вора,
Его нагайками секли
И к падишаху привели.
Беднягу окружили слуги.
Стал озиаться он в испуге.
«Что это?» — крикнул падишах.
Старик почуял пуший страх.
С чего начать? И в чем признаться?
Он стал дрожать и запинаться
И, не удерживая слез,
«Не знаю», — тихо произнес,
Глаза вздымая к падишаху.
Тот обнажил свой меч с размаху,
И старика ударил меч,
И голова упала с плеч.

Вот, после множества усилий,
Придворные сундук открыли,

И заглянули все в него,
А там — живое существо!
Дрожат и стража и вельможи:
На девушку оно похоже,
Исполнено чудесных чар
И стройно станом, как чшар!
Из сундука Ойгуль выходит,
В смущенье, в трепет всех приводит,
Дворец красую озарив,—
И стал он светел и красив.
Он засиял, подобный чуду,
Сиянье разлилось повсюду.
Ойгуль бы солнцем нарекли,
Ее луною бы сочли,
Но разве есть у солнца очи?
Где разум у светила ночи?
От уст прекрасных, от бровей,
Что крыльев ласточки темней.
И от задумчивого взгляда
Распространяется отрада,
И расцветает жизни цвет,
И расцветает счастья свет.
Сверкая красотой великой,
Она стояла пред владыкой,
И был красую падишах
Раздавлен и повержен в прах.
Не может вымолвить он слова,
То сядет он, то встанет снова,
Застынет перед красотой,
Перед прелестною звездой.
Таких не видел он красавиц!
Глазами на нее уставясь,
Как бы ее желая съесть,
Сказал он: «Окажи мне честь»,

Будь мне женой. Твой облик дивен!»
Красавице он был противен,
И глубоко была она
Унижена, оскорблена.
Но так как бедствие свершилось,
Прибегнуть к хитрости решилась,
Надеясь помощь обрести,
Найти к спасению пути.
«Согласна я!— она сказала.—
Но волю ты мне дай сначала,
Ты сроку дай мне сорок дней,
И стану я женой твоей.
Я в жизни много претерпела,
В пути я слишком ослабела,
Чуть не погибла я в реке,
Не задохнулась в сундуке!»
Ответил падишах жестоко:
«Не дам тебе такого срока!»
Взмолилась девушка: «Меня
Ты отпусти хоть на три дня!»
Ответил падишах отказом:
«Забудь свои печали разом.
Послушай, что тебе скажу:
Я на день свадьбу отложу,
А завтра, милая, с тобой
Мы станем мужем и женой!»

Огонь в глазах Ойгуль погас.
Ответив на его приказ
Своим согласием притворным,
Она прислужницам придворным
Сказала: «Выйдем из дворца,
Повеселим свои сердца,—

Последний час девичий дорог!»
И все ее прислужниц сорок
За ней, сгорающей в тоске,
Спустились весело к реке:
Ойгуль решила искупаться.
Служанки стали раздеваться,
Окрестный возмутив покой,
Шептались там одна с другой,
Подшучивали друг над другом.
Звенели над холмистым лугом
Девические голоса...
Ойгуль зажмурила глаза,
Задумалась — нежна, красива —
И в воду бросилась с обрыва,
Исчезла сразу же в воде,
И не видать ее нигде.
Джейхуну в пасть попала дева,
Прошла чрез горло рыбы в чрево,
Как волосок, легко-легко;
И рыба скрылась глубоко.
Ойгуль недавние подруги,
Вскричали девушки в испуге:
«Беда стряслась! Беда! Беда!»
И вопли поднялись тогда.
Служанки потеряли разум,
Кто в чем, полунагие, разом
Они помчались во дворец.
И, задыхаясь, наконец,
Предстали перед падишахом,
Объяты трепетом и страхом.

Властителя страны потряс
Несвязный, скорбный их рассказ.

К реке в смятенье поскакал он,
И долго девушку искал он,
Но был ее потерян след.
Река текла, как много лет
Она течет,— спокойно, плавно,
То ласкова, то своенравна...
Пришел в расстройство паднишах,
Едва с досады не зачах:
«Увы, мой жребий безотраден!
Зачем я дал отсрочку на день
И свадьбы не ускорил срок?»
Он проклинал суровый рок.

Жил-был в далеком Сусамбиле
Джигит. В народе говорили:
Отважен, честен Бахтиёр,
И разум у него остер.
Как взмах меча, он был проворен,
Он, как Рустам, был непоборен,
Красив и строен, как чинар,
В глазах светился солнца жар.
Пастушеством он занимался,
Он к богатеям нанимался,
Чужие пас всегда стада,
Всегда дружила с ним беда.

Он в край степной забрел однажды,
Ослаб от голода и жажды,
Добрел до берега реки,—
Ему навстречу рыбаки.
«Меня измучила дорога.
Прошу я хлеба, хоть немного»,—

Пастух голодный попросил:
Последних он лишился сил.
Один из рыбаков ответил:
«Твой путь, пастух, да будет светел,
Но хлеба нет у рыбаков,
Зато обычай наш таков:
Мы помогаем человеку!
Вот сети. Ты закинь их в реку
И весь возьми себе улов!»

Пастух, благодаря без слов,
Взял сети, в реку их закинул...
И что же он, счастливец, вынул?
Джейхуном-рыбой он владел!
Благословил он свой удел:
Была огромной это рыба!
Сказал он рыбакам: «Спасибо!»
И, положив на двух волов
Свой удивительный улов,
Отправился в свою лачугу.
Так оказав ему услугу,
Довольны были рыбаки.
Они стояли у реки,
Сочувственным следили взором
За уходящим Бахтиёром.
А тот пошел своей тропой
И рыбу приволок домой.
Пастух, закончив путь тяжелый,
Сказал, усталый, но веселый:
«Отец, глядите: ваш сынок
Какую рыбу приволок!»
Веселый зов старик услышал
И на порог лачуги вышел.

Взял в руки нож, а Бахтиёр
Взял в руки сильные топор,
Рассек топор Джейхуну брюхо.
Нож до хребта дошел, и глухо
Раздался в чреве рыбы стон.
Старик испуган, потрясен,
От рыбы в ужасе отпрянул.
Сын, не смутившись, в чрево глянул,—
И что ж его увидел взор?
Ойгуль увидел Бахтиёр!
От света яркого, дневного,
Ойгуль пришла в сознание снова:
Людей услышав голоса,
Очнулась, подняла глаза
И увидала Бахтиёра!
Она отнять не в силах взора,
Любовь ей сердце обожгла,—
Вот-вот сгорит она дотла.
Краснеет, слова не находит,
К двум избавителям подходит,
Уста пылают, как гранат,
Все в изумлении молчат...

Ойгуль, увидев — тяжело им,
Поклон отвесила обоним,
Красой сверкая, как заря,
За помощь их благодаря.
И старого и молодого
Ее обрадовало слово,
И к дочери чужой земли
Они поближе подошли.
Ойгуль сказала: «Голодна я.
Во чреве рыбы пребывая,
Ждала я смерти каждый час.

Найдется ль корочка у вас?»
Старик ответил: «Верь мне, дочка,
У нас нет хлеба ни кусочка,
Но потерпи, я говорю,
Сейчас я рыбу нам сварю».
И молвила Ойгуль: «Спасибо...»
Пока в котле варилась рыба,
Ойгуль сказала: «Мой отец,
Устройте счастье двух сердец,
Меня возьмите в жены сыну,
Я никогда вас не покину,
Став сыну вашему женой,
Вам буду дочерью родной».

Старик опешил, растерялся,
С трудом он с мыслями собрался.
«У нас нет денег ни гроша,
А ты, Ойгуль, так хороша!
Скажи мне: как мы свадьбу справим?
Тебя мы только обесславим!»
«О, я богатства не хочу,
Женой не стану богачу,
Согласье ваше получу я,
И вас, отец, озолочу я...»
Сиял умом девичий лик.
Как бы согласье дал старик,
Не продолжая разговора.
Забилось сердце Бахтиёра.
То счастье, что всего милей,
Соединило трех людей...

Пужинали рыбой вкусной,—
Старик сварил ее вкусно.

Вечерний мрак окутал дол.
Старик вздохнул и спать пошел.
Замолкла степь, в туман одета.
И лишь немолчно, до рассвета,
Свой задушевный разговор
Вели Ойгуль и Бахтиёр.
Что было, с самого начала,
Ойгуль подробно рассказала,
Любимому, лаская слух:
Милее хана ей настух!
Внимал ей Бахтиёр счастливый:
Она была такой красивой,
Что он дивился вновь и вновь,
Цвела в глазах его любовь...

Мы счесть богатою могли бы
Ойгуль: она во чреве рыбы
Огромных две серьги нашла.
Про черный день их сберегла.
С луной соперничали в блеске
Их драгоценные подвески!
Когда старик восстал от сна,
Отца приветствуя, она
Ему про серьги рассказала
И старику их показала.
Едва увидел их старик,
Восторг его небес достиг!
Ему красавица вручила
Одну серьгу и поручила:
«Отец, сходите на базар,
В большой цене такой товар.
Серьгу продать не поленитесь,
С запасом золота вернитесь».
С зарей отправился старик.

Базара в полдень он достиг.
В толпе толкаясь многолюдной,
Он проходил с серьгой чудной.
И вот один богач-купец
Серьгу заметил, наконец,
И, полный счастья и восторга,
Он приобрел серьгу без торга
И отдал золота сундук.
Старик, разбогатевший вдруг,
Домой направился с поклажей,
Довольный выгодной продажей.
Купец воскликнул: «Не солгу!
Вторую я б купил серьгу,
Я б цену запросил такую
За эту пару дорогую,
Что люди б цену ту сочли
Казной семи держав земли.
Я стал бы всех людей богаче!»
И вот, мечтая об удаче,
Поехал он, забыв покой,
На поиски серьги другой,
В аул заглядывая каждый...

Вот старику отцу однажды
Ойгуль, как ясный день светла,
Серьгу вторую отдала,
Сказав: «Продать не поленитесь,
С запасом золота вернитесь».
Приходит на базар отец,
Его встречает наш купец,
Глядит: блестит серьга вторая!
Купец, от жадности сгорая,
Купил серьгу у старика,

Дал золота два сундука!
Поднять их был старик не в силах.
На лошадей он погрузил их —
Купил он славных лошадей,—
Домой пустился поскорей,
Пошел, довольный, за арбою
Уже знакомую тропюю.

Вот, золота собрав запас,
Ойгуль решила в добрый час
Созвать людей лачуг и хижин,
Всех, кто измучен и унижен.
И стар и млад пришли чуть свет,
И начался большой совет.
И сидя с Бахтиёром рядом,
Всех обведя лучистым взглядом,
Ойгуль, сверкая красотой,
Сказала так: «Народ простой
Не знает счастья в Сусамбиле.
Здесь только богатеи в силе,
Жиреют хан и падишах,
В неволе бедный люд зачах.
Терпеть страдания доколе?
Пора подумать нам о воле,
Пора забыть нам старину.
Построим новую страну.
Себе добудем в Сусамбиле
Покой, свободу, изобилье!»
Ойгуль смогла сердца зажечь.
Народ одобрил эту речь.
И толпы в степи повалили,
Чтобы воздвигнуть в Сусамбиле
Блаженный край, цветущий сад.

Трудиться стали стар и млад.
Владея золотым запасом,
Кормила хлебом всех и мясом
Ойгуль, трудами занята,
И явью сделалась мечта.
Ойгуль насытила голодных,
Ойгуль приветила безродных,
Всех успокоила сирот,
Благоустроила народ.

Возвел народ в степи чертоги,
Провел каналы и дороги.
Забил всюду родники,
И запестрели цветники.
Пошла молва об этом чуде.
Днем, ночью в степь стекались люди
Со всех сторон, из всех племен,—
Собрался целый миллион!
Стал Сусамбиль неузнаваем:
Он стал обетованным раем.
Кто ж был источником щедрот?
Прогнавший всех владык народ!

Ойгуль прекрасна, как свобода,
Была любимицей народа.
Луной бы, солнцем нарекли,
Но разве есть у солнца очи?
Где разум у светила ночи?
О, пусть прославится Ойгуль!
Цвела красавица Ойгуль,
Всем близкою была, родною
И мудро правила страну,

И люди под ее рукой
Нашли приют, нашли покой,
Богатства приумножив скоро,
И под защитой Бахтиёра
Народ расцвел, народ окреп,
Владыкой стал своих судеб.

Однажды стража, охраняя
От недругов границы края,
Схватила нищего: старик
Обманом в Сусамбиль проник,
Вздыхая, жалуясь и плача,
Тяжелый меч в лохмотьях пряча.
От слез он пользы не извлек:
Его мольбам не внял стрелок,
Сказал, чтоб не болтал он вздору,
Повел к Ойгуль и Бахтиёру.
Был строгий учинен допрос.
Подумав, нищий произнес:

«Я был в Джарджоне падишахом,
Всех подданных сравнивал я с прахом.
Я потопил народ в крови,
Но стал я жертвою любви,
Грущу я по своей невесте;
Пропала милая без вести,
Я на день ей отсрочку дал,—
Ее с тех пор я не видал.
Брожу в тоске невыразимой:
Лишился я своей любимой!
Я исходил весь белый свет,
Как нищий каландар одет,

Но кончились мои печали:
Ойгуль, я вижу не тебя ли?
Я жил, к тебе любовь храня.
О, полюби, Ойгуль, меня!»
Тиран перед Ойгуль склонился,
Обман в глазах его таился,
Но смолк он, как побитый пес,
Услышав от Ойгуль вопрос:
«Скажите правду перед всеми:
А сколько жен у вас в гареме?»
Ее вопросом поражен,
Сказал бесстыдник: «Сорок жен».
Народ кругом расхохотался:
Обманщик в дураках остался!
Он поспешил тогда извлечь
Из-под лохмотьев тяжкий меч:
Хотел Ойгуль убить с размаха...
Схватила стража падишаха,
Народный гнев его настиг.
И был казнен он в тот же миг.
Злодея позабыли скоро.
И для Ойгуль и Бахтиёра
Счастливые сияли дни.
Страною правили они.
И кличем их была свобода...
Сердцам людей мила свобода!
Но думала Ойгуль не раз
О том, что близок битвы час,
Что там, на родине, в Джамбиле,
Свободы люди не вкусили,
Народ тираном угнетен,
Страдает бедный раб Тарлон...
Весною, в радостную пору,
Ойгуль открыла Бахтиёру,

О чем души ее печаль,
Сказала: «Мне джамбильцев жаль!»
И оба приняли решение:
Все войско привести в движение,
Джамбильский перейти рубеж
И за подавленный мятеж
Прийти к тирану с грозной местью
И оживить счастливой вестью
В цепях измученный народ.
Вот заалел зари восход,
И принялась Ойгуль за дело:
Ударить в барабан велела,
В карнаи затрубить, собрать
Свою карающую рать.
К походу воинство готово.
Ойгуль народу молвит слово:
«С тираном начата война.
Возьмем на сорок дней зерна,
Припасов хлеба, трав целебных,
В тяжелой битве нам потребных,
Пойдем: мы победить должны!»

Поставив во главе страны
Возлюбленного Бахтиёра,
Чья мощь — отечества опора,
И пловом угостив народ,
Ойгуль отправилась в поход.
Сверкали пики и пищали,
Из пушек пушкари стреляли
Вдоль речек и степных озер;
Ойгуль через вершины гор
Перелетела, как орлица;
Стрела с ней не могла сравниться:

Через цветущие сады
Неслась она быстрее звезды...
Вот позади — долины, горы,
Пустыни страшные просторы,
Лесная мгла, степная пыль,—
Уже недалеко Джамбиль.

Джамбильский хан — мучитель края —
Спокойно жил, забот не зная;
И днем и ночью был он пьян.
Про Сусамбиль не слышал хан,
Он жил в безделье и веселье
С тех самых пор, как в подземелье
Ойгуль он заточить велел.
Простой народ о ней скорбел,—
Не вспомнил хан о ней ни разу,
О той, что по его приказу
В темницу ввергнута была.
«Она, быть может, умерла?»—
Шептались люди возбужденно
И проклинали все Тарлона,
Его считая ханским псом,
Не зная, что, к Ойгуль влеком
Всем сердцем, бедствовал в Джамбиле
Тарлон; его друзьями были
Мученье, горе и нужда;
Обиды он терпел всегда.
Жила в рабе многострадальном
Мечта о Сусамбиле дальнем,
Он знал, что там Ойгуль найдет,
Что счастлив там простой народ.
Мечтал он обрести опору.
Бежать к Ойгуль и Бахтиёру,
С тираном повести войну,

Освободить свою страну.
Но был седой Тарлон бессилен,
Не мог пробраться в Сусамбиль он...
А между тем Ойгуль вперед
Вела своих стрелков в поход.
Остались позади равнины,
Высокогорные вершины,
Вода озер, степной ковыль,
Уже виднеется Джамбиль.
Летит Ойгуль, как месьть, крылата,
Как справедливая расплата,—
В Джамбиле ждет ее народ!
Достигли воины ворот,
Но в город заперты ворота!
«Как быть теперь?»— воскликнул кто-то.
И саблю извлекла Ойгуль —
Ворота рассекла Ойгуль!
Запоры тяжкие ослабли,
Упали от удара сабли,
Сталь разлетелась на куски,
Открылись весело замки.
Тут разом грянули пищаля,
Чертогов стены затрещали,
Раздался гром, взметнулась пыль,—
Вступило воинство в Джамбиль

Бежали важные вельможи —
Мороз пошел у них по коже;
Бежал в пещеры ханский сброд,
Но всех вылавливал народ,
Их жалобным словам не веря.
Схватили и тирана-зверя:
Скрывался гордый хан в хлеву.

Конец былому торжеству!
Вы только злость его измерьте:
Он был избит до полусмерти
И выставлен всем на позор!
Народ изрек свой приговор:
«Убей, Ойгуль, убей тирана!»

Ойгуль, ударив саблей хана
И привязав его к ядру,
Поставив пушку на юру,
Велела выстрелить: из дула
Его с ядром наверх взметнуло,
И он рассыпался золой —
Так был казнен властитель злой.

Старик Тарлон к Ойгуль подходит,
От счастья слов он не находит.
Ойгуль, как ясный день, светла,
Его в объятия приняла,
Благодаря за избавленье.
Пришли все люди в удивленье:
Ойгуль от смерти спас Тарлон,
Он благороден и умен!
Сказал народ: «Одни печали,
Ойгуль, в Джамбиле мы познали,
От ханов, от зверей-господ
Немало претерпел народ.
Здесь нашу юность мы сгубили,
Мы не останемся в Джамбиле,
Отныне горе — позади,
Ты в Сусамбиль нас поведи,
Там жизнь свою начнем сначала!»

Ойгуль народу отвечала:
«Тиран, мучитель ваш, убит.
Вы заживете без обид,
Трудиться будете вы дружно.
Стремиться в Сусамбиль не нужно —
Джамбиль должны вы полюбить.
Здесь ваши горы и равнины,
Здесь ваши реки и стремнины,
Здесь ваши тучные поля,
Здесь ваша родина-земля.
Когда у вас господ не будет,
То горя и невзгод не будет
И опечаленных сердец.
Тарлон, ваш любящий отец,
Отныне пусть Джамбилем правит,
Он вас на добрый путь наставит,
Он укрепит родимый кров,
Он умереть за вас готов,
Он верен вольности заветам!»
Народ был восхищен советом
Своей красавицы Ойгуль.
О, пусть прославится Ойгуль!
Печали, беды улетели,
Достиг народ желанной цели,
Народ обрел покой и мир,
Народ устроил шумный пир,
Народ плясал и веселился,
И праздник сорок суток длился.

Сияя чистою красой,
Ойгуль отправилась домой
По благодатному простору —
К возлюбленному Бахтиёру.

В карнаи затрубил народ,
Он оказал Ойгуль почет,
Из пушек в честь ее стреляя,
В напеве каждого сурная
Восторг свой выразил Джамбиль!

Вот эта сказка, эта быль.

1937

СИМУРГ

Глава первая

1

Много ль, мало ли лет назад
На земле жила Паризад,
Дочка хана. Была она
Хороша, как в саду весна.
Кипарису подобный стан,
Черным блеском кос осиян.
Как нарциссы, глаза нежны,
Стрелы гнутых ресниц длинны.
Ее брови на белом лбу
Меж собою вели борьбу,
Восхищенные красотой
Круглой родинки золотой.
На коралловый губ изгиб
Кто засмотрится — тот погиб.
Чтоб такой красоты гроза
Не слепила людей глаза,
Обнесен был стеною сад
Ханской дочери Паризад.

2

Шла молва об ее красе,
Словно ветер по полосе;
Рассыпала кругом молва

Золотые свои слова.
И джигиты теряли сон —
Каждый был в Паризад влюблен.
Каждый плакал, как соловей,
У закрытых ее дверей.
Был в разгаре большой базар —
Всем по вкусу такой товар,
Все спешили средь суеты
К заповеднику красоты.
Нагружали своих ослов,
Посылали седых послов.
Скакуны их туда несли,
Их верблюды туда везли.
Женихи устремлялись в сад
Ханской дочери Паризад.

3

Но, собою опьянена,
Равнодушна была она.
Что ей розы, что соловьи,
Что ей муки чужой любви?
Занималась только собой,
Любовалась только собой.
Об ограду ее дворца
Разбивались не раз сердца.
И сгорали они дотла,
Оставалась одна зола.
И шумела кругом молва:
«Дочь-то ханская какова!
У красавицы, погляди,—
Сердце каменное в груди.
Червоточинка скрыта в нем,
В этом яблоке золотом».

Этой славы дурной слова
Разносила кругом молва,
Закрывая дороги в сад
К ханской дочери Паризад.

4

И услышал про это хан,
И не спал до рассвета хан.
На рассвете с постели встал
И к себе Паризад позвал.
Не скрывая тоски своей,
Он воскликнул навстречу ей:
«Слушай, роза моих усад,
Слушай, дочь моя Паризад!
Я не спал напролет всю ночь,—
Не могу тоски превозмочь.
Ты свела старика с ума,
Что мне делать, скажи сама,
Коль в народе идет молва:
«Вот у хана дочь какова!
У красавицы, погляди,—
Сердце каменное в груди.
Никогда ей любви не знать,
Старой девою вековать.
Червоточинка скрыта в нем,
В ханском яблоке золотом».
Червоточинка!.. Слышишь ты?
Иль от гнева не дышишь ты?
Я от этих слов поседел
Больше, чем от военных дел.
Я не знаю, как быть с тобой,
Со своею большой бедой...»
И прекрасная Паризад

Опустила горящий взгляд,
Загорелся лик кумачом,
Побледнела она потом
И сказала, едва дыша:
«Слава всякая хороша...
Ладно! Пусть богатырь любой
Хоть сегодня придет за мной.
Выйду замуж я за него,
Но условие таково:
Там, где конный шумит базар,
Исполинский стоит чинар,
Оплетает ветвями он
Весь лазоревый небосклон.
Много силы в его корнях,
В чернобурых седых ветвях.
Он столетьями в землю врыт,
Тайны вещие он хранит.
Тот джигит будет мужем мне,
Кто на резвом своем коне
На столетний чинар взлетит,
Вырвет с корнем и сокрушит.
Знайте, сердце мое тогда
Станет пламенем вместо льда.
Знайте, стану его женой!
Пусть приедет джигит за мной...»

Хан улыбкою просиял
И придворных своих созвал,
Приказал разгласить тотчас
Высочайший такой указ:
«Эй, джигиты моей страны!
Вы в походах закалены,
Вам сверкает сквозь мрак времен
Красным золотом ханский трон,

Эй, скачите во весь опор!
Эй, летите на ханский двор!
Будет пир изо всех пиров,
Состязание удальцов.
И достанется сверх наград
Победителю Паризад,
Будет верной женой его,
А условие таково:
Там, где конный шумит базар,
Исполинский стоит чинар.
Корни в толщу земли вросли,
Ветви небо все оплели.
Пусть разгонит коня джигит,
Пусть на древний чинар взлетит,
Свалит дерево на скаку,—
И достанется смельчаку
Дочка ханская, сверх наград,
Луноликая Паризад.
Эй, скачите во весь опор
Все джигиты на ханский двор!»

5

Эту весть разнесли в ночи
Быстроногие карнайчи.
Вдоль базара летит она,
У мазара гудит она...
Ой, как пыль по полям пылит,
Сбруи звон по ветрам летит!
То не солнце в огне лучей,
То сверканье кривых мечей —
Едут, едут богатыри
От зари до другой зари,
Бьют нагайками на скаку
По узорному чепраку.

Едут мимо солончаков,
Едут мимо пышных лугов,
Горяча молодых коней,
Джигитовкой гордись своей,
От зари до другой зари
Едут, едут богатыри.

6

Над землею взошла заря,
Как цветущий гранат горя.
Алокрылые лепестки
Осыпают все чепраки,
В блеске их, как большой пожар,
Чернобурый горит чинар.
Тяжко ветви его скрипят,
Грозно ветры в ветвях гудят,
А под черною гущей ветвей,
Оседлавши своих коней,
Здесь и там женихи спуют,
Скакуны удила грызут,
И зевак любопытных круг
Обсуждает красу подруг.
И, величием осяян,
В златотканом халате хан,
И прекрасная Паризад
Поднимает лукавый взгляд.

Вот над замершею толпой
Первый ринулся вверх герой.
Треск! И в корчах скакун хрипит,
И, повержен, герой лежит.
И, стрелой пролетев, второй
Оземь грохнулся головой.

Третий, съевший кожу змеи¹,
Руки, ноги сломал свои.
А четвертый легко взлетел,
Спрыгнул вниз... а чинар-то цел!
Недвижимо чинар стоит,
Только ветер в листве шумит,
Грозный рокот в седых ветвях,
Под ветвями — кровавый прах...
Семь бессонных ночей и дней
На дыбы вздымали коней,
С исполином вели борьбу
Те, кто верил в свою судьбу,
А другие, потупив взгляд,
Погоняли коней назад.
Вот восьмая заря видна,
А задача не решена.

7

Косы шелковые свои
Омочив в пролитой крови,
Опустила надменный взгляд
Неподвижная Паризад.
Хан на месте едва сидел,
За семь суток он поседел,
Слезы горя, давясь, глотал,
Трясся, охал — потом вскричал:
«Что же это? Иль будем мы
Так и жить средь позорной тьмы?
Или нет у коней подков,
Или нет в стране удалцов?
Эй, глашатаи, карнайчи!

¹ Узбекская поговорка, означающая: выдавший виды, опытный человек.

Во всю глотку опять кричи!
Ищут пусть по земле его,
Зятя славного моего!
Если есть хоть один джигит,
Что, не слыша указа, спит,
Что на празднество опоздал
И своей судьбы не узнал,
Если есть хоть один в стране,—
Приведите его ко мне!»
Снова вскинули карнайчи
Трубы звонкие, как мечи,
По дорогам пошли опять
Волю ханскую выполнять.

8

Степь закатная широка,
В алом пламени облака.
Тихо так, что услышишь тут,
Как травинки в степи растут,
Как роняет степной тюльпан
Лепестки на седой курган,
Как звенят угольки в костре,
Догорающем на заре.
И сидит над костром пастух,
Горьковатый вдыхает дух,
Низко голову опустил,
Руки смуглые уронил.
Овцы сонные шерстяной
Окружили его стеной.
В красноватом костра огне
Овцы что-то жуют во сне.
Звезды выплыли на простор.
Дышат травы. Дымит костер.
Тает ночь... Напрягая слух,

Флейту в руки берет пастух,
И в напеве его слышны
Даже шепоты тишины.
Только чьи-то шаги хрустят,
Чьи-то люди к нему спешат.
«Что сидишь, словно в землю врыт?»
Поднимайся скорей, джигит,
Лучший свой надевай чапан —
Ко двору тебя просит хан».
И пошел по степной тропе
Он навстречу своей судьбе,
Бросив стадо и посох свой,
Только флейту забрал с собой.

9

Вот и конный шумит базар,
Вот и темный стоит чинар,
Оплетает ветвями он
Весь лазоревый небосклон.
Вот, величием осиян,
В златотканом халате хан,
Рядом с ним, словно в звездах ночь,
Красотою сверкает дочь.
И поодаль от ханских слуг
Перед ними стоит пастух.
«Ты откуда и кто, герой?»
«Мудрый хан, я пастух степной».
«Твоему я приходу рад.
Как зовут тебя?»
«Я — Буньяд».
«Почему ж ты, Буньяд, проспал
И на скачки не прискакал?
Или ты, мой постух, не рад

В жены высватать Паризад?
Или счастье нейдет к тебе
По заросшей степной тропе?»
И волшебница Паризад
К пастуху обратила взгляд,
И Буньяд на нее глядит...
Так звезда с высоты летит,
Золотую роняя пыль
На засохший степной ковыль,
И ковыль под ее лучом
Очарованным стал цветом,
Отраженным в речной воде.
Сам не веря своей звезде,
Опускает Буньяд свой взор,
Продолжает он разговор:
«Мудрый хан, я пастух простой,
Я живу в тишине степной
И не видел я никогда,
Чтоб летела ко мне звезда.
Счастье прячется от меня,
Чтоб найти его, нет коня.
Не по мне, видно, звездный свет,—
Нет коня, значит, крыльев нет!
Все богатство мое со мной —
В этой дудочке золотой.
Хочешь, песню тебе спою
Про широкую степь мою?»
«Запоешь! — рассердился хан.—
Запоешь у меня, чурбан!..
Эй, ведите из табуна
Красногривого скакуна!
Если свалит чинар пастух,
Будь он на уха оба глух,
Будь он увальнем, дураком,

Прокаженным иль бедняком —
Я отдам ему в жены дочь,
Той отпраздную в эту ночь!
Нет терпения у меня...
Эй, ведите скорей коня!..»

10

Конь копытами землю бьет,
Гневно конь удила грызет.
Неотрывно глядит Буньяд
На красавицу Паризад,
А над ними чинар седой
Чернобурой шумит листвою,
Грозный рокот в тугих ветвях,
Под ветвями — кровавый прах,
Конь копытами землю бьет,
Хан глядит, все глядят.... и вот,
Исступленным огнем объят,
Скакуна осадил Буньяд,
Полоснул скакуна камчой
Так, что брызнула кровь струей,
Растоптал по пути траву
И, как молния,— в синеву!
Степь ли силу ему дала,
Буйный ветер — свои крыла,
Звезды ль дали над небом власть,
Чары ль ночи — к победе страсть,
Или это лукавый взгляд
Брови вскинувшей Паризад,—
Только гром в синеве растет,
Только шум по земле идет:
Загудел, как большой пожар,
Исполинский седой чинар.

Конь распластан во весь прыжок,
От передних до задних ног,
Богатырская мнет рука
Ветви, вздетые в облака.
И еще, и еще удар!
Пошатнулся седой чинар,
Корни вырвал он из земли —
В черных комьях, во мху, в пыли,—
Пошатнулся, вновь прямо встал
И на землю плашмя упал.
И с презрением наш герой
Попирает чинар ногой,
Сам прекрасен и невредим!
Все склоняются перед ним,
Но глядит он поверх людей,
Ищет очи звезды своей.

11

Где она? Почему она,
Как ненастная ночь, темна?..
И спокойно Буньяд идет,
Тихо руку ей подает,
Но она от руки любви
Отшатнулась, как от змеи,
И, отмеривая слова,
Процедила едва-едва:
«Вижу, ты победил, герой.
Что же, можешь своей рукой
Ты холодную руку взять
И женою меня назвать.
Я согласна идти на той —
Это право твое, герой.
Только как бы ты был любим,

Если б сердцем владел моим,
Если б выслушал ты меня,
Поднял меч и погнал коня
Вон туда, на огонь зари...
Как прикажешь ты?»

«Говори!

Говори!— прошептал Буньяд,—
Все, что хочешь, я сделать рад.
Все дороги смогу пройти,
Лишь бы сердце твое найти.
Если сделать что не смогу,
Если буду еще в долгу,—
Откажись от меня тогда,
Отвернись от меня, звезда!»
Со склоненною головой
Он услышал рассказ такой:

12

«В царстве ночи, где запад сед,
Есть гора человечьих бед:
Безобразна и высока,
Зацепилась за облака,
Черепами усыпан низ...
Див чудовищный Ялмогыз
У подножья горы сидит,
Кости желтые сторожит,
Кровь людская — сго еда,
Не насытится никогда.
Смерть несет его каждый взгляд,
Изо рта его брызжет яд,
И от взмаха тяжелых рук,
Цепенеет вся жизнь вокруг.

А вокруг до семи небес
Возвышается мертвый лес,
И безмолвно он стережет
Злой пучины водоворот.
У реки меж свинцовых глыб —
Только груды гниющих рыб;
За пучиной пески, пески,
Бесконечны и широки...
Если эти пески пройдешь,
И пучину переплывешь,
И пробьешься сквозь мертвый лес
Высотой до семи небес,
Если ты богатырь такой,
Что сумеешь своей рукой
Ялмогыза убить в бою,—
Поцелую руку твою,
Буду нежной тебе женой!
Поезжай, если ты герой!
Знай: когда б ни пришел назад,
Будет ждать тебя Паризад».

13

Удивленный народ роптал,
Хан от ярости весь дрожал,
Руки сжав, затаивши дух,
Слушал страстную речь настух,
А потом поглядел сквозь пыль
На волнистый степной ковыль,
Богатырским повел плечом,
Оглядел скакуна кругом
И сказал: «По джигиту — честь,
Был бы конь, а наездник есть.
Чтобы счастье свое добыть,

Мир не трудно объездить мне!
Обещанье тебе дам:
Ялмогыза убью в бою,
Дайте меч по моей руке,
Дайте горстку земли в платке
И прощайте!»— и отдал он
Чаровнице земной поклон.
...Непроглядна ночная ширь,
Едет к западу богатырь.

Глава вторая

1

Ночь за ночью и день за днем
Едет всадник своим путем,
Мимо ярких степных костров,
Мимо глиняных кишлаков.
Материнской любви полна,
С ним прощается вся страна:
Машут ветки седой джиды,
Машут струйки речной воды,
Огоньки освещают тьму,
Смотрят женщины вслед ему...
Ночь за ночью и день за днем
Едет всадник своим путем.

2

Ехал, ехал вперед, пока
Не легла на пути река.
Непроглядна речная ширь,
Стал у берега богатырь:
«Ой, река, ты куда бежишь?»

Ой, волна, ты куда летишь?
Вырываясь и ледников,
Извиваясь среди холмов,
Рыжий пламень бежит сквозь тьму
К морю синьму своему.
Не такую ль гоним судьбой,
Я покинул свой край родной,
И приехал издалека
Побрататься с тобой, река!
Проплывем по волнам с конем
Иль погибнем на дне твоём.
На смерть драться мне суждено,
К морю мчаться... Да где ж оно?»
И плывет на коне Буньяд
Меж крутых водяных громад.
Вот уж та сторона видна,
Но встает на пути волна,
Окатила она его
С головы и до ног всего,
С воем вырвала из седла,
По течению понесла.
Красногривый его скакун
Мертвым выброшен на валун,
А Буньяд по реке плывет,
Погружаясь в водоворот.
Без сознания богатырь...
Неоглядна речная ширь.

3

Полумесяц встал золотой
Над красавицею рекой,
И из пены жемчужных вод
Поднимается хоровод.

Это пери речной волны
Выплывают из глубины.
Лунный жемчуг в их волосах,
Лунный пламень горит в очах,
Звонок смех серебристых дев,
И загадочен их напев.
Вот веселой они толпой
На песок идут золотой
И, усевшись на бережку,
Вынимают по гребешку,
Моют волосы, чешут их,
Отражаясь в волнах речных.
И сказала из них одна:
Кто-то тянет меня со дна.
Это рыба или змея —
Зацепилась косами я».
Встрепенулся веселый круг
Оживленных ее подруг,
Стали стайкой на дно нырять,
Косы черные отцеплять.
«Нет, не рыба и не змея,
Нет, подруги, ошиблась я:
Богатырь в моих волосах,
В шелковистых моих сетях.
И красивый и молодой,
И как будто еще живой».
Пери вытащили его,
Платье высушили его,
И Буньяд (это был Буньяд)
Открывает смятенный взгляд.
«Ты откуда и кто, герой?»
«Я Буньяд, я пастух степной».
«Как же ты с боевым мечом
Оказался на дне речном?»

«Я оставил шалаш родной
И опасной пошел тропой.
В царство ночи мой путь лежит,
Там чудовищный див сидит.
Ялмогыза иду убить,
Свое счастье в бою добыть,
А река на пути легла,
И река коня отняла...
Что ж, пешком я пойду сейчас!»
«Не спеши, погости у нас.
Оставайся... Мы здесь вольны.
Под жемчужным лучом луны
Наши косы черным-черны,
Очи страстны и зелены.
Ил мы смоем с могучих плеч,
Богатырский наточим меч,
Мы попляшем и попоем,
На прощанье рукой махнем».
Улыбаясь, Буньяд привстал,
Флейту вымокшую достал,
Чтоб немного потешить их,
Луноликих подруг своих.
Только флейта грустным-грустна,
В путь-дорогу зовет она.
Оглянулся Буньяд кругом,
Богатырским повел плечом
И, подругам отдав поклон,
В путь свой пешим пустился он.

4

День и ночь он идет вперед,
Может, месяц, а может, год.
И встает на пути гора

Вся из чистого серебра.
По тропинке ее крутой
Без боязни полез герой.
То подтянется на руке,
То повиснет на кушаке,
А над самую головой
Камень высится вековой,
Загораживая пути.
И нельзя его обойти.
Поднял меч богатырь Буньяд
И ударил пять раз подряд,
Загремела в ответ гора,
И открылась в горе нора,
И в раскрытый пред ним пролет,
Пригибаясь, Буньяд идет.
Темнота. Не видать ни зги.
По ступеням стучат шаги,
Слышен рокот подземных вод,
Расступается черный свод.
И навстречу, как светляки,
Разноцветные огоньки.
Обступают его вокруг,
Ослепляя, касаясь рук.
Он за ними — они назад,
Он от них, а они блестят.
И не выдержал наш Буньяд,
Стал рубить их за рядом ряд.
«Эй, отстаньте! Я не шучу,
Вашу гору разворочу!
Кто господствует над горой?
Покажись! Выходи на бой!»
И опять загудела тьма,
Расступилась гора сама,
Загорелся свет золотой.

Карлик с рыжею бородой,
Хил, уродлив, но горделив,
Говорит: «Я великий див.
Я хранитель богатств земных,
Я властитель пространств своих,
Я господствую над горой!
Отвечай мне: кто ты такой,
Почему ты сюда пришел?
Сколько дать тебе, чтоб ушел?»
А за дивом кишмя кишат
Бородатые и пицат:
«Почему ты сюда пришел?
Сколько дать тебе, чтоб ушел?»
Отвечает тогда герой:
«Горный див! Я пастух степной,
Я оставил родимый дом
И опасным пошел путем,
Чтобы счастье свое добыть,
Ялмогыза в бою убить.
Но река отняла коня,
Проглотила гора меня,
Нет, не нужно мне ничего
Из богатства из твоего.
Мне б дорогу в горе найти
И на запад скорей уйти!»
Усмехнулся подземный див:
«Видишь золота перелив?
Эта блещущая стена
Вся из золота сложена.
Там сапфиры горой лежат,
Там рубины зарей горят.
Посмотри сюда, посмотри:
Разгораются янтари.
Вот волшебный седой топаз,

Изумруд, как кошачий глаз.
Всей вселенной твоей краса,
Разноцветные чудеса
Пред тобою, в руках твоих.
Посмотри, богатырь, на них».
Дивы дружно кругом снуют,
Камни яркие подают.
Очарованный, наш герой
Флейту быстрой достал рукой,
Чтоб потешить немного их,
Бородатых друзей своих.
Только флейта грустным-грустна,
В путь-дорогу зовет она.
Дивам с флейтою сладу нет —
Отпустили его на свет.
Проводили, назад ушли,
Огоньками сгорев вдали,
И, отвесивши им поклон,
Вновь в дорогу пустился он.

5

Вновь идет он своим путем,
И пустыня лежит кругом.
Ни травинки в ней не растет,
Ни былинки в ней не цветет,
А шуршат и ползут пески,
Неоглядны и высоки.
В красном зное идет Буньяд
Много дней и ночей подряд.
Вот уже ни куска еды,
Вот уже ни глотка воды,
Изывают ступни от ран...

Опустился он на бархан,
А песчинки ползут, ползут,
И как будто они поют:
«Ой, песчинки! Куда, куда
Мы уносимся без следа?
Гонит нас над землею рок
Без разбора и без дорог,
Ветер знойный нас вдаль несет,
Вверх вздымает, крылами бьет.
Нам приюта нигде не знать,
Бесконечно нам кочевать...»
И песчинки ползут, ползут...
Эту ль песню они поют.

6

Открывает Буньяд глаза —
Неба светится бирюза,
Желтизною песок блестит,
На песке карагач стоит.
Потемневший, прогнувшийся ствол
Одичал, и угрюм, и гол,—
Видно, так с давних-давних пор
Он в небесный глядит простор,
На вершине держа своей
Несгибаемых пять ветвей.
Ветви те в вышине торчат,
Под тяжелым гнездом скрипят,
Свито, словно навек, оно
И птенцами полным-полно.
Неподвижно глядит Буньяд —
Изумлением он объят.
Вдруг шипенье, и свист, и вой
Раздаются над головой.

Огневой чешуей горя,
Ослепляя богатыря,
Страшный змей по песку ползет,
Страшный змей на хвосте встает.
Крепко дерева ствол обвив,
Пасть клокочущую открыв,
Страшный змей над гнездом шипит.
Беззащитным птенцам грозит.
Иступленно кричат птенцы,
Крик несется во все концы,
И звенит над пустыней всей,
Словно жалобный плач детей.
Этот жалобный птичий крик
Сжег усталость Буньяда вмиг.
Вот он рядом с карагачом,
Вот он змея разит мечом.
Черный дым в огневых клубах,
Фиолетовых молний взмах,—
Рухнул змей, устоять не мог,
И Буньяд упал на песок.
Он упал на песок пластом
И тяжелым забылся сном.

7

И тогда с бирюзовых круч
Пал на землю отвесный луч,
Загудела, запела высь,
Ветры пыльные поднялись.
Два распластанные крыла
Солнце в небе закрыли... Мгла,
Трубный клетот, песчаный пыл,
Трепетание тяжких крыл..
Мчится мира крылатый конь,

Высекая из гор огонь,
Совершая над бездной круг,
Птица счастья летит, Симуург.

Кубок синих небес до дна
Осушает глотком она,
Солнце страстные, как гроза,
Пожирают ее глаза.
Пыль времен на ее крылах,
Кровь времен на кривых когтях,
Под крылом высота поет,
Смелых к солнцу она зовет.
Затаенной тоской веков
Полон этот гортанный зов...
Зачарованный мир молчит —
Птица счастья над ним парит.

8

Развернувши свои крыла,
Над пустыней Симуург плыла,
Над заветным плыла гнездом.
Видит: кто-то лежит ничком;
Кто-то, дерзкий, пути нашел
В пустовавший веками дол.
Крылья дрогнули и взвилась,
Птица камнем упала вниз,
Человека огнем разя,
Острым клювом ему грозя.
А птенцы увидали мать,
Стали жалобно умолять:
«Мама! Странника пожалей,
Острым клювом его не бей!
Это он, беззащитных, нас

От гремучего змея спас.
Если б не был он добр и смел,
Нас бы змей кровожадный съел.
Мама, милая! Пожалей,
Гостя нашего не убей!»
И одумалась тут Симург,
Оглянулась она вокруг —
Видит: в красной крови своей
Утопает гремучий змей.
В зное солнечном человек
Не поднимет усталых век.
И над ним, доброты полна,
Развернула крыла она,
И неделю глубоким сном
Спал Буньяд под ее крылом.

Полетела Симург к реке,
Опустилась на бережке,
Окунулась в глубину,
Зачерпнула крылом волну,
Отряхнувшись над смельчаком,
Окропила его дождем.
Потянулся Буньяд, привстал,
Говорит: «Хорошо поспал!
Тень вокруг, и водица есть,
Хорошо бы теперь поесть!»
Эту речь услышав, Симург
В небесах прочертила круг,
Воротилася второпях,
Льва живого неся в когтях.
Разрывает его, и вот
Печень львиную достает
И, поджаривши под лучом,
Человеческим языком

Говорит: «По джигиту честь:
Был бы гость, угощение — есть!»

9

Изумленно Буньяд глядит —
Чудо мира пред ним сидит.
В синих отсветах перья все
В шелковистой своей красе
Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром.
Из-под темных тяжелых век
Глаз ее животворный сверк,
Взгляд бездонный — сама любовь.
На изогнутом клюве — кровь,
Грива льва на когтях висит...
Чудо мира пред ним сидит,
Говорит оно, наклонясь,
Над смятением его смеясь:
«Ты не бойся меня, мой друг,—
Я царица песков, Симург,
В сказках всяк обо мне слышал,
Но никто меня не видал,
Я живу испокон веков
В неоглядной стране песков.
Тут растения не растут,
Не летают и птицы тут.
Никогда за мой долгий век
Не встречался мне человек
В этом пекле, в краю пустом,
Под волшебным моим гнездом.
Ты прошел сквозь пожар песков,
Спас от смерти моих птенцов.
О, скажи, богатырь, какой

Отплачу я тебе ценой?
Что за дума тебя томит,
Плечи сильные тяготит?
Кто для этих могучих плеч
Отковал богатырский меч?
И какая злая беда
Привела тебя к нам сюда?
Мне желанье свое открой,
Помогу я тебе, герой!»
И в глазах ее все видней
Торжество золотых огней.
Неподвижно она сидит
И, прислушиваясь, молчит.

10

Отвечает Буньяд тогда:
«Может, это и впрямь беда,
Только я без беды такой
Так и спал бы в траве степной.
Я пройду сквозь огонь и смерч,
Я в бою иступлю свой меч,
Если смог я сюда дойти
И в пустыне тебя найти!
Птицей счастья тебя зовут,
Песни все о тебе поют.
Мне тебя, сквозь огонь и кровь,
Показала моя любовь.
За песчинку с твоих следов
Я всю душу отдать готов,
За пушинку с широких крыл
Свой отдам богатырский пыл!
Если хочешь, узнай сейчас
О заботах моих рассказ:

Там, за далью седых громад,
Луноликая Паризад
Рассказала однажды мне,
Что в закатной чужой стране
Злобный див Ялмогыз живет,
Кровь людскую, как воду, пьет,
Давит землю горою бед,
Оскорбляет уродством свет.
Обещал я его убить,
Мир от мрака освободить.
И дорога моя трудна,
Но звезда впереди видна:
Осчастливлю народ родной,
Паризад назову женой!»
И сказала ему Симург:
«Ты обманут мой бедный друг!
Никогда тебе не дойти
До конца твоего пути.
Бессердечная Паризад
Налила в твою чашу яд,—
Отравительница, она
С Ялмогызом давно дружна,
Посылает к нему гостей —
Тех, кто больше не нужен ей,—
Посылает на смерть к нему,
К другу страшному своему!
Див тебя загрызет живьем,
Ветер след заметет песком...
О, послушай меня, вернись,
От обманщицы откажись!
Если будешь здоров и жив,
Будешь ты и с другой счастлив».
Вещей птицы правдивый взгляд
Встретил мужественно Буньяд,

Долго-долго в него глядел,
Весь от горя он почернел.
Пересиливши боль свою,
Он промолвил: «Не отступлю!
Лев пустыни седой — и тот
По следам своим вспять нейдет,
И того осрамит молва,
Кто на ветер швырнет слова!
Лучше в битве убитым быть,
Чем позором себя покрыть...
Я пройду до конца пути,
Испытаю, что впереди!»

11

Опустила Симура глаза,
Неба спряталась бирюза,
Потемнела земля вокруг, —
Опустила глаза Симура.
«Вижу я — не отступишь ты!
В царство ночи и темноты
Пролетим мы с тобой вдвоем,
Ослепляя весь мир огнем.
Ты меж крыльев моих садись,
Ты за шею мою держись —
Отнесу я тебя туда,
Где закатная даль седа.
Об одном лишь прошу, герой:
Крепче очи свои закрой,
Чтоб кружение звезд ночных
Не слепило очей твоих.
Полечу я вдвоем с тобой,
Посмотрю на кровавый бой.
Если див победит тебя,
Слезы буду я лить, скорбя,

Сказку новую для людей
Расскажу о судьбе твоей,
О тебе, богатырь Буньяд,
Что дороги не знал назад.
Если дива убьешь в бою,
Песню славы тебе спою!
Медлить нечего... Решено...
Да свершится, что суждено!»

Обретенному другу рад,
Влез на крылья к Симург Буньяд
И зажмурил свои глаза...
Загремела кругом гроза,
Загудела ночная высь,
На закат они понеслись.

Глава третья

1

Пролетели они пески,
Обогнули материки.
Небосвода лазурный круг
Разрубает плечом Симург,
Отряхая с кудрявых крыл
Серебристую пыль светил.
И герой полцой грудью пьет
Сладкий ветер больших высот.

Вот восток под крылом у них
В золотистых садах своих,
Вот шафрановый пышный юг,
Прошумел за спиной Симург,
Вот громады зеленых льдов
Наползают до облаков,

Вот оранжевая черта,
А за ней — одна темнота.

Жадно солнце вдохнул Буньяд,
Обернулась Симуург назад,
В луч последний, тоски полна,
Обмакнула крыло она
И помчалась на всем лету
В непроглядную темноту.
Царство ночи... Кругом оно
Липкой тьмою населено,
Безобразною серой тьмой,
Бугорчатою, вековой.
Тьма лежит под тобой ничком,
Тьма сидит на тебе верхом,
Тьма качается над тобой
Полосатою пеленой.

Тьмою скованный, недвижим,
Встал Буньяд. И ползет над ним
Страшных, мрачных теней поток —
Темноты шерстяной клубок.
И сказала Симуург ему:
«Погляди в кромешную тьму:
Не проломишь ее плечом,
Не разрубишь ее мечом.
Чтобы справиться с липкой тьмой,
Извивайся, ползи змеей,
Все терпение собери,
Нету солнца — в себя смотри:
Хватит света в душе твоей —
Не ослепнешь среди теней!
Близок сводчатый край небес,
Близок каменный, мертвый лес,

Там гора черепов стоит,
Там чудовищный див сидит.
Там — конец твоего пути,
Ты поклялся его пройти...
Силу всю испытай его,
Слова страшного своего,
Дальше путь продолжай один,
Слова смелого властелин...
Буду ждать я тебя. Иди!
Да свершится, что впереди!
Если я не дождусь тебя,
Буду слезы я лить, скорбя,
Кровью собственной захлебнусь,
Пылью по свету разлечусь».

Так Буньяду сказав, Симург
В глины ком обратилась вдруг,
И один зашагал Буньяд
В тьму кромешную наугад.

2

Вот и сводчатый край небес,
Вот и каменный, мертвый лес,
В нем несчитанные стволы
Изувечены и голы,
За стволами гора видна,
В человеческих костях она.
А навстречу огонь гудит —
Это див Ялмогыз ворчит,
Переваливаясь на ходу,
Пережевывая еду,
Как мохнатый мешок, тяжел,
Див навстречу Буньяду шел.

Распрявился в свой полный рост,
Перепончатый выгнул хвост.
Прямо в тучу рога вонзив,
Что-то сладкое проглотив,
Говорит, изрыгнув смешок,
Этот потный мясной мешок:
«Мой бесценный сынок Буньяд,
Как я рад тебе, как я рад!
Как дела твои, гладкий мой?
Как здоровьице, сладкий мой?
На далекий мой огонек
Что тебя привело, сынок?
Уж не дружен ли впрямь ты с ней,
С милой доченькою моей?
Не она ли, моя звезда,
И послала тебя сюда,
Не прекрасная ль Паризад?»
«Да она!— отвечал Буньяд.—
Но сынком не зови меня,
Я чудовищу не родня,
Я сразиться пришел с тобой —
Выходи, Ялмогыз, на бой!
Слушай ты, осквернитель снов,
Слушай, кладбище храбрецов,
Над землею нависший мрак,
Мерзость мира, проклятый враг!
Выходи! Я тебя убью,
Череп твой размозжу в бою!
Имя девушки ты сказал?
Милой дочкой ее назвал?
Пусть умрет она от тоски —
Раздроблю я тебя в куски,
Размозжу круглый череп твой!
Выходи, Ялмогыз, на бой!»

Замахнулся мечом Буньяд
 И ударил! Зловонный чад,
 Пламя желтое до небес
 Обожгли, охватили лес.
 Снова грянул мечом Буньяд —
 Брызнул в небо зеленый яд.
 Реки яда, шипя, текут,
 Из разверстого рта бегут.

Меч гремит богатырский вновь.
 Наводненьем багровым кровь,
 Дива кровь, потекла кругом,
 Клокоча под кривым мечом.
 Наконец извернулся див,
 Над Буньядом взметнулся див,
 Стопудовой своей рукой
 Размахнувшись над головой,
 Оглушил его кулаком...
 И упал богатырь ничком.

Мертвый лес, как вулкан, дрожит,
 В небесах ураган гудит.
 Птичьи стаи с высот летят,
 Звери к ним из лесов спешат —
 Все явились и ждут гурьбой,
 Чем окончится этот бой.
 Недвижим богатырь лежит,
 А над ним Ялмогыз сидит.
 Говорит себе Ялмогыз:
 «Я бы горло ему прогрыз!
 Вот сейчас отдохну часок,
 Свежей крови глотну глоток,

Полежу еще, а потом
Проглочу я его живьем...»
И крихтит он, и весь кипит,
И на горло врага глядит.

4

Стало тихо. Туман осел,
Ветер издали прилетел,
Обнял юношу, словно сон,
Тронул черные кудри он,
Бросил флейте одну волну
И умчался в свою страну.
И Буньяд, задрожавший вдруг,
Слышит нежный, протяжный звук,
Словно кто-то зовет его,
Сына бедного своего.
Нет, он жив еще! Будет жить,
Будет землю свою любить!
Обратясь лицом на восток,
Вынимает он свой платок,
И к щепотке земли родной
Прижимается он щекой.
Запах родины услышал
И опять исполином стал.
«Нет, я жив еще! Буду жить,
Буду недруга злого бить!»

Дым клубится с широких плеч,
Ярким пламенем пышет меч,
Искры мечет, как гром гремит.
Див горой на пути стоит.
Крякнул меч и, как сгнивший ствол,
Дива надвое расколол!

Онемевший Буньяд глядит:
Мертвый див перед ним лежит.
Мяса дикого косогор
Занял видимый весь простор,
Зацепились в лесу рога,
В поле высунута нога,
Ворон вьется над головой...
Так окончился этот бой.

5

И нахлынула синева,
Зашумела в лесу листва...
Словно вымытые грозой,
Засверкали кусты росой.
Яркой радуги луч упал,
Самоцветами заснял.
Словно месяцы в небесах,
На своих кружевных крылах
Птичьи стаи, в лучах горя,
Окружили богатыря.
Осенили крылами меч,
Отряхнули пылинки с плеч,
Освежили дыханьем грудь,
Проводили в обратный путь.

6

Еле-еле Буньяд идет,
Струйка крови за ним ползет.
Изумленно глядит окрест
И не видит знакомых мест:
Вместо страшной горы крутой
Блещет озеро синевой,
Возле синих спокойных вод

Чистит свой гребешок удод.
Там, где высился мертвый лес,
Сад прекраснее всех чудес.
Вместо серой ползучей тьмы —
Алых бархатных роз холмы...
Осторожно Буньяд идет.
Глины ком на пути встает.
А из глины, как чудо, вдруг
Появляется вновь Симург.
В синих отсветах перья все
В шелковистой своей красе
Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром;
Очи радостны и нежны
И к Буньяду обращены.
К ней навстречу Буньяд бежит.
«Здравствуй, птица моя! — кричит. —
Здравствуй, счастье! Окончен бой,
Вновь увиделся я с тобой!»
Смотрит птица в его глаза,
Видит: в них глубоко — слеза.
Видит: кудри его седы
И кровавы его следы.
Видит: меч его искривлен,
Весь в зазубринах ржавых он.

Пред героем склонилась ниц
Птица счастья, царица птиц.
Приложила к его следам,
Меч его поднесла к устам
И сказала: «Мой смелый друг,
Песню славы поет Симург!
Песня эта, как мы с тобой,
Полетит над родной землей.

Пусть победы твоей полет
К новым подвигам мир зовет.
К солнцу, к солнцу!..»
И, словно хор,
Вторил птице земной простор:
«К солнцу, к солнцу!..»
Шумела высь.
Над землею они неслись.

7

Там, где розовый цвел урюк,
Распрощался Буньяд с Симург,
Он на камень дорожный сел,
Долго-долго ей вслед смотрел,
Как она в синеве плыла,
Как сверкали ее крыла.
«Это слава моя летит,
Это счастье мое блестит,
Улетает крылатый конь...»
Вечерело. Мигнул огонь,
Потянуло дымком родным...
И пошел человек на дым.

Глава четвертая

1

Вот знакомый шумит базар,
Здесь когда-то стоял чинар...
Было это — а может, нет?..
Осыпается легкий цвет
С белых яблонь. Ручьи бегут,

Лепестки по воде плывут.
У арыка, людей полна,
Пестроцветная чайхана.
Люди спорят, молчат, жуют.
Чай зеленый усердно пьют,
И гадалщик сидит слепой
В придорожной тени густой.
Свет заката в пустых глазах,
Горсть бобов — в восковых руках.
Вот Буньяд в чайхане сидит —
В пиалу крепкий чай налит,—
Исподлобья глядит вокруг:
Не найдется ль случайный друг,
Чтобы вместе чайку попить,
О событиях расспросить?
Важно люди кругом сидят,
На прищельца едва глядят:
И к чему богатеям злым
Оборванец с лицом худым.
Пышет пламенем самовар,
Заунывно звенит дутар,
В такт напеву трясет слепой
Глянцевитою головой.

Сел Буньяд рядом с ним в углу,
Протянул ему пиалу:
«Разделите, отец, со мной
Этот скромный напиток мой!»
И слепец пиалу берет,
Чай зеленый степенно пьет,
Молвит юноше: «Мой джигит!
Ведь пословица нам велит
Людям кланяться сорок раз,
Что однажды пригрели нас.

Хочешь, зернышки разложу
И судьбу тебе предскажу?»

Улыбнулся в ответ Буньяд,—
Он не знал никаких преград,
Ялмогыза он победил,
Мир от мрака освободил.
«Нет,— сказал он,— молчи, отец!
Сам узнаю, какой конец,
Сам дойду до конца пути,
Испытаю, что впереди!..»

У дороги миндаля цветет,
По дороге Буньяд идет...

2

В золотистый закатный свет
Серый мрамор дворца одет.
Перед страшным пришельцем вдруг
Расступаются сотни слуг.
По текинским коврам герой
В бирюзовый идет покой.
Вот, величием осиян,
В златотканом халате хан.
И Буньяд говорит ему:
«По велению твоему
Обошел я весь белый свет,
Воротился держать ответ.
Через реки я переплыл,
Через горы перевалил,
Там, на самом краю небес,
Я прошел через мертвый лес.
Див чудовищный Ялмогыз
Подо мною каменья грыз.

Это чудище я убил,
Мир от мрака освободил!
Мне не надо иных наград —
Дай мне дочь твою Паризад,
Пери ласковую мою,
Завоеванную в бою!»
Весь кипел от волненья хан,
Багровел от смущенья хан,
Тряс тревожно своей седой,
Хною крашенной бородой
И окончившему рассказ
Отвечал, не поднявши глаз:
«Да, конечно... Ты прав, герой,
Был у нас договор такой.
Значит, див Ялмогыз убит?
За наградю ты, джигит?...»
Зашептался блестящий круг
Ханских родичей, ханских слуг:
«Ялмогыза убил герой,
За наградой пришел домой
За обещанной...» Хан привстал,
Хриплым голосом закричал:
«Дайте мой драгоценный меч,
Шубу красную с ханских плеч
Да в придачу мешок с казной!»
«Нет, не надо! — сказал герой. —
Унесите все это прочь!
Обещал ты в награду дочь.
Я за нею пришел, за той,
Что сказала: «Иди на бой,
И когда б ни пришел назад,
Будет ждать тебя Паризад...»
Выполняй свое слово, хан,
Не хочу я другого, хан!»

И теснее сомкнулся круг
Ханских родичей, ханских слуг:
«Отказался от всех наград!
В жены требует Паризад...»
Хан промолвил тогда: «Мой свет!
Сам ты мне подсказал ответ:
В бой не я тебя посылал
И не я обещанье дал.
Позовите сюда ее,
Чудо горестное мое.
Пусть скорее сюда идет,
С ним сама разговор ведет!»
В ожиданье Буньяд стоит,
На раскрытую дверь глядит.

3

А навстречу идет она,
Как апреля луна, полна,
Вся — лукавое торжество,
Чернокосое божество.
Косы черные распустив,
Белым жемчугом перевив,
Шла, не видя кругом людей,
В горделивой красе своей.
Что такое? Иль это сон?..
Сон чудовищный видит он:
Дочь в руках Паризад несет
И сынка за собой ведет,
А за ними шумит толпой
Возбужденных придворных рой.
Им детей своих передав,
Перед хмурым Буньядом встав
И откинувшись вдруг назад,

Рассмеялся Паризад:
«А, пастух! Ты пришел за мной,
За смиренной своей женой?
О, лишь тот, кто родня ослам,
Мог поверить таким словам!
Ха-ха-ха!.. До чего красив,
И отважен, и молчалив!
Посмотрите-ка на него,
Мужа нового мёго!
Я тебя проводила в бой,
Чтоб разделаться так с тобой,
Прямо к диву послала в пасть,
Чтоб упряму в нее попасть.
Лучше вышла б за петуха,
Чем за дикого пастуха!
Будь ты лучшим из всех людей,
Мне в постели, пастух, твоей
(Даже если в шелках она)
Все солома была б слышна,
Все бы жесткой соломы клок
В мой атласный впивался бок.
Ты уехал, и в ту же ночь
Свадьбу справила хана дочь.
И визирь наш стал мужем мне
В ту же ночь, при большой луне.
Что ж, пастух, вот и весь мой сказ!»
В хищном блеске раскосых глаз
Искры смеха еще дрожат...
В землю вросший, стоит Буньяд.

4

Словно молнией поражен,
Задрожал, покачнулся он.

Захлестнула Буньяда страсть,
Потерял над собою власть,
Вырвал меч...
Заметался круг
Ханских родичей, ханских слуг:
«Тише, тише! Не то Буньяд
Может всех нас сразить подряд!
С Ялмогызом сразился он,
За наградой явился он.
Он и хана и дочь убьет,
Наше ханство себе возьмет.
Тише, тише!»
Стыдом объят,
Отшатнулся назад Буньяд,
Острый меч опустил в ножны,
Очи черные слез полны.
С удивлением и тоской
Говорит он, как сам с собой:
«Паризад! Светлый образ твой
В моем сердце — совсем иной.
Нет, красавица, не тебя
Убивать мне, в слезах скорбя!
Нет, ни гибель твоя, ни кровь
Не вернут мне мою любовь.
Ты — не та, для которой я
Все земные прошел края,
Видел реки, вершины гор,
Неоглядных песков простор,
Звал меня в богатырский бой
Ясный голос совсем не твой.
Не тебя я в душе носил
И совсем не тебя любил.
Если б ты была Паризад —
Слов своих не взяла б назад!»

И поблекла лицом она,
Опозорена и темна;
Растрепалися волоса.
Вдруг исчезла ее краса...
Смотрят все и отводят взгляд.
Посмотрел на нее Буньяд,
Отвернулся и вышел вон.

5

В тьме сиреневой небосклон,
Ветви, полные лепестков,
Волны синие ручейков —
Все навстречу спешит ему,
Сыну верному своему.
Травы, блестящие росой,
Пробиваются под ногой,
Расстилаются, как атлас,
О герое ведут рассказ.
И, услыша их шепоток,
С гор дремучих летит поток,
Рокотаньем алмазных вод
Прославляет его приход.
Звезды в руки ему летят,
Розы в очи ему глядят,
Просыпаются соловьи
И поют о его любви.
Жадно смотрит Буньяд кругом,
Ловит воздух горячим ртом:
«Нет, я жив еще! Буду жить,
Буду счастье свое ловить!
Выше горя моя любовь,
Глубже смерти моя любовь!»
И в омытый слезами взор

Загляделся земной простор,
Словно всей красоты весна
В нем, бездонном, заключена.

6

Только кто-то к нему идет,
Осторожно его зовет.
Отодвинув рукой кусты,
Старец вышел из темноты
И взволнованно говорит:
«Ну и спрятался ты, джигит!
Видишь ярких костров огни?
В честь твою зажжены они!
Весь народ собрался толпой,
Чтоб увидеть тебя, герой!
Чай заварен. Из всех котлов
Ароматный дымится плов.
В круглых чашах вино кипит...
Мы заждались тебя, джигит!
Уважение окажи,
Нам о подвигах расскажи!»

7

В трепетанье ночных костров
Краснотканый узор ковров;
Дышат шелковые цветы,
Выступая из темноты;
Тенью бархатный виноград
Обвивает просторный сад;
И, прекраснее всех огней,
Восхищенье в глазах людей.
Все героя Буньяда ждут,

Все навстречу ему встают.
Стало весело и светло,
Словно солнце в саду взошло.

8

То не солнце — то человек,
Повернувший планеты бег,
Тот, что насмерть в бою стоял,
Чтобы недруг проклятый пал,
Что окончил кровавый бой
И победу привез домой.
Шрам кривой на его плече,
Кровь врага на его мече,
Пыль дорог на седых кудрях,
Звездный свет в молодых глазах.
А над ним высота поет,
Смелых к солнцу она зовет.

9

Люди, люди к нему идут,
Ворох роз для него несут...
Руки нежные матерей
Поднимают к нему детей.
И красавицы, роз нежней,
Не спускают с него очей.
И джигиты целуют меч,
Закаленный в пожарах сеч.
И слепца поводырь ведет:
Это старый гадалщик тот,
Запыхавшийся от ходьбы,
Пробирается средь толны.
Он к Буньяду подсел, у ног,

Пыль собрал он с его сапог,
Пыль дорожную, как бальзам,
Он к незрячим прижал глазам,
К небу руки свои воздел,
Улыбнулся — и вдруг прозрел!
... Дышат травы. Цветут цветы.
Праздник блещет среди темноты.
А когда тишина сошла,
Над горами луна взошла,
Оглянулся Буньяд вокруг
И движением гибких рук
Флейгу, радость свою, достал,
По ладам ее пробежал.
Люди, головы наклонив,
Ловят песенный перелив.

Песня плачет, шумит, поет...
В ней — прибой голубых высот,
Неоглядная степь в огне,
Богатырь на своем коне,
И короткий прощальный взгляд
Брови вскинувшей Паризад,
И далекий-далекий путь,
И открытая ветру грудь,
И единственный в жизни миг,
Когда к горлу подступит крик,
Когда смерть с четырех сторон,
А в тебе огонек зажжен,
И щекочет ноздри твои
Теплый запах родной земли,—
Миг, в который проходит век,
И становится человек,
Незаметный, совсем простой,
Великаном земли родной...

Нет, не песня в саду гремит,
Это птица Симураг летит.
В синих отсветах перья все
В несказанной своей красе
Разгораются под лучом
То сапфиром, то серебром.
Мчится мира крылатый конь,
Высекая из гор огонь.
Совершая над бездной круг,
Птица счастья летит, Симураг.

1939

СЛОВАРЬ

- Аз а н** — призыв на молитву.
А к а — старший брат; почтительное обращение к старшему.
А м а н — здравствуй.
А п а — старшая сестра; почтительное обращение к старшей сестре.
А р ч а — порода дерева.
Б а р ч и н о й — героиня узбекского народного эпоса «Алпамыш».
Б е ш и к — колыбель особого устройства.
В и з и р ь — приближенный хана; министр.
Г а з е л ь — стихотворная форма.
Г у л ь-у и н — танец цветов.
Д а с т а н — поэма.
Д е р в и ш — нищий монах-странник.
Д ж е й х у н — название сказочной рыбы; старинное название Аму-Дарьи.
Д ж и н — злой дух.
Д и в — демоническое существо, олицетворение зла и коварства, персонаж многих узбекских сказок.
Д у в а л — глинобитная стена.
Д у т а р — двухструнный музыкальный инструмент.
И м а м — мусульманское духовное лицо.
И ч к а р и — женская половина в доме.
К а й в а н — название планеты Сатурн; считалось, что Кайван приносит счастье.
К а л а н д а р — дервиш, нищий, монах, странник.
К а м ч а — плеть.
К а р а г а ч — дерево, вид вяза.
К а р н а й — длинная, до двух метров, медная труба, издающая оглушительные звуки.
К а р н а й ч и — трубач, музыкант, играющий на карнае.
К а с а — большая пиала (чаша).

К у р б а н — религиозный праздник; жертвоприношение.
М а з а р — гробница, могила святого, кладбище.
О м а ч — деревянный плуг.
П а я н д о з — ковер, подстилаемый под ноги в знак особого уважения.
Р у с т е м — герой поэмы Фирдоуси «Шахнамэ»; легендарный витязь.
С а л а м — здравствуйте.
С а й — речка.
С и м у р г — сказочная птица.
С и я б — река в Узбекистане.
С у р а — глава из корана.
С у р н а й — узбекский деревянный духовой инструмент типа гобоя.
С ю з а н е — расшитый стеной ковер.
Т а б у т — погребальные носилки.
Т а л — ива.
Т е ш а — род топора.
Т о в б а — возглас удивления.
Т о й — пир в честь какого-либо события или семейного торжества.
У л а к — конное состязание, во время которого всадники выхватывают друг у друга козла.
Ч а й р и к е р — издольщик-арендатор.
Ч а п а н — стеганный халат.
Ч и г и р и к — кустарная ручная деревянная машина для очистки хлопка.
Ч и г и т — семена хлопка.
Ш и р м а й — сдобная лепешка с анисом.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

Слово о Хамиде Алимджане. Камиль Яшен	3
Узбекистан. Перевел Л. Пеньковский	17
Молодая сила. Перевела М. Замаховская	20
Когда тоскуешь по весне... Перевела М. Замаховская	21
Обновление. Перевела Т. Спендиарова	22
Дочь Азербайджана. Перевела М. Замаховская	24
Восток. Перевел П. Семьнин	26
В огне возмездия. Перевел А. Шпирт	30
Детство. Перевела Л. Руст	32
На берегу Балтийского моря. Перевела М. Замаховская	35
Сияб. Перевела Л. Руст	36
Узбекистане. Перевела Л. Руст	41
Степи. Перевел П. Семьнин	45
Комсомол идет. Перевел В. Сикорский	47
Великий поход. Перевел В. Державин	51
Страна мобилизована. Перевел В. Сикорский	54
Что в ней проку, в Америке? Перевел М. Тарловский	59
Готов трактор. Перевел В. Державин	63
Бдительность. Перевела Т. Спендиарова	68
Шагай, мой народ! Перевел В. Сикорский	74
Ферганская долина. Перевел С. Липкин	80
Юность. Перевела С. Сомова	86
Весна. Перевел Л. Пеньковский	88

Бахри. Перевел П. Семинин	90
Ночь у реки. Перевел В. Державин	93
Огни Москвы. Перевел А. Шпирт	95
Поезда. Перевел С. Липкин	97
Другу-сборщице. Перевела К. Арсенева	99
Воображение певца. Перевел В. Державин	100
Горная газель. Перевела С. Сомова	104
В Чимгане. Перевела С. Сомова	106
Смерть Офелии. Перевела С. Сомова	108
На берегу Черного моря. Перевела С. Сомова	112
Южной ночью. Перевела С. Сомова	113
Утро после дождя. Перевела С. Сомова	114
«Счастливы я...» Перевела М. Замаховская	115
«Я стыжусь себя...» Перевела С. Сомова	116
Пушкин. Перевел В. Любин	117
Как прозрачна река. Перевела С. Сомова	119
«В года цветущей юности...» Перевела С. Сомова	120
«Прощалась...» Перевел В. Державин	121
«Только ветер над травой...» Перевела С. Сомова	122
Хулькар. Перевел С. Липкин	123
Казахстан. Перевел А. Шпирт	124
Когда цветет урюк. Перевел Л. Пеньковский	126
«Сколько в веках...» Перевел Л. Пеньковский	128
Родина. Перевела Л. Руст	130
Хвала домбре. Перевел В. Державин	131
Поиски ночи. Перевела К. Арсенева	133
Вопрос. Перевела С. Сомова	134
Минута молчания. Перевела С. Сомова	135
Вдохновение. Перевела С. Сомова	136
Счастье народа. Перевела К. Арсенева	137
«Что с пути нас заставит свернуть...» Перевел В. Сикорский	139
«Я вижу пчел...» Перевела С. Сомова	140
Ключ к счастью. Перевел Л. Пеньковский	141
Самарканд 21 января 1924 года. Перевел В. Державин	143

На берегах Чирчика. Перевел В. Державин	146
Самолет. Перевела К. Арсенева	149
Лола. Перевела К. Арсенева	150
Возьми оружие в руки. Перевел В. Державин	151
Отправка бойцов на фронт. Перевел А. Шпирт	153
Письмо. Перевел В. Державин	155
Москва. Перевела С. Сомова	158
Когда уходили на Восток. Перевел В. Державин	160
Любовь. Перевел Л. Пеньковский	163
Верность. Перевела С. Сомова	166
Деревце. Перевела С. Сомова	168
Джигит. Перевел В. Державин	170
Привет гвардейцам. Перевел В. Державин	172
Другу, идущему с Востока на Запад. Перевел В. Левик	173
Россия. Перевел В. Державин	175
Шиннель. Перевел В. Державин	177
День твоего рожденья. Перевела С. Сомова	179
Встреча. Перевел С. Липкин	181
Луна над осажденным городом. Перевела С. Сомова	182

БАЛЛАДЫ

Шахимардан. Перевел А. Шпирт	184
Мастерство. Перевел В. Державин	193
Жизнь старика. Перевел В. Бугальский	197

ПОЭМЫ

Зейнаб и Аман. Перевела С. Сомова	208
Ойгуль и Бахтиер. Перевел С. Липкин	251
Симург. Перевела С. Сомова	282
Словарь :	331

ХАМИД АЛИМДЖАН
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Перевод с узбекского

Редактор И. ЗАЛЕНСКАЯ
Художник Э. ИСХАКОВ
Художественный редактор И. ЦЫГАНОВ
Технический редактор В. БАҒСУКОВА
Корректоры Л. КАЗАКОВА, А. СЛУЧЕНКОВА.

Сдано в набор 12/II—1971 г. Подписано к печати 16/III—1971 г. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 13,72+0,2 (5 вклеек). Тираж 10 000. Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, Ташкент, Навои, 30. Договор № 8—71.

Отпечатано на полиграфкомбинате Государственного комитета Совета Министров УзССР по печати на бумаге № 1, Ташкент, ул. Навои, 30. Заказ № 116. Цена 1 р. 92 к.

А 50

Алимджан, Хамид

Избранные произведения. (Пер. с узб.)
Изд-во лит-ры и искусства им. Г. Гуляма. 1971.
336 с.

Т.

Уз2

Индекс 7—4—3